Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

Исторические науки

№ 7 (2015)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АНТИКВА
Симферополь
2015

УДК 7.072.2(051)

Рекомендовано к печати Ученым советом
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 5 от 29 мая 2015 г.)

Редакционная коллегия:

Главный редактор — Е. В. Чайка

Члены редакционной коллегии: В. В. Медушевский., М. А. Сова, Лю Бинцянь (Китай), Ю. Каленска-Родзай (Польша), Е. Н. Маркова (Украина), Н. Е. Гребенюк (Украина), Н. А. Давыдов (Украина)

Ответственный редактор — Н. Ф. Федосеев

Таврические студии. Исторические науки № 7. — Симферополь : ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2015. — 170 с.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несет. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2015
© ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», 2015
© ООО «Антиква», оригинал-макет, 2015

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБУ РК «ВОСТОЧНО-КРЫМСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ГБОУВО РК «КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВ И ТУРИЗМА»
ФГБОУ ВПО «КЕРЧЕНСКИЙ МОРСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Международная научно-практическая конференция

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

К 70-летию Боспорской экспедиции (Пантикапей)

13 — 14 августа 2015 г.

г. Керчь

Дорогой читатель!

Этот выпуск журнала «Таврические студии», представляет собой сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора», ведущей свою историю с 50-х годов XX века и возобновившей работу после длительного перерыва в 2013 г. стараниями руководства и сотрудников Керченского музея-заповедника. В 2014 г. конференция была посвящена 250-летию Государственного Эрмитажа и 80-летию Мирмекийской экспедиции, а в этом году мы отмечаем 70-летие Боспорской археологической экспедиции, изучающей Пантикапей.

История археологических раскопок на Боспоре и в Пантикапее насчитывает примерно двести лет. Начало изучения Пантикапея относится к началу XIX столетия, когда Крым и Керченский полуостров и, в первую очередь, городище Пантикапей, с расположенными вокруг него величественными курганами, становятся местом паломничества историков, филологов, любителей древностей, писателей.

Сочинения и путевые заметки таких путешественников и историков, как П. И. Кеппен, И. М. Муравьев-Апостол, П. Сумароков, Фредерик Дюбуа де Монпере и других содержат ряд ценных сведений относительно виденных ими древностей.

Систематические исследования Пантикапея, которые после К. Е. Думберга практически не проводились, начинаются в 1945 г. По инициативе профессора В. Д. Блаватского, совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР была создана Боспорская археологическая экспедиция Государственного музея истории искусств им. А. С. Пушкина. Первый же год её работы ознаменовался замечательной находкой солонки с именами Гигиенонта и Патайка — победителей в эпическом соревновании, ставшей еще одним свидетельством существования театра в Пантикапее.

Благодаря кропотливому труду археологов мы сегодня знаем больше об одном из самых выдающихся городов-полисов во всем античном Причерноморье. Центр управления обширным Боспорским царством находился в Пантикапее, вернее, на вершине акрополя, в басилее. Греческий географ Страбон так описывает его: «Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадий, с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей…», т. е. в лучшие годы Пантикапей занимал площадь 120 гектар. По меркам Древнего мира — огромный город. И это подтверждается насыщенностью культурного слоя Пантикапея, раскопки которого вот уже 70 лет ведутся Боспорской археологической экспедицией.

Усилиями И. Д. Марченко, возглавившей Боспорскую экспедицию в 1959 г., были открыты хорошо сохранившиеся остатки монументального здания III-II веков до н. э. с колоннадой дорического ордера, который она определила как «пританей» древнего Пантикапея. Позднее Ирина Дмитриевна организовала частичное восстановление этого уникального сооружения методом анастилоза, т. е. из подлинных, обнаруженных на месте, древних деталей. Теперь Пританей — это визитная карточка Керчи.

С 1977 г. Боспорскую экспедицию возглавляет Владимир Петрович Толстиков — заведующий Отделом искусства и археологии Древнего мира ГМИИ им. А. С. Пушкина. К значимым археологическим открытиям последних лет следует отнести группу построек, пришедших на смену примитивным землянкам, здание толоса — древнейшего сооружения для магистратов Пантикапея, обширного двор-

цового комплекса эллинистического периода — легендарной басилеи боспорских Спартокидов. Благодаря археологическим исследованиям Боспорской экспедиции удалось в значительной степени выяснить особенности системы обороны акрополя Пантикапея, и выявить планировку основных элементов сложной фортификационной системы акрополя.

Впервые за десятилетия археологических исследований удалось выявить культурные слои древнейшего города.

Находки из этих слоев относятся к первой половине VI века до н. э., а отдельные — к концу VII в. до н. э. Эти замечательные открытия подтверждают, что Пантикапей был основан в первой четверти VI в. до н. э.

Украшением коллекций историко-культурного музея стали многочисленные фрагменты ионийской расписной и аттической черно- и краснофигурной керамики, терракоты, керамические клейма, изделия из металла, десятки архитектурных деталей, а также великолепные подлинники древнегреческой и римской пластики, созданные древними мастерами, которые с полным основанием можно отнести к шедеврам.

Минуло 26 веков со дня основания Пантикапея, столицы могущественного Боспорского царства. Город пережил множество внутренних войн, нападений варваров, землетрясений, но жизнь здесь никогда не прекращалась. В разные времена город носил названия — Воспро, Черкио и Корчев. Пронеслись историческим вихрем судьбы сменявших друг друга народов, культур, государств, а Пантикапей и сегодня возвышается над всем Восточным Крымом, над двумя морями и Керченским проливом. Соседствуя с символом Великой Победы — Обелиском Славы города-героя Керчи, он остается историко-архитектурной доминантой современного города, и осуществляет связь времен, народов и поколений. Территория античного Пантикапея — это не только территория древнего города, на которой ведутся археологические раскопки. В последние годы мы решились на еще один смелый эксперимент, связанный с античным наследием. Вот уже второе десятилетие в Керчи летом проходит международный фестиваль античного искусства «Боспорские агоны». Фестиваль стал местом встречи популярных артистов, режиссеров, театральных коллективов разных стран. В течение последних лет сценической площадкой для театров, ставящих пьесы античных авторов, стала площадка перед Пританеем. Развертывающиеся на фоне аутентичных построек действия античных трагедий производят неизгладимое впечатление на зрителей и способствуют популяризации античного наследия.

Пантикапей, как «вечный» город, всегда востребован. Мы же свою основную задачу видим в том, чтобы сохранить это культурное наследие и передать его поколениям.

Т. В. Умрихина
Генеральный директор
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»

УДК 908 (477.75)

С. Н. Авсенёва

География керченского полуострова в сочинениях путешественников по Крыму конца XVIII — первой половины XIX в.

Записки путешественников как исторический источник по сей день остаются актуальными в науке. В частности, большое значение они приобретают при воссоздании картины исторического прошлого Керчи конца XVIII — первой половины XIX в.

Ключевые слова: *Керчь; записки путешественников; география.*

Одним из примечательных аспектов, завладевшим умами путешественников по Крыму конца XVIII — первой половины XIX в., как отечественных, так и иностранных, была география Керченского полуострова, которая показала некоторым особой, а, порой, и разительно отличающейся от географии остальной части Крыма. Приезжавшие из далеких краев, дивились местным особенностям климата, изучали, сравнивали…

Пристальное внимание **Шарля Жильбера Ромма** (1786) привлекли местная почва, грязевые вулканы и соляные озера[1] [Ромм, 1941, с. 48]. С географией Керчи и ее окрестностей путешественник ознакомился заранее, изучив сочинение К. И. Габлица: «Из Феодосии мы направились в Еникале. Первая станция находится в Курпечайской[2], за 19 верст. На этом перегоне я получил подтверждение того, что и раньше пред-

[1] На юго-западной равнине Керченского полуострова расположены соляные озера: Ачи-коль, Илькан-коль, Ташлы-коль, Кара-коль, Ешиль-коль, Даутель-коль и др. В юго-восточном углу юго-западной равнины расположены вдоль берега Черного моря три соляных озера морского происхождения — Опук или Элькинское, Узунлар и Качак между мысом Чауда и сопкой Дюрмень.

[2] Курпечайская (Курпеч, Корпечь, Корфечь) или Птичное — поселение XVII — XVIII вв. Находилось в 1,5 — 2 км к северу — северо-западу от современного села Фронтовое 2 Ленинского района [Гаврилов, 2008, с.331-384].

полагал. За несколько верст отсюда почва понижается, становясь в некоторых местах болотистой. <…> С этой станции мы проехали в Кятскую, за 17 верст. Здесь есть овраг, наполняющийся водой только по веснам, когда ее много в Азовском море. В колодцах в этой местности вода солоноватая. <…> Природа почвы совершенно та же, что в Перекопе. <…>

Равнины встречаются, но вообще-то поверхность почвы очень неровная, и вдоль всей дороги, обычно по направлению к Черному морю, вы видите цепь небольших возвышенностей, более или менее близко подходящих к дороге. Татары называют их Джиль-га. Кроме того, и вокруг соленых озер, а также по соседству с небольшими речками виднеются возвышенности, вполне заслуживающие упоминания о них. Стоит также отметить, что в колодцах и даже в речках, когда они мелеют, вода солено-горькая. Такова она в Каджаларе[3], на Джиль-ге или в долине Каджалара. Значительная высота над уровнем моря этих соленых озер[4], встречавшихся нам по правой руке, соленость некоторых небольших речек и почвы в достаточной мере доказывают, что, вопреки мнению г-на Габлица, эти озера не получают своих вод из моря путем просачивания их сквозь почву, — ведь некоторые из них, например озеро, лежащее между Аргинской и Кятской, высыхают по летам» [Ромм, 1941, с. 48]. Остановил внимание Ромм и на расположенных неподалеку он Ени-Кале нефтяных источниках: «Неподалеку от города, примерно в одной версте, находится источник нефти, выступающей из глубины воды каплями, которые затем расходятся по поверхности. <…> Итак, можно предположить, что на большой глубине земля находится в очень жидком состоянии, несомненно, благодаря просачиванию вод из верхних слоев, что почва содержит горючие вещества растительного царства, которые при достаточной увлажненности дают брожение и производят в таком изобилии водород, благодаря наличию которого приближаться к этим местам летом невыносимо и даже опасно. Что это вещества растительного царства, — я утверждаю на том основании, что водород в соединении с обыкновенным воздухом взрыва не производит. <…>

По поводу здешних холодов сообщают как о чем-то совершенно необыкновенном, что 6 лет назад пролив так сильно замерз, что можно было в легких санках проехать из Еникале в Тамань, обычно же такой переезд невозможен; это сильно отличается от того, что бывало при скифах, переезжавших по льду пролива в своих грузных повозках.

Сила и направление течения в проливе определяются ветром. Иногда с Азовского моря он дует так сильно, что в таганрогском порту ощущается недостаток воды.

В проливе вода менее соленая, чем в Черном море, но более соленая, нежели в Азовском, которое русские называют также Голубым морем» [Ромм, 1941, с. 51-52].

Подробнее о нефтяных и грязевых источниках, геологическом строении полуострова рассказал **Петр Симон Паллас** (1794). Путешественник привел список семи мест на Керченском полуострове, где имеются залежи нефти, и упомянул расположенные к северу за 2 версты от них грязевые источники, частью высохшие: «Я хочу указать все известные мне места на Босфорском полуострове, в которых, кроме двух уже известных, находится нефть или горная порода, собиравшаяся прежде артиллеристами для фейерверков: 1. У покинутой деревни Иръял, в пяти верстах от Керчи.

2. У деревни Сеит-Али, в тридцати трех верстах от Керчи. 3. У деревни и соляного озера Шунгулек, о котором скажу далее. 4. У Копкини-газа — со-

[3] Река Джарджава, что впадает в Керченскую бухту севернее м. Ак.-Бурун. Когда-то на ее берегах располагалась городская слободка Джерджава (Жаржава), вошедшая сейчас в территорию Керчи [Олиферов, Тимченко, 2005, с.132-146].

[4] В возвышенной части Керченского полуострова расположены, главным образом, соляные озера морского происхождения: Акташское, Чокрак, Чурубаш и Тобечик.

рок четыре версты от Керчи, в соседстве тех же соляных озер. 5. У Ярмой-Качика. 6. У соляного озера Мизирь, между холмами, в восьми верстах от Керчи, в стороне Азовского моря. 7. По дороге к Арабату, тридцать три версты от Керчи, в плоской долине, где в девяти ямах все лето добывается едва два ведра нефти.

В нескольких верстах от этих ям, следуя по берегу Босфора к Азовскому морю, встречают на возвышенности, отстоящей приблизительно на версту от моря, несколько грязевых источников по направлению от северо-востока к юго-западу» [Паллас, 1883, с. 59-61].

Описывая свой путь из Каффы в Керчь, идущий почтовой дорогой, Паллас также детально рассказывает о встречающихся ему растениях полуострова, приводит сведения об их распространенности, условиях произрастания и прочем: «Почтовая дорога идет от Кафы через деревню Шибан (22 версты) на значительном расстоянии вдоль песчаного берега бухты и такой же песчаной равнины. Здесь растут: до сих пор не примеченный в Крыму Astragalus tennifolius[5] и Onobrychnis[6] в их настоящем виде, тогда как на известковых почвах Крыма они малы и ползучи; также и Chierantus montanus, нигде еще мною не виденный на полуострове <…>. На морском берегу к востоку — много гребешков 12, феллин 13 и других раковин. Растущие здесь растения: Elymus[7] и Eryngium maritimum, Daucus muricatus, Crambe orientalis и maritima, Gallium piostratum, Asperula cynanchica, Astragalus Onobrychis и virgatus, Achillea tomentosa, Bunias Cakile, Centaurea paniculata, Coromilla varia, Medieago falcata, Thymus Zygis, Cheirantus erysimoides, Potentilla recta, Feucrium Polium, Atriplex portuiacoides, Statice Limonitim, Artemisia austriaca, Plantago media и lancelata и иные. Я находил очень много Coluber Berus и июньских жуков с белым пухом. Эта коса имеет 11 верст длины до переправы в Ениче[8]. <…> Все татары, живущие в безлесной местности Крыма в Керченском полуострове, употребляют для отопления навозный кизяк, насыпая из его золы целые холмы вокруг своих жилищ, из нее могла бы получаться в большом количестве и хорошего качества селитра. Никаких садов на всем Босфорском полуострове не видно. Пахотная земля в полях везде черная и очень плодородная. Вокруг деревни видны солончаковые места. <…>

Следующая почтовая станция Аргин[9] (четырнадцать верст) — разоренная татарская деревня с мечетью из тесаного камня, на стенах которой высечены изречения из Корана, около нее — много, частью очень больших, надгробных памятников. Все камни состоят из конгломерата песка и обломков ракушек; этот пласт из образованного морем известняка, вероятно, покрывает весь Керченский полуостров, хотя он редко и только в нескольких местах выступает из-под чернозема» [Паллас, 1883, с. 49].

Марии Гатри (1795) земля от Феодосии до Керчи показалась сухой и бесплодной, сведения о геологических особенностях полуострова она передает,

---

[5] Астрагал узколистный (бобовые) [Флора Сибири, 1994, с.211].
[6] Эспарцет — род растений из семейства бобовые. Известно до 80 видов дико растущих в средней и южной Европе, в северной Африке и в западной Азии.
[7] Пырейник; Синеголовник приморский, или Эрингиум — род травянистых растений семейства зонтичные; Вид моркови; Катран восточный — род многолетних или однолетних растений семейства капустные; Катран приморский; Подмаренник; Ясменник розоватый — многолетний полукустарник, вид рода Ясменник семейства мареновые; Астрагал эспарцетовый и прутьевидный; Тысячелистник войлочный; Свербига (разновидность репы); Кентаврия паникулята; Вязель разноцветный семейства бобовых; Люцерна серповидная; Тимьян белый; Хейрантус (лакфиоль); Лапчатка прямостоячая, или Калган — многолетнее растение высотой 10-30 см с толстым деревянистым, узловатым корневищем; Дубравник беловойлочный (Дубравник белый, Седач); Лебеда портулаковидная; Статица (Статице, Лимониум); Полынь австрийская. Семейство астровые (сложноцветные); Подорожник средний.
[8] Геническ. «Гениче», «Ениче» происходит от турк. «Дженiче» — «тонкий».
[9] Ныне с. Романово.

ссылаясь на данные Палласа: «Доктор Паллас, отмечавший извержения грязевой соли, в которой присутствует тепло и дым, но главным образом нефть, отметил, что, несмотря на отсутствие угля вблизи поверхности земли, там еще должны быть минеральные слои на большой глубине и, вероятно, в огне» [Guthrie, 1802, p. 174].

Описанию растительности степи между Керчью и Феодосией уделил внимание также **Павел Иванович Сумароков** (1799; 1802): «… есть равная площадь, где редко увидишь какое-либо возвышение, и на ней нет ни речки, ни родника, ни малейшего признака леса[10]. Куда не обратить взор, везде представляется степь с засохшею от зноя травою, деревни лишены колодезей, садов и огородов» [Сумароков, 1803–1805, с. 94-99]. Однако путешественнику все-таки удалось встретить на полуострове полезную флору: «Продолжая путь от Такиль-Буруна[11] вдоль пролива мимо мысов Ак-Буруна[12] и Камыш-Буруна[13], и сделав верст 25, мы приехали к Керченской карантинной заставе. <…> Ковристая равнина простирается у подошвы горы вдоль морского берега, деревья от оставленных садов являют в рассеянных кучах разные плоды, и в тени их, посреди чистого луга идут прямыми улицами сказанные палатки. Все это составляет вид походного стана, на месте гульбища расположенного. Мы срывали своею рукою абрикосы, груши, сливы, и, запасаясь лакомством, бродили повсюду» [Сумароков, 1803–1805, с. 103-104].

Владимира Васильевича Измайлова, посетившего город в 1800 г., поразил здешний климат: «Повторяю, что сей полуостров пользуется счастливейшим из земных климатов[14]. Здесь четыре времени года едва разделяются. В декабре травы и цветы на минуту вянут, птички умолкают; снег засыпает землю; но в феврале стада пасутся уже на полях; речки, слабо застужены, вскрываются, и весна во всем своем украшении, при веянии весенних ветерков, под небом чистым и ясным, везде разливает теплоту, приятности и радость. Воздух вообще чисть и здоров, кроме некоторых мест, где горы, пересекая ветры, препятствуют очищению атмосферы, и где Сиваш распространяет вредные пары свои. Дни жарки, особливо в средине лета; ночи ясны, прохладны, и даже в приморских местах студены; лучшая погода стоит в последних месяцах года. Тогда безоблачная ясность царствует в воздухе; богатая жатва покрываешь поля, и благословение неба изливается под рукою благодарного человека» [Измайлов, 1800, с. 116-117].

Эдвард Даниэль Кларк (1800) заметил, что здешняя местность, несмотря на огромную работу Палласа, нуждается в более детальном изучении [Кларк, 1999, с. 34]. Пологость и мелководность керченских берегов, как весомый недостаток, отметил **Реджинальд Хебер** (1806) [Храпунов, 2008, с. 656-696] и **Генри Дейнби Сеймур** (1844): «Пролив, на котором он [город] стоит, называется Киммерийский Босфор, ведет от Черного моря до Азовского моря и отделяет Европу от Азии, он около 8 километров в ширину и в некоторых районах так мелок, что суда больше чем 12 футов не пропускаются, хотя во времена Петра Великого, при взятии Азо-

[10] Керченский полуостров лишен лесной растительности и не имеет рек с постоянным водостоком. Природные условия полуострова не способствуют развитию лесной растительности. Самый большой лесопарк — 18 км между Казантипским заливом и Акташским озером — в наше время находится на грани экологической катастрофы в связи с заболачиванием [Олиферов, Тимченко, 2005, с.132-146].

[11] Мыс, расположенный на Черноморском побережье Керченского полуострова.

[12] Ак-Бурун (Белый мыс) — западный мыс на побережье Керченского пролива, замыкающий с юга Керченскую бухту [Санжаровец, 2001, с.161-166].

[13] В XIX в. так назывался мыс на оконечности современной Камыш-Бурунской (Аршинцевской) косы, с зарослями камыша. Современный мыс Камыш-Бурун был известен тогда как Кара-Бурун («Черный мыс»). Современное название — м. Камыш-Бурун — получил, вероятно, в 70-е гг. XIX в. [Санжаровец, 2001, с.161-166].

[14] Климат полуострова умеренно континентальный, с умеренно мягкой зимой, жарким и сухим летом.

ва, 40 корветов с пушками могли пройти через него» [Seymour, 1855, p. 256].

О местном соляном промысле говорил **Джордж Мэтью Джонс** (1823): «Соляные озера в непосредственной близости составляют в настоящее время главное богатство Керчи.

Эти ямы или озера около колена глубиной: как только солнце становится сильным, бесчисленное количество красных червей (по крайней мере, черви, по всей видимости, но при прикосновении в руке они растворяются) формируется на поверхности; после чего начинается инкрустация соли, с которой они смешиваются и обращают цвет. Когда масса приобретает удельный вес от кристаллизации, она опускается на дно, становится совершенно белой и теряет всякий след червя.

Тележки привозят в озера и загружают солью, либо для частного использования, либо для общественного пользования» [Jones, 1827, p. 211-212].

Генри Александр Леопольд Кастри де Во (1823) несправедливо называет керченскую землю «худшей частью [Крымского полуострова]», но все же отмечает плодородные почвы и отличное географическое положение полуострова между двумя морями. Говорит он и о грязевых вулканах, причиной извержения которых называет подземные залежи угля: «Много холмов на Керченском полуострове. Здесь значительно меньше осадков, чем везде, мало воды и колодцев, но почва отлично подходит для выращивания всех культур. Его плодородность и удобность погоды, прекрасное расположение между двумя морями, способствует его цветущему положению.

Лишенный леса, которым богаты горы, Керченский полуостров, однако, богат углем, из которого, вероятно, получить когда-либо выгоду невозможно. Он возгорается время от времени и трудно определить, когда последует новое извержение, хотя вулканов здесь как таковых нет, но иногда извержения на них очень похожи» [Castres, 1826, p. 286; 297; 304-305].

Отдельный раздел сочинения **Фредерика Дюбуа де Монпере** (1832; 1834) посвящен грязевым вулканам и процессам их образования: «Третичный и четвертичный отложения керченского побережья состоят из пласта складчатой (слоистой) глины, перекрытого слоем белой мергелистой массы с вкраплениями гипса. Известняк-ракушечник, иначе, керченский камень, завершает эту регулярную серию. <…>

Источники нефти, 14 градусов тепла, бьющие в 150 шагах от кратера, среди жидкой грязи угольно-черного цвета, стекают в виде струйки жидкости. Поверхность представляет собой пугающую картину, напоминающую нечто вроде адских печей; засохшая корка почвы продырявлена черными дырами с небольшими грязевыми конусами, из середины которых вылетают грязь и газовые пузыри водорода. Места, где возникают пузыри, имеют температуру не выше 11,5 градуса по Реомюру[15]. Земля вокруг колышется под ногами, и на каждом шагу рискуешь провалиться в ее недра» [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 61-62].

Немногословное описание въезда в город находим у **Уильяма Джесса** (1839): «На следующий день, в двенадцать, мы продолжили свой вояж в Керчь, держась недалеко от побережья всю дорогу. Пейзаж был того же характера как в предыдущий день, с довольно частой растительностью <…>. Керчь появилась в поле зрения рано утром. Въезд в нее был крайне неинтересным. Гора Митридат является единственным возвышением кроме курганов, которые нарушают тоскливую картину степи, в которой нет никакого дерева или признаков растительности» [Jesse, 1841, p. 78-79].

Данные сочинения свидетельствуют о значительном снижении активности грязевых вулканов в наше время. Налицо уменьшение растительного покрова полуострова, в частности, лесного,

[15] 1 °C = 0,8 °R.

от которого уже в XIX в. наблюдались лишь жалкие остатки.

Заметки путешественников конца XVIII — начала XIX в. представляют собой важный источник по географии и истории Керченского полуострова.

1. Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма: Материалы к археологической карте // Сугдейский сборник III. Киев-Судак, 2008. С.331-384.

2. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. 328 с.

3. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию в письмах Владимира Измайлова. М., 1800. Ч.2-3. 274 с.

4. Кларк М. Е-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы // АИБ, 1999. Т.III. С.11-37.

5. Олиферов А.Н., Тимченко З.В. Реки и озера Крыма. Симферополь, 2005. 216 с.

6. Паллас П.С. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. 1883. Т. 13. С.49-62.

7. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г / Пер. с рук., вступ. ст., прим. К.И. Раткевич. Л., 1941. 79 с.

8. Санжаровец В. Ф. Из истории происхождения названий географических объектов керченского городского побережья // 175 лет Керченскому музею древностей: Мат. междунар. конф. Керчь, 2001. С.161-166.

9. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803–1805. Ч. 1. 226 с.; Ч. 2. 224 с.

10. Флора Сибири. Fabaceae (Leguminosae) / А. В. Положий, С. Н. Выдрина, В. И. Курбатский, О. Д. Никифорова. Новосибирск, 1994. Т.9. 280 с.

11. Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С.645-696.

12. Castres Le Comte de. Relation d'un voyage de la mer d'Azof et en Crimee, dans la vur d'y etabl'r une colonie d'emigres. Paris, 1826. 383 p.

13. Guthrie Maria. A tour performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosporus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries of the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the Peace of Kainardi and Iassy. London, 1802. 456 p.

14. Jesse W. Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840: [in 2 vol.]. London, 1841. Vol. 1. 335 p.; Vol. 2. 355 p.

15. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: With a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: [in 2 vol.]. London, 1827. Vol. 1. 582 p.; Vol. 2. 595 p.

16. Seymour H.D. Russia on the Black Sea and sea of Azof: being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries. London, 1855. 393 p.

Список сокращений

АИБ — Археология и история Боспора (Керчь)

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)

РС — Русская старина (СПб.)

Traveler's notes as a historical source still remain relevant in science. In particular, they acquire great importance in reconstructing a picture of the historical past of Kerch of the late 18th — the first half of the 19th century.

Key words: *Kerch; traveler's notes; geography.*

УДК 904 (903.43)

С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц

Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345-1475 гг.)

Генуэзцами в период владения ими Чембало (1345-1475 гг.) был создан синкретичный по своему характеру город, внешний облик которого содержал как латинские (в основном это касалось оборонительных сооружений), так и местные (греко-византийские и золотоордынские) черты, отразившиеся в возведении православных церквей, а также жилой и хозяйственной застройках. Османы (1475-1771 гг.) внесли мало нового в архитектурный облик Балаклавы, используя до 70-х гг. XVIII в. фортификацию латинян.

Ключевые слова: *Генуэзская Газария; Лигурия; фактории; Воспоро; Каффа; Солдайя; Луста; Партенит; Ялита; Гурзуф; Херсон; Чембало.*

С момента присоединения Крыма к России (1783 г.) и до конца 90-х гг. XX в. в центре внимания исследователей средневековой Таврики находились важнейшие города, принадлежавшие лигурийцам в Газарии — Каффа (Феодосия) и Солдайя (Судак). В значительно меньшей степени архивное и архитектурно-археологическое изучение коснулось латинских факторий в Чембало (Балаклава) и Лусте (Алуште), представлявших собой малые городские центры Северного Причерноморья. Практически не изученными остаются местопребывания генуэзских консулов в Партените, Гурзуфе, Ялите (Ялте) и Херсоне (античный и средневековый Херсонес). Только в последние годы, благодаря архивным изысканиям С. Г. Бочарова, приобретает ясные очертания характер городской планировки генуэзской фактории XIV-XV вв. в Воспоро (современная Керчь) [Бочаров, 2013, с. 126-145; Bocharov, 2015, p. 443-458].

Итоги первых десятилетий целенаправленного изучения итальянской колонизации Северного Причерноморья XIII-XV вв. были подведены в исследовании Н. Н. Мурзакевича (1806-1883) «История генуэзских поселений в Крыму», изданном в 1837 г. в Одессе [Мурзакевич, 1837]. В нём объективно отражены успехи и недостатки проделанной исследователями работы. Поэтому «История» Н. Н. Мурзакевича в

дальнейшем становится основой для определения путей изучения колониальной системы Лигурийской республики в бассейне Чёрного моря [Адаксина, Мыц, 2004, с. 82-93].

В 1836 г. Н. Н. Мурзакевич побывал в Крыму, где им были обследованы руины генуэзских укреплений Каффы, Солдайи, Чембало и др. Результаты этого путешествия легли в основу объёмной статьи «Поездка в Крым в 1836 г.», изданной в 1837 г. в Санкт-Петербурге в «Журнале Министерства народного просвещения» [Мурзакевич, 1937а, с. 635-691]. Посетив Балаклаву, он впоследствии представил краткое описание крепости и бухты, необычайно удобной для сооружения порта. Мурзакевич впервые обосновал тезис о значении Чембало, как важного стратегического пункта среди других крепостей генуэзской Газарии [Мурзакевич, 1837а, с. 654-656].

Из приведённого исследователем описания оборонительных сооружений видно, что к 30-м гг. XIX в. фортификация Чембало относительно неплохо сохранилась: «Достопамятность этого города составляет Генуэзская крепость Чембало (Cembalo), построенная на непреступной горе, влево от Балаклавского залива. Чембало обведена стенами с двенадцатью более или менее уцелевшими башнями. Одна из башен особенно высока и далеко виднеется в море; внутри ея находится колодезь (цистерна — авт.), некогда полный воды, а теперь иссякший» [Мурзакевич, 1837а, с. 655].

Однако в «Истории генуэзских поселений…» приводимые Н. Н. Мурзакевичем сведения о Чембало XIV-XV вв. лаконичны и, в ряде случаев, лишены оригинальности. Основываясь на свидетельстве М. Броневского, исследованиях И. П. Бларамберга, Г. Л. Одерико, С. Богуша-Сестренцевича, П. И. Кеппена и др., Мурзакевич оттеняет примерно 6 хронологических периодов в существовании поселения у Балаклавской бухты: 1) «скифский» (по мнению автора, первоначальная крепость построена во II-I вв. до н. э. сыном Скилура Палаком); 2) «греческо-византийский» (до 1365 г., когда небольшой посёлок Ямболи был отнят генуэзцами «у гордых, несогласных и беспечных Греков», властвовавших над этой частью Крыма» [Мурзакевич, 1837а, с. 601]; 3) «первый генуэзский» (с 1365 по 1433 гг. — время восстания местного греческого населения, передавшего Чембало владетелю Феодоро Алексею) [Мурзакевич, 1937, с. 60]; 4) «феодоритский» (1433-1434 гг.); 5) «второй генуэзский» (наступает в 1434 г. после отвоевания крепости посланным из Генуи Карло Ломеллини и заканчивается в 1475 г. захватом побережья Крыма турками-османами); 6) «османо-татарский» (с 1475 г. и до вхождения Таврииды в состав Российской империи).

Несмотря на всю относительную условность предложенной Н. Н. Мурзакевичем схемы исторического развития города (Сюмболон — Палакий — Ямболи — Чембало — Балаклава) она, без каких-либо принципиальных изменений, остается господствующей в научной и научно-популярной литературе до наших дней.

На протяжении XX в. исследователи неоднократно пытались представить основные этапы формирования генуэзского города Чембало. Среди них, в первую очередь, следует назвать итальянского специалиста в области фортификации Л. А. Маджиоротти, который в своём фундаментальном исследовании (1933 г.), посвящённом архитекторам и военной архитектуре средневековой Италии, касается и истории развития крепостного ансамбля Чембало XIV-XV вв. [Magiorotti, 1933, p. 299-312, fig. 249-262]. По его мнению, генуэзцы возвели город на месте существовавшего здесь греческого поселения. Вход в бухту был ими преднамеренно закрыт железной цепью, что предотвращало всякое внезапное проникновение в порт. Оборонительная система города состояла из внешнего периметра стен, дополнительно усиленных башнями, и прикрывала скаль-

ную возвышенность с трёх сторон: запада, севера и востока. Возведение фортификационных сооружений Чембало генуэзцы начали в 1357 г., о чём свидетельствует наиболее ранний лапидарный памятник из Балаклавы.

По мнению Л. А. Маджиоротти, совершенствование оборонительной системы города лигурийцы продолжали до 60-х гг. XV в., что подтверждается закладными плитами консулов Барнабо Грилло (1463 г.) и Баптиста де Олива (1467 г.). Он также отмечает, что планиграфически город состоял из трех частей: 1) «верхнего замка» св. Николая; 2) «нижнего города» св. Георгия и 3) пригорода.

Однако в своих построениях Л. А. Маджиоротти опирается не на личные натурные исследования архитектурных объектов памятника, а на свидетельства путешественников конца XVIII — начала XX в. Поэтому представленные им материалы носят компилятивный характер. Автором также использован схематический план крепости Чембало, снятый военными русскими топографами в 1800 г. К тому же, он ошибочно замок св. Николая размещает на вершине г. Кастрон [Magiorotti, 1933, p. 304-305, fig. 252-254], в то время как он находился к западу от неё.

В 60-х гг. XX в. к сюжету формирования городской инфраструктуры генуэзской фактории в Чембало обратился А. Л. Якобсон [Якобсон, 1964, с. 120-121]. В монографии «Средневековый Крым» (1964 г.) время захвата лигурийцами «старого греческого рыбацкого посёлка у бухты Симболон» исследователь относил ко времени «незадолго до 1345 г.». Основное внимание исследователь уделяет созданию латинянами фортификационной системы Чембало.

Начало строительства здесь генуэзской крепости Якобсон датирует 1357 г., а к 1433 г., по его мнению, «все укрепления, видимо, были в основном завершены, хотя строительство продолжалось и в 1463 и в 1467 гг.» [Якобсон, 1964, с. 121]. Он следующим образом характеризует осуществленные лигурийцами фортификационные мероприятия: «Крепость Чембало состояла из двух частей: нижнего города-крепости и верхнего города-крепости св. Николая. Нижний город был окружен боевой стеной, которая шла вдоль бухты, а затем поднималась по склону гор к верхнему городу. Стена имела две прямоугольные полубашни с узкими стрельницами. Верхняя крепость занимала скалистую площадку над обрывом к морю, отделенную от нижнего города крепостной стеной. Эта часть крепости являлась, как и в Солдайе, цитаделью генуэзцев. С доступных северной и западной сторон цитадель окружена идущими по ломаной линии стенами с 4 полубашнями. Здесь подобно Солдайе находился консульский замок, основную часть которого составляла большая, наполовину сохранившаяся, круглая двухэтажная башня высотой 14 м, увенчанная зубчатым парапетом (табл. XXXIII, 2). В подвальном этаже башни помещалась сводчатая цистерна для воды (6х6 м), которая подавалась туда по гончарному трубопроводу с соседней горы, а отсюда по такому же трубопроводу спускалась вниз — в другие шесть цистерн. В крепости у самой оконечности мыса имелся маяк, а вход в бухту преграждён был цепью» [Якобсон, 1964, с. 121].

Не вдаваясь в детальный анализ выполненного А. Л. Якобсоном описания памятника, отметим, что он сделан обобщенно, без детализации, и содержит ошибочные характеристики количества и параметров объектов.

Одним из авторов (В. Мыцом) в свое время также была предпринята попытка (в монографии 1991 г. «Укрепления Таврики X-XV вв.») воссоздать историю формирования оборонительной системы генуэзской фактории в Чембало [Мыц, 1991, с. 139-140, рис. 6; 9,1]. В издании использован наиболее точный из известных на тот момент план крепости 1956 г. и на нем зафиксировано 23 сохранившихся архитектурных средневековых объекта. Однако на плане верхняя цитадель крепости Чембало, расположенная на вершине г. Кастрон, ошибоч-

но названа замком св. Николая, а находящаяся западнее по склону — «замком св. Георгия» [Мыц, 1991, с. 26, рис. 6, А, Б]. К тому же характеристика фортификационных сооружений носила чисто описательный, компилятивный характер, изобиловала неточностями и фактическими ошибками, потому что (как и работы выше цитированных предшественников) не опиралась на натурное обследование памятника.

По тем же причинам следует признать недостаточно обоснованной и попытку воссоздания основных этапов строительной истории Чембало, представленную в одной из работ А. В. Иванова [Иванов, 2006, с. 58-62, рис. 1-15].

Проведенные в 2002-2013 гг. Южно-Крымской экспедицией архитектурно-археологические исследования архитектурных, в первую очередь, фортификационных сооружений (с привлечением сведений известных нарративных и эпиграфических источников) позволяют представить гипотетическую реконструкцию основных этапов формирования крепостного ансамбля генуэзской фактории на протяжении всей ее истории (1345-1475 гг.) [Адаксина, Мыц, Ушаков, 2011, с. 58-98].

1. Первый (начальный) период строительства оборонительных сооружений генуэзцами в Чембало относится ко второй половине 40-х-50-м гг. XIV в. Фортификационные работы, по всей видимости, выполнялись в два этапа. Первый этап («а») — 1345 г. — начало возведения внешнего периметра в виде рва и вала, на котором был установлен деревянный палисад. Общая протяженность с востока — 110 м и северо-востока — не менее 300 м, ограждал территорию примерно в 4,5 га. В 1345 г. данные сооружения были сожжены монголами, а затем восстановлены лигурийцами.

Строительство деревянно-земляных укреплений Чембало, по-видимому, было завершено к 1350 г. (?). Второй этап («б») — вторая половина — конец 50-х гг. XIV в., когда под прикрытием деревянно-земляных укреплений возводятся каменные фортификационные сооружения в виде прямоугольной башни-донжона на восточной оконечности вершины г. Кастрон (1357 г., в консулат Симоне дель Орто ?), а также примыкающие к ней оборонительные стены. Первоначальная генуэзская цитадель располагалась на высоте 110-119 м над уровнем моря. К тому же, деревянно-земляные укрепления дополняются каменными стенами. Над главной дорогой, ведущей в город, возводится воротная башня. Созданная в 40-50-х гг. XIV в. система обороны Чембало существовала до 1386 г. без каких-либо изменений. Административным центром фактории являлся консульский замок на вершине г. Кастрон.

2. Второй период связан с существенным изменением планировочной структуры крепости и города, предпринятым генуэзцами в 1386-1388 гг., когда ими у входа в бухту (на высоте 57-60 м над уровнем моря) возводится новый замок, получивший свое название в честь св. Николая. Комплекс работ по строительству данного объекта выполняется в три этапа. Первый этап («а») — 1386-1387 гг. — включает в себя строительство внешнего периметра стен и трех башен, прокладку в замок водопровода, создание каменоломни, отделившей территорию нового укрепления от гребня г. Кастрон. Второй этап («б») — 1388 г. — завершение строительства замка, освящение консульской башни-донжона во имя св. Николая. Третий этап («в») близок или полностью совпадает по времени со строительством оборонительных сооружений замка св. Николая, но связан с возведением зданий гражданского (жилые дома, хозяйственные здания и проч.), а также культового характера («консульская капелла»).

3. Третий период (конец 80-х–90-е гг. XIV в.) связан с необходимостью разборки после 1388 г. ранее существовавшего на вершине г. Кастрон консульского замка (этап «а») и потребностью в реконструкции порта, где к 90-м гг. XIV в. (в 1393 г., согласно свидетельству письменного источника) уже находились верфи, на которых строились двухпа-

лубные навы (этап «б»). По всей видимости, к этому периоду следует отнести и строительство в порту Чембало самой крупной цистерны — башни №6 (ее внутренние размеры превышают 10,30х8,05 м) объемом около 550 м. куб[1].

4. Четвертый период в истории генуэзского Чембало (20-е — начало 30-х гг. XV в.) связан как с общим обострением военно-политической обстановки в Газарии, так и произошедшим здесь необычайным по своим масштабам природным землетрясением в 8-9 баллов с эпицентром в Ялтинской очаговой зоне). На первом этапе («а») — 1422-1423 гг. — происходит нарастание военного противостояния между Каффой и Феодоро и захват князем Алексеем в 1423 г. Чембало. Однако развитие конфликта в конце (?) 1423 г. было прервано произошедшим в Готии катастрофическим землетрясением, что вынудило враждующие стороны (в начале 1424 г. ?) вернуться на исходные позиции.

Последовавшие за этими событиями ремонтно-восстановительные работы, а также новые фортификационные мероприятия 1425-1432 гг., выполнялись в три этапа («б», «в», «г») и внесли принципиальные изменения в планировочно-организационную структуру обороны Чембало.

В течение 4-х летних месяцев 1425 г. (этап «б») генуэзцы были заняты восстановлением фортификационных сооружений замка св. Николая, пострадавших во время их захвата феодоритами и землетрясения. Однако, вопреки требованию инструкции от 28 января 1425 г., лигурийцы были вынуждены отказаться от восстановления сооружений 40-50-х гг. XIV в., состоявших из рва, вала и палисада. Новая оборонительная линия города переносится по гребню г. Кастрон западнее, что уменьшает защищенную площадь примерно на 1,5 га. Созданная здесь в 1425-1432 гг. (?) (этап «б») оборонительная линия протяженностью около 245 м состояла из 6 прямоугольных башен открытого типа и 6 куртин.

Вероятнее всего, в это же время (этап «г») консулам фактории пришлось возвести оборонительные стены и башни вдоль берега у входа в бухту, а также частично защитить побережье самой бухты, где располагался порт. Благодаря созданию приморской системы обороны, вся западная оконечность г. Кастрон вместе с консульским замком оказалась изолированной от остальной территории Чембало. По-видимому, после этого у входа в бухту и в припортовом районе возникает обособленный латинский квартал города.

5. Пятый период связан с повторным вооруженным конфликтом между генуэзцами и феодоритами (1433-1441 гг.), когда город и крепость оказались временно (1433-1434 гг.) под властью князя Алексея. Лигурийцам пришлось снаряжать в Генуе экспедиционный корпус и отвоевывать Чембало штурмом с применением огнестрельной артиллерии.

На первом этапе («а») (конец февраля — июнь-июль 1433 г.) генуэзцы предприняли две неудачные попытки вернуть факторию в Чембало. На втором этапе («б») (4-8 июня 1434 г.) крепость была взята штурмом латинским наемным войском под командованием рыцаря и адмирала флота Карло Ломеллини.

При этом, в ходе артиллерийского обстрела пострадали («частично обрушились») оборонительные сооружения северо-западного участка обороны города. Устранение последствий этих разрушений (этап «в») производится только в конце 40-х — начале 50-х гг. XV в.

6. Шестой период ознаменован переходом Причерноморских факторий Генуи в управление Банком св. Георгия (ноябрь 1453 г.). Протекторы Банка предпринимают экстренные меры по усилению обороноспособности факторий. В это время (1454-1455 гг.) в

[1] Исследования данного объекта в 2009-2012 гг. осуществлялись экспедицией под руководством Н. А. Алексеенко и С. В. Дьячкова, но их результаты пока еще не изданы.

Чембало идёт ремонт обветшавших фортификационных строений (этап «а»), перед воротами восточной линии обороны возводятся два (прямоугольных в плане) барбакана (этап «б»), а на вершине г. Кастрон строится новая башня-донжон, которая дополнительно сочетает в себе функции водосборной цистерны и маяка (этап «в»).

7. Заключительный период в истории строительной деятельности генуэзцев в Чембало относится к 60-м — середине 70-х гг. XV в. и условно может быть разделен на три этапа. Первоначально (между 1461-1463 гг., этап «а») значительной реконструкции подвергается северо-восточный участок внешнего периметра крепости, где располагаются три башни («Воротная», «Баранабо Грилло» и «Подковообразная»), а также две куртины. Смысл всех проведенных здесь перестроек сводится к значительному усилению фортификационных конструкций и их способности противостоять огнестрельной артиллерии. Завершение этого этапа приходится на консулат Барнабо де Грилло, что было специально отмечено закладной плитой с датой 1463 г.

К 1467 г. (в консулат Баптиста де Олива, этап «б») на вершине г. Кастрон заново возводится замок, который занимает доминирующее положение в обороне города. На заключительном этапе («в») — 1473-1474 гг. — в совершенствовании фортификации Чембало проводятся некоторые дополнительные мероприятия, когда, например, к основаниям некоторых куртин северо-восточной линии обороны пристраиваются талусы[2].

Таким образом, генуэзцами в период владения ими Чембало (1345-1475 гг.) был создан синкретичный по своему характеру город, внешний облик которого содержал как латинские (в основном это касалось оборонительных сооружений), так и местные (греко-византийские и золотоордынские) черты, отразившиеся в возведении православных церквей, а также жилой и хозяйственной застроек. Османы (1475-1771 гг.) мало внесли нового в облик Балаклавы, используя до 70-х гг. XVIII в. фортификацию латинян. Лишь в первой трети XVIII в., в связи с очевидной «русской опасностью», ими принимаются меры по подготовке крепости к обороне. Внутри барбакана башни «Барнабо Грилло» возводится валганг, на котором устанавливаются пушки. Однако турки не стали защищать обветшавшую, технически устаревшую крепость: они окончательно покинули ее в 1771 г. при появлении близ Ахтияра русской армии.

Весь период средневековья Симболон — Чембало — Балаклава представляла собой один из важнейших торговых рынков Причерноморья, в котором пересекались встречные потоки товаров из стран Востока и Запада, Севера и Юга, стимулирующие развитие местного рынка. Красноречивое свидетельство тому — более 300 нумизматических находок из раскопок последних лет, представленные в основном номиналами VI-XVII вв., чеканенными как различными европейскими и азиатскими государствами, так и их важнейшими административными центрами.

---

[2] Среди стипендиариев, прибывших в Каффу из метрополии в 1473 г., находился фортификатор Антонио де Бонино, которому было поручено провести инспекцию состояния всех генуэзских укреплений и в случае необходимости указать на слабые места, чтобы «довести» их до современных требований фортификационного искусства» [Колли, 1913, с.139].

1. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Крепость Чембало в историографии последней трети XVIII — первой половины XIX вв. // «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). К.:ИД «Стилос», 2004. С.82-93.

2. Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. X. СПб,-Симферополь, 2011. 208 с.

3. Иванов А. В. Материалы к реконструкции донжона генуэзской крепости Чембало / Адаксина С.Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. V. СПб.-Симферополь, 2006. С.58-62.

4. Иванов А. В. Периодизация укреплений генуэзского Чембало // Международная конференция «Византия и Крым». Тез. докл. Севастополь, 1997. С.45-46.

5. Колли Л. П. Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК. 1913. №13. С.99-139.

6. Мурзавеквич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. 91 с.

7. Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. СПб., 1837. С.635-691.

8. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 163 с.

9. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.-Л.: Наука, 1964. 183 с.

10. Magiorotti L. A. Architetti e architetture military // L'opera del genio Italiano all'estero. Gli architetti military. Vol. I. Vtdio Evo. [Rome], 1933. 635 p.

Список сокращений

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ИТУАК — Известия Таврической учёной архивной комиссии

The Genoese in the period of owing Chembalo (1345-1475) developed syncretical by its character town, exterior of which combined Latin features (primarily defensive constructions), as well as local (Greek-byzantine and Golden Horde) which echoed in construction of orthodox churches and living and business areas. Ottomans (1475-1771) contributed not much to the architectural scene of Balaklava, using Latin fortification up to 70-s of the XVIII century.

Key words: *Genoese Gazaria; Liguria; factories; Vosporo; Caffa; Soldaia; Lusta; Partenit; Yalita; Gurzuf; Kherson; Chembalo.*

УДК 902/904

Д. В. Бейлин

Поселение Тархан I в Восточном Крыму (по результатам разведок 2009-2012 гг.)

Укрепленное поселение Тархан I, расположенное в Восточном Крыму, является одним из ключевых оборонительных пунктов северного участка Тиритакского вала и входит в общую оборонительную систему Европейского Боспора в I в. до н.э. — II в. н.э. Археологические разведки, проведенные в 2009-2012 гг. позволили уточнить датировку памятника, дали предварительное представление о стратиграфии отдельных объектов поселения. В результате работ удалось зафиксировать следы мощнейшего пожара конца I в. до н.э. — середины I в. н.э.

Ключевые слова: *Керченский полуостров; Восточный Крым; поселение Тархан I; Тарханская котловина; мыс Тархан; археологические исследования; разведки; Тиритакский вал, Биюк-Тархан.*

Тарханская котловина привлекала внимание археологов в разное время. Археологические разведки здесь проводились К. Э. Гриневичем и Ю. Ю. Марти в 1924-1925 гг. [Гриневич, 1946, с. 160-161], В. В. Веселовым в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого столетия [Веселов, 2005, с. 31-35]. Вне всякого сомнения, эту территорию осматривали и другие исследователи первой половины — середины XX в. В. В. Веселов выявил и описал целый ряд археологических объектов разных исторических эпох. Однако, сопоставление описаний памятников, их расположение относительно наиболее значимых долговременных ориентиров, приведенных В. В. Веселовым, иногда приводят исследователей к ошибочным выводам относительно местоположения объектов археологии, их интерпретации и датировки.

Также археологические разведки Тарханской котловины во второй половине XX в. проводили И. Т. Кругликова [Кругликова, 1975, с. 31-35], А. А. Масленников, О. Д. Чевелев, Н. И. Винокуров, А. Л. Ермолин, А. В. Куликов.

Поселение Тархан I находится в 10 км к северо-западу от современного центра города Керчь, в восточной части Тарханской котловины, расположенной между мысами Тархан на востоке и Зюк на западе, на азовском побережье Керченского полуострова. Котловина (или урочище) представляет собой полуэллипс,

северная часть которого уничтожена морской абразией. Остатки древнего дна котловины, с характерной для него выровненной поверхностью, сохранились лишь в юго-восточной части. Уступы оползней здесь сглажены процессами денудации, трещины заплыли делювием, и сформировалась беспорядочная бугристо-западинная поверхность; понижения её заросли кустарником, а на вершинах развита степная растительность. Также в рельефе здесь присутствуют циркообразные оползни с грязеоползневыми потоками и обвально-оползневые формы и оплывы, лучше всего выраженные в районе западнее мыса Тархан.

Вся остальная территория котловины подверглась усиленной переработке эрозионными процессами, в результате чего здесь сформировался глубоко расчлененный многочисленными балками и оврагами холмистый рельеф. Овраги открываются в так называемую Бухту Рифов, где развит песчано-ракушечный пляж. Нижний отрезок их днища обычно подпружен морскими штормовыми валами. Многочисленные отвержки в верховьях оврагов создают рельеф типа бедленда. В вершинной части овраги имеют четко выраженный V- образный профиль. Одной из преобладающих эрозионных форм района являются балки, с крутыми склонами, террасы которых иногда деформированы оползнями. Балки котловины имеют довольно обширный водосборный бассейн. Основной сток воды концентрируется в так называемой Тарханской балке, по дну которой протекает непересыхающий безымянный ручей. Во многих местах балка перегорожена запрудами и дамбами, где образовались небольшие озера пресной воды. Также на берегах балки, в нижней ее части, расположены два колодца, которые функционировали до недавнего времени.

Наивысшей точкой района можно считать гору Холодная (103.6) и безымянную возвышенность с высотной отметкой 67.5 м над уровнем моря.

Поселение Тархан I находится на административной территории Войковского сельского совета Ленинского района Республики Крым. Расположено поселение на возвышенности, вытянутой в широтном направлении в 2,32 км юго-западнее (207°) мыса Тархан, являющимся западной оконечностью урочища Большой вал, и в 1,33 км к юго-востоку (116°) от устья безымянного ручья, который протекает по дну обширной Тарханской балки и впадает в Азовское море, в районе бывшей деревни Биюк Тархан (Рис. 1, 2). В 1 км к юго-западу (262°) от археологического объекта находятся развалины колхозных кошар на месте ныне бывшей деревни Биюк-Тархан, обозначенной на картах второй половины XIX столетия (Рис. 1). С севера и востока возвышенность окружена руслом глубокой Тарханской балки, по дну которой протекает безымянный ручей (Рис. 1, 2). С запада холм обрамлен руслом ручья, питающегося из небольшого источника. Отметим, что в русле ручья сконцентрировано большое количество керамики (амфоры, кровельная черепица, столовая посуда) IV-II вв. до н. э.

Впервые археологические разведки в Тарханской котловине были проведены В. В. Веселовым в конце 50-х — начале 60-х г. прошлого столетия. Исследователем был выявлен целый ряд археологических объектов разных исторических эпох. Однако сопоставление описаний памятников, их расположение относительно наиболее значимых долговременных ориентиров, приведенных В. В. Веселовым иногда приводят исследователей к ошибочным выводам относительно местоположения объектов археологии и их интерпретации [Веселов, 2005, с. 31-35].

Археологические разведки Тарханской котловины в разные годы проводили И. Т. Кругликова, А. А. Масленников, О. Д. Чевелев, А. Л. Ермолин, А. В. Куликов.

Поселение занимает всю центральную, южную и восточную части возвышенности площадью не менее 1,5 — 2 га. На уровне современной дневной

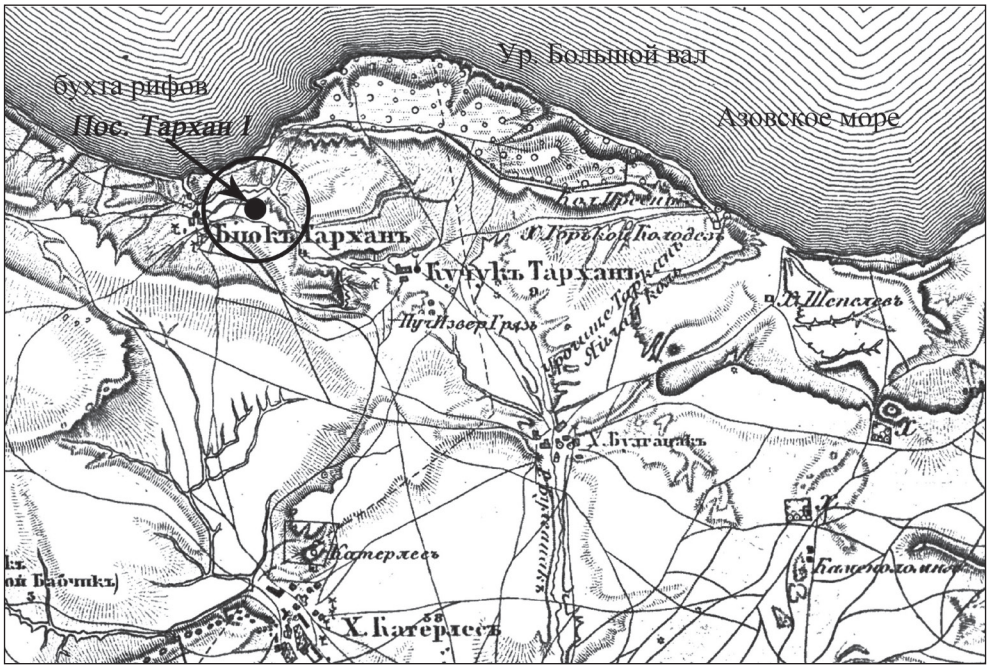

Рис. 1. Фрагмент топографической карты 1875 года с указанием местоположения поселения

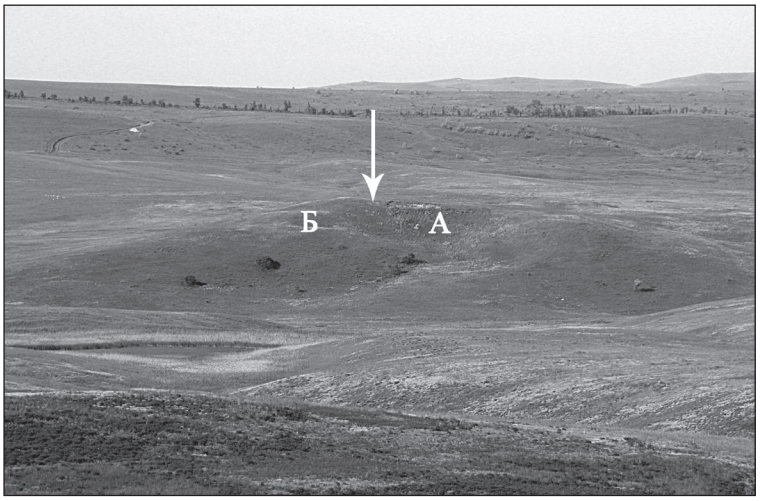

Рис. 2. Поселение Тархан I. Вид с севера. А — зольник. Б — зафиксированные следы пожара на восточной террасе

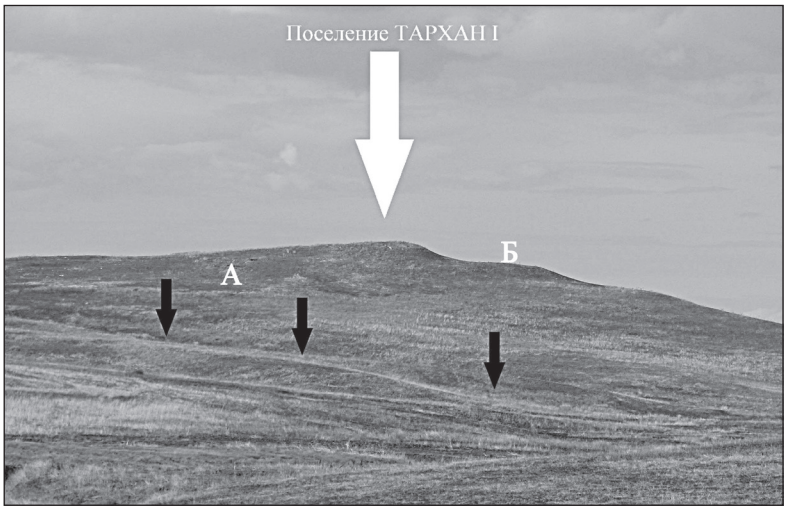

Рис. 3. Южный и восточный склоны поселения. Вид с юго-востока. Стрелками указана трасса оборонительного рва поселения. А — зольник. Б — восточная терраса

поверхности отчетливо фиксируются яркие признаки культурного слоя в виде пятен золистого грунта с осколками раковин мидий и керамики, скопления бутовых известняковых камней.

Местами прослеживаются трассы кладок стен построек, верхние ряды которых выходят на уровень современной дневной поверхности (рис. 182. 2-4). Фиксируются остатки стен одно- и двухкамерных построек. Сложены они из необработанных бутовых известняковых камней и известняковых камней различной степени обработки.

Вершина холма обезображена заплывшей ямой размерами 6×8 м. Вероятней всего, здесь были блиндаж или огневая точка времен Великой Отечественной войны. На поверхности читаются многочисленные воронки от разрывов снарядов и мин, а также линии заплывших траншей и окопов. На южном и северном склонах возвышенности в пределах поселения фиксируются следы грабительских ям размерами от 0,9×0,8×0,50 м до 2×1,5×1 м. В бортах ям культурный слой прослеживается на всю их глубину. Отвалы грабительских ям изобилуют археологическим материалом, представленным обломками стенок и профильных частей транспортной тары, столовой и кухонной посуды. Датировать подъемный материал можно в пределах II в. до н. э. — первой половины III вв. н. э. Следует отметить, что культурные напластования, прослеженные в бортах грабительских ям, расположенных на северном склоне, представляет собой золистый грунт с большим содержанием обломков створок раковин морских моллюсков (мидий) и кусков печины. Практически идентичный материал зафиксирован с золистых и рыхлых суглинистых слоях на юго-восточном склоне возвышенности.

Собранный на уровне современной дневной поверхности и в отвалах грабительских ям подъемный археологический материал представлен фрагментами транспортной тары, столовой и кухонной керамики, лепных сосудов. Среди профильных фрагментов транспортной тары можно выделить: обломки южнопонтийских светлоглиняных позднесинопских амфор близких по морфологическим признакам к типу Син III (по С. Ю. Внукову) середины I в. до н. э. — второй трети I в. н. э., фрагментами родосских амфор II в. до н. э. южнопонтийских светлоглиняных амфор с профилированной ручкой типа Син II (по С. Ю. Внукову) последней четверти I — II вв. н. э. (рис. 189. 7; рис. 191. 8).

Столовая посуда представлена фрагментами красноглиняных кувшинов, светлоглиняных кувшинов, сероглиняных лощенных и чернолощеных мисок. Среди фрагментов краснолаковой посуды следует отметить обломки тарелок, близких к следующим формам: ESA f 3 (по J. Hayes) конца II — последней четверти I в. до н. э., ESA f 4A (по J. Hayes) конца II в. до н. э. — начала I в. н. э., фрагментами пергамских кубков I в. до н. э., обломки глубоких мисок с прямым краем, чашек, кубков I в. до н. э. — II в. н. э. Особый интерес представляют фрагменты сероглиняных «псевдомегарских»» чаш боспорского (?) производства с орнаментом в виде ов.

Среди кухонной и простой лепной посуды можно выделить фрагменты горшков, кувшинов, кастрюль, сковород.

Помимо прочей керамики, к особой категории находок можно отнести немногочисленные фрагменты стенок лепных сосудов эпохи бронзы и отщепы кремня.

Визуальные разведки на поселении позволили сделать некоторые предварительные выводы о топографии поселения, по крайней мере, о расположении его зольников и некоторых элементах фортификации. Так, на территории поселения, в пределах возвышенности, на которой оно расположено, зафиксированы два зольника. Один из них занимает северный склон холма, а второй — юго-восточный. Оба зольника имеют следы грабительских перекопов, стратиграфия которых отражает, зачастую, лишь культурные напластования позднего

периода существования поселения (II — III вв. н. э.).

Для изучения стратиграфической ситуации северного зольника была зачищена и доследована археологическими методами грабительская яма размером 1,2×2 м. Глубина ямы у южного борта составляла 1,2 м, а у северного борта — 0,78 м. На её месте был заложен разведочный шурф. Зачистками культурные слои были вскрыты на всю глубину, достигающую здесь 2-2,1 м. Длинной осью шурф был ориентирован в направлении З–В. Перепад высот в пределах шурфа, в направлении З-В, составил 0,05 — 0,1 м, а в направлении С-Ю — 0,55 м. Археологический материк в северной части шурфа был зачищен на глубине 1,7 м, а в южной — 2-2,1 м.

Стратиграфия шурфа представлена следующим образом (описание слоев дана сверху вниз):

1) рыхлый гуммированный слой светло-коричневого оттенка мощностью до 0,15 м. Слои имеют уклон в северном направлении, соответствуя естественному уклону возвышенности. При зачистке слоя были обнаружены невыразительные фрагменты стенок транспортной тары I-II вв. н. э.;

2) золистый слой светло-серого оттенка. Так же, как и предыдущий, слой имеет уклон в северном направлении. Мощность слоя в южной части шурфа составила от 0,60 м до 0,76 м.;

3) рыхлый слой золы серого оттенка. Мощность слоя неодинакова: южный борт — до 0,12 м; западный борт — до 0,25 м. Археологический материал из слоя представлен в основной своей массе обломками стенок светлоглиняных и оранжевоглиняных южнопонтийских амфор I в. н. э., а также большим количеством фрагментов стенок лепной керамики и столовой оранжевоглиняной посуды рубежа эр и первого столетия нашей эры;

4) слой желтого материкового суглинка, мощностью от 0,10 м до 0,15 м.;

5) суглинок коричневого оттенка, обильно насыщенный золистыми локальными пятнами, а также обломками ракови морских моллюсков (мидий). Мощность слоя достигает 0,60 м — 0,80 м. В слое присутствуют обломки печины и фрагменты керамики, среди которой выделяются профильные фрагменты кровельной черепицы боспорского и южнопонтийского производства, обломки светлоглиняных южнопонтийских псевдородосских и остродонных амфор второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э., родосских амфор II в. до н. э., оранжевоглиняных амфор Трапезунда (?) I в. до н. э. — I в. н. э., стенки оранжевоглиняных кувшинов и мисок I в. до н. э. — I в. н. э., сероглиняных мисок I в. до н. э. — I в. н. э, краснолаковых мисок, тарелок, чаш, канфаров. Выделяется фрагмент пергамского краснолакового сосуда (канфар), внешняя поверхность которого украшена растительным орнаментом в виде гроздьев и листьев винограда, а также фрагмент стенки и дна псевдомегарской сероглиняной чаши местного производства; на донце её сохранился фрагмент клейма: [ΔΗΜΗΤΡΙΟ]Υ. Одна из многочисленных групп керамики представлена обломками простой лепной кухонной посуды: горшков, мисок, кастрюль, кувшинов, кубков и крышек.

Из изделий из металла найдены свинцовые грузила, изготовленные из листового проката и скрученные в 4 оборота в трубку и два фрагментированных железных рыболовных крючка.

Следует обратить особое внимание на то, что в слое обнаружены фрагменты костей конечностей и ребер как крупных, так и мелких рогатых животных. Отсутствуют кости черепов и копыта. В слоях, относящихся к более позднему периоду существования поселения ситуация резко отличается: увеличивается количество фрагментов костей мелкого рогатого скота, и в большом количестве появляются створки мидий. Можно предположить, что на раннем этапе функционирования укрепленного поселения, мясо поставлялось в виде уже разделанных туш. Затем, ситуация меняется и на смену приходит натуральное хозяйство. Однако, на

данном этапе исследования поселения, учитывая небольшую вскрытую площадь зольника и самого памятника, делать какие-либо окончательные выводы преждевременно.

6) слой рыхлого суглинка зеленовато-серого оттенка. Его мощность достигает 0,20 м.

В 45 метрах от разрушенной вершины холма был заложен еще один разведочный шурф. Глубина шурфа составила 1,2 м. В стратиграфии шурфа выделяются три слоя, представленные суглинистым грунтом, отличающимся цветовой гаммой и плотностью. Археологические находки из них можно датировать в пределах I в. до н. э. — II в. н. э. Среди керамики выделяются фрагменты южнопонтийских амфор с двуствольными ручками, оранжевоглиняных амфор с воронковидным горлом I в. до н. э. — I в. н. э. Помимо обломков столовой посуды этого же времени — сероглиняных лощеных мисок и тарелок I в. до н. э. — I в. н. э., сероглиняных и красноглиняных кувшинов, краснолаковых сосудов — следует выделить и фрагменты светлоглиняных южнопонтийских узкогорлых амфор II в. н. э.

В восточной части возвышенности, у северного края первой верхней террасы, которая, вне всякого сомнения, была искусственно выровнена, заложен еще один разведочный шурф, который дал интереснейший материал для дальнейшего изучения памятника. Площадь шурфа составила 6 кв. м (2×3 м), глубина шурфа — 0,62 м. В процессе зачистки слоев открыт фрагмент кладки стены и плотный сырцовый завал со следами термического воздействия.

Стена выявлена в восточной части шурфа в виде фрагмента. Зачищен её фрагмент на глубине 0,24 — 0,36 от уровня современной дневной поверхности. Ориентирована она в направлении С-Ю и прослежена на длину до 1,84 м. Ширина открытого фрагмента кладки стены достигает 0,84 м. Кладка — трехслойная, двухлицевая. Сложена из хорошо обработанных и подтесанных камней, а также мелкого и среднего бута. Камни фасов, размерами от 0,12×0,08×0,06 м до 0,7×0,35×0,25 м, уложены логом на постель на глинистом растворе. Стена сохранилась на высоту 2 — 3 рядов камней — на 0,57 м. Следует отметить, что подошва кладки подмощена мелкими бутовыми камнями и фрагментами стенок родосских и оранжевоглиняных амфор, центр производства которых установить не удалось. Верхние ряды кладки перекрыты кусками пережженного сырца и спекшейся глины (на разломе спекшейся глины отчетливо видны следы соломы).

Восточный фас стены был частично перекрыт развалом сырцовых кирпичей и спекшейся глины. Зафиксирован развал на уровне -31 от условной «0» отметки и на глубине 0,30 м от уровня современной дневной поверхности. В западной же части шурфа прослежен участок плотного суглинка со следами термического воздействия. Размеры зачищенного участка — 1,4×0,85–0,9 м. Зафиксирован он был на глубине 0,40 м от уровня современной дневной поверхности. Поверхность этой сырцовой площадки ровная, а в северной ее части отчетливо прослеживался фрагмент сырцового кирпича размерами 0,3×0,24×0,22 м. Толщина слоя обожженного сырца достигала 0,2 м.

В слое, связанном со следами пожара, был обнаружен немногочисленный археологический материал, который представлен в основном фрагментами стенок оранжевоглиняных и южнопонтийских светлоглиняных амфор I в. до н. э. — I в. н. э., фрагментом ручки южнопонтийской светлоглиняной амфоры, близкой к типу Син IV (по С. Ю. Внукову) первой четверти I в. н. э. — середины II в. н. э., фрагментами оранжевоглиняных кувшинов и мисок, краем буролаковой миски II — I вв. до н. э., фрагментами лепных сосудов открытых и закрытых форм.

Выявленный участок стены и слой пожарища подстилал слой плотного суглинка зеленовато-желтого оттенка. Слой был зачищен на глубине 0,36 —

0,6 м от уровня современной дневной поверхности. Его варьировалась в пределах 0,18 м — 0,46 м.

Из слоя происходит основная масса археологического материала, обнаруженного в шурфе. Среди фрагментов транспортной тары следует отметить амфоры южнопонтийских центров производства I в. до н. э. — I в. н. э., родосских амфор II в. до н. э., псевдокосских красноглиняных амфор, покрытых бежевым ангобом I в. до н. э. — начала I в. н. э., обломок ножки колхидских амфор I в. н. э. Столовая же посуда представлена фрагментами венчиков оранжевоглиняных, красноглиняных кувшинов I в. до н. э. — I в. н. э. как боспорского производства, так и причерноморских центров, краснолаковых кувшинов, кубков, мисок и тарелок I в. до н. э. — II в. н. э. (рис. 193. 15, 16; рис. 195. 16, 18), фрагментом края краснолакового кубка I в. до н. э. — I в. н. э., в том числе, и пергамского производства конца II — I в. до н. э. Выделяются и фрагменты «мегарских» чаш II — начала I в. до н. э. Весьма выразительна лепная и керамика.

Можно предположить, что выявленный участок стены, а возможно и весь строительный комплекс восточной террасы холма, возник, по меньшей мере, в первой половине I в. до н. э. и просуществовал до середины I в. н. э. Следы термического воздействия на сырцовые конструкции комплекса могут свидетельствовать о гибели постройки в пожаре, что может быть связано с военными конфликтами на Боспоре в конце I в. до н. э. или же в середине I в. н. э.

Помимо прочего, на поселении нами было найдено несколько монет:

1. Монета медная. Синопа. Дидрахма(?). 80-е гг. до н. э. Л, с. Бородатая голова Зевса вправо. О, с. Орел на молниях в три четверти влево, слева — монограмма АЕ, (ретроградное) ниже надпись ΣΙΝΟΠΗΣ. (Определение А. В. Куликова). Обнаружена на южном склоне вершины холма.

2. Монета медная. Тетрахалк(?) Пантикапей. Вторая половина II в. до н. э. Л, с. голова Апполона в венке вправо. О, с. Лук в горите влево. Внизу — легенда в одну строку — ΠΑΝ. (Определение А. В. Куликова). Обнаружена на восточном склоне первой восточной террасы.

При описании памятника, нельзя не обратить внимание на его топографию и микрорельеф. Так, с южной стороны, холм, на котором расположен археологический объект, ограничен рвом (рис. 181. 1, 2), опоясывающим поселение с южной стороны и спускающимся по западному подножью холма. В восточной своей части он сильно оплыл и теряется на местности. На сегодняшний день ширина рва варьируется в пределах от 5,5 м (западная часть) до 6,5 м (восточная часть), а его глубина — в пределах от 0,75 — 1,1 м до 1,7 м соответственно. Прослеженная протяженность рва составляет около 500 м. Учитывая разветвленную овражно-балочную сеть в районе Тарханской котловины, можно предположить, что основой оборонительного рва являлась неглубокая балка, использованная впоследствии инженерами в оборонительном комплексе поселения Тархан I.

Проведенные на поселении разведочные работы дают некоторые основания полагать, что поселения Тархан I могло представлять собой небольшой укрепленный форт, окруженный «посадом», или «предградьем», расположенным с южной и западной сторон. Застроенной была и восточная верхняя терраса холма, разведочные работы на которой позволили выявить слои мощного пожарища конца I в. до н. э. — середины I в. н. э. Археологический материал, обнаруженный в процессе шурфовок, может свидетельствовать о том, что поселение функционировало в пределах конца II в. до н. э. — II в. н. э. Для определения более точных датировок археологического объекта необходимо проведение археологических раскопок на большей площади. Этот же метод исследования позволит определить общую планировку поселения и открыть его центральный комплекс оборонительный сооружений.

Особый интерес к поселению Тархан I обусловлен его географическим положением и связан с так называемым северным отрезком Тиритакского вала и рва — восточной линией земляных погранично-оборонительных сооружений Европейского Боспора.

Впервые о Тиритакском вале и рве сообщает академик П, с. Паласс, посетивший Керчь в 1798 г. Позже этот памятник находит отражение в трудах и путевых записках таких исследователей, любителей древностей и путешественников, как Ф. К. Бирберштейн, П. Сумаруков, М. Е-Д. Кларк, Дюбуа де Монтпере, Н. Н. Мурзакевич, А. Б. Ашик, Г. Спасский, Я. И. Смирнова, побывавших в Керчи в XIX в. В 1924-1925 гг. Тиритакский вал вновь был обследован Ю. Ю. Марти и К. Э. Гриневичем. Тогда была составлена схема вала и сделаны соответствующие описания, которые в последствие были опубликованы. Во второй половине XX в. вал исследовался Н. И. Сокольским, В. Д. Блаватским, сотрудниками Керченского музея С. А. Семеновым, В. Э. Куниным и В. В. Веселовым. В начале 80-х г. прошлого столетия вал неоднократно обследовался О. Д. Чевелевым, А. А. Масленниковым и другими исследователями. В это же время, вблизи Золотого кургана, В. П. Толстиковым был сделан стратиграфический разрез рва и вала. В 1997-2001 гг. Восточно-Крымской археологической экспедицией под руководством А. А. Масленникова предприняты комплексные исследования почти всей трассы Тиритакского вала. За время исследований вал был разрезан в нескольких местах, что дало возможность получить важные стратиграфические разрезы профиля вала, и зафиксировать археологический материал, позволивший исследователям сделать выводы относительно предварительных датировок вала и рва.

Говоря о северном участке Тиритакского вала, следует сделать небольшое уточнение — под северным участком мы подразумеваем отрезок рва и вала, идущий от скалистого холма, расположенного западнее деревни Войково на юге и до Азовского моря на севере.

Сразу следует обратить особое внимание, что речь идет о рве и вале, строго следующих рельефу местности, а именно скалистой гряде, пологая восточная сторона которого занята северо-восточной частью современной деревни Войково. Затем, поворачивая на север, вал и ров проходя по длинному холму (гора Михалкина) и, поворачивая на север, теряются в балках Тарханской котловины.

В этой связи для нас крайне интересны некоторые наблюдения К. Э. Гриневича, отмечавшего, что Тиритакский вал и ров — это целый комплекс сопутствующих построек (башни и крепости) и проезды-проходы. Затем исследователь отмечает, что на севере он начинается практически от Азовского моря (район бывшей деревни Биюк-Тархан) и сильно прогнутой в центре к востоку линией подходил к Катерлезской гряде. Северная часть Тиритакского вала включает в свою линию, как минимум, четыре укреплённых поселения, датировать которые можно I в. до н. э. — II в. н. э. (первой половиной III в. н. э. ?). С юга на север эти укрепленные поселения расположены в следующем порядке: Войково I, Войково VIII, Тархан VII, Тархан I. Все указанные археологические объекты представляют собой укрепленные поселения площадью от 0,6 га до 1,5 га. Наиболее крупными памятниками являются Войково I и Тархан I, расположенные на южной и северной оконечностях описываемой погранично-оборонительной линии соответственно. Весьма интересно и поселение Тархан VII, расположенное в наивысшей точке горы Михалкина, по юго-западному склону которой проходит линия рва и вала. Это поселение, вероятней всего, выполняло роль сигнально-сторожевого пункта на протяжении второй половины I в. до н. э. — II в. н. э. и является синхронным поселениям Войково I и Тархан I.

Восточнее трассы рва и вала, у северной окраины деревни Войково, расположено поселение Войково VII.

Таким образом, являясь самым северным пунктом в линии Тиритакского вала, укрепленное поселение Тархан I не только контролировало этот участок вала, но и всю территорию азовского побережья к востоку от мыса Зюк до мыса Тархан. В непосредственной близости от поселения (100-150 м) проходило одно из транспортных направлений (дорога, путь), существовавшее еще в начале XX в., следовавшее через бывшее село Биюк-Тархан, Кучук-Тархан вдоль Тарханской балки к современному селу Бондаренково, где распадалось по течению речки Булганак в южном — юго-западном и в восточном — юго-восточном направлениях. Не исключено, что эта дорога являлась одним из важных стратегических направлений в северной части северо-восточной оконечности Керченского полуострова, и функция контроля за ней была так же возложена на укрепленное поселение Тархан I.

1. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. М., 2005. Suppl. II, с. 31-32

2. Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова// ИТОИАЭ. Том I (58-й). / Под редакцией секретаря о-ва Н. Л. Эрнста. — Симферополь, 1927, с. 47-52.

3. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975, с. 255, 260.

4. Масленников А. А. Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма. — Тула: Гриф и К, 2003. С 131-189.

Fortified settlement Tarkhan 1, located in the eastern Crimea, is one of the key defensive points of the northern part of the Tiritaksky wall and makes an integral part of the general defensive system of the European Bosporus in the I c. B.C.- II c. A.D. Archeological survey completed in 2009-2012 allowed to specify dating of the site, suggested preliminary ideas about stratigraphy of the selected objects of the settlement. Works resulted in fixing traces of the superfire at the end I c. B.C.- mid II c.A.D.

Key words: *Kerch peninsula; Eastern Crimea; settlement Tarkhan I; Tarkhan Basin; Cape Tarkhan; Archeological research; surveys; Tiritaksky wall; Biyuk Tarkhan.*

УДК 902.034.4

В. В. Вахонеев

Опыт проведения глубоководных археологических исследований средневековых кораблекрушений в акватории Крыма

Статья посвящена исследованиям двух средневековых кораблекрушений в акватории Крыма, обнаруженных на глубине более 100 м. В ходе исследований были применены современные технические средства, положено начало комплексному анализу археологического материала. Первое кораблекрушение, Херсонес А, датировано XI-X вв. благодаря сохранившемуся грузу из кувшинов Таманского типа. Второе кораблекрушение, Форосский византиец, датирован XIII в. на основе амфорной тары и результатов радиоуглеродного анализа.

Ключевые слова: *кораблекрушение; глубоководные исследования; подводная археология; кувшины Таманского типа; средневековые амфоры.*

Летом 2015 г. российские средства массовой информации стали пестрить новостями о «находке тысячелетия» — лучшей находке археологов на дне Черного моря за всю историю. По их информации, некий дайвинг-центр из Ростова-на-Дону сделал сенсационную находку — обнаружил на глубине 82 м кораблекрушение средневекового (в материалах СМИ — античного) судна (в СМИ — корабля). Летом 2015 г. к исследованию и даже подъему судна и его груза были привлечены Российское географическое общество и Министерство Обороны РФ. Игнорируя рекомендации Конвенции ЮНЕСКО по охране культурного наследия 2001 г., предостерегающую от бездумного подъёма объектов культурного наследия из воды, а также требования 73-го Федерального закона, в июне на месте кораблекрушения развернулась экспедиция. Ввиду уникальности данной сенсации, следует снова обратить внимание (уже в российской историографии) на некоторые исследования средневековых глубоководных кораблекрушений в акватории Крыма, выполнявшиеся сотрудниками Департамента подводного наследия Института археологии НАН Украины с 2006 г.

Уникальность этих исследований заключается в их значительной глубине, долгое время считавшейся недоступной для проведения научных археологических исследований. Тем не менее, сероводородный слой, которым насыщены

глубины Чёрного моря, является уникальным природным консервантом для всех археологических материалов, которые попали в котловину в историческое время. В своё время В. Д. Блаватский мечтал о проведении глубоководных исследований в надежде найти древние рукописи, перевозившиеся на античных кораблях [Блаватский, Кошеленко, 1963, с. 100; Блаватский, 1964, с. 64]. Только в последнее время у специалистов появился арсенал доступных современных технических средств, позволяющий проводить не только разведки, но и весь комплекс подводных исследований.

В 2006-2007 гг., при обследованиях глубин от 100 м в акватории юго-западного Крыма, совместной международной экспедицией выявлено место гибели небольшого судна с грузом из кувшинов таманского типа, получившего условное наименование «Херсонес-А». Обнаружено судно было на глубине 139 м, в 12 морских милях от побережья Севастополя. Объект был визуально осмотрен в мае 2006 г. телеуправляемыми подводными аппаратами (ТПА) «Hercules» и «Argus» после проведенного геоакустического сканирования дна. На основе груза затонувшего судна, состоявшего из одноручных кувшинов, памятник был продатирован IX-X вв. н. э.

В первый год исследований видимая часть памятника состояла из двух возвышенностей, образованных грузом, занимавших участок размером приблизительно 7х3 м, с 60-ю (по предварительным подсчетам 2006 года) одноручными плоскодонными кувшинами. Несколько больших деревянных брусьев, находившихся сверху возвышенностей, первоначально были приняты за современные. В тоже время, окончания нескольких деревянных фрагментов, которые выступали по внешнему периметру, позволили выдвинуть предположение о том, что, по крайней мере, какая-то часть корпуса судна сохранилась.

После детальной фиксации кораблекрушения «Херсонес-А» и взятия образцов со дна памятника был начат первый этап его комплексного изучения. Судно было небольшим по размерам — примерно 7 м в длину и 2,5-3 м в ширину.

Первой задачей стало исследование с применением многолучевого гидролокатора на участке в 1 км² вокруг объекта. Место расположения затонувшего судна, лежащего по оси северо-восток — юго-запад, и прилегающее морское дно были фактически плоскими. Верхние отложения на дне — серовато-желтого цвета с участками светлого и темного песка.

Для картографирования участка использован метод составления фотомозаики, разделенной на 8 зон, ориентированых вдоль оси судна. Зоны 7 и 8 с юго-восточной стороны идентифицированы как участки правого и левого бортов судна. Применение традиционной археологической сетки квадратов на затонувшем объекте с привлечением системы телеуправляемых аппаратов оказалось неэффективным, в связи с чем вся площадь была разбита на зоны.

На фотомозаике объекта до археологического вмешательства можно насчитать примерно 90 кувшинов. После проведенных археологических исследований обнаружены признаки наличия еще, по крайней мере, одного слоя таких же кувшинов и, возможно, третьего под ним, что в целом предполагает общее число — более чем 200 кувшинов. Их размеры достигают от 40 до 49 см, а максимальные диаметры — 19-22 см.

Данные кувшины представляют собой один из наиболее распространенных видов керамической тары средневекового периода. В литературе эта керамическая форма называется красноглиняными кувшинами с плоскими ручками [Антонова и др., 1971, с. 91], кувшинами-амфорами [Зеленко, 2001, с. 83] или кувшинами таманского типа, названными по одному из регионов их распространения.

В поднятых на поверхность кувшинах не обнаружены смолы или другие указания на то, каким было их первоначальное содержимое. Кроме того, при раскопках на объекте также не выявлено никаких признаков пробок. В ходе

раскопок осуществлено перемещение части керамических сосудов с затонувшего судна к участку ее хранения под водой рядом с объектом. Большая часть кувшинов перемещена из зон 1 и 3, меньшая — из зоны 2, с тем, чтобы открыть расположенную ниже конструкцию судна и оценить степень ее сохранности. Ограничение поднятия артефактов на поверхность и объема раскопок на памятнике определенными зонами было осознанным выбором, целью которой была оценка влияния на памятник археологического вмешательства, т. к. артефакты сами по себе помогали законсервировать расположенную ниже конструкцию корпуса.

Одним из важных открытий на объекте было то, что фрагменты древесины на памятнике, которые первоначально считали современными, оказались частью древнего судна. Совершенно очевидно, что на этих глубинах условия являлись чрезвычайно благоприятными для сохранения органических материалов, хотя в некоторых местах древнюю древесину неизбежно путали с накопленными ветками, листьями и другими наносными обломками. Возле остатков обшивки корпуса судна обнаружен лишь один небольшой фрагмент древесины, поврежденный корабельным червем teredo navalis, но возможно он находился среди наносных материалов.

Телеуправляемый аппарат «Геркулес» на момент исследований не имел инструментов для осуществления раскопок корпуса судна с деликатностью, соответствующей современным археологическим стандартам. Тем не менее, появилась возможность открыть достаточно фрагментов древесины, чтобы установить, что судно имело одновременно и нагели, и металлические детали крепления, от которых обнаружены лишь продукты коррозии. Однако для полного понимания конструкции судна этих раскопок было недостаточно. Трудно судить, даже относительно, о точной функции некоторых из крупнейших фрагментов дерева, один из которых (большой фрагмент AAA), вероятно, не происходил из затонувшего судна. Предварительные исследования позволяют предположить, что судно лежит на левом борту. Вертикальные фрагменты древесины (футоксы?), открытые на участке кормы правого борта (зоны 1 и 3), представляли собой каркас, внутреннюю и внешнюю обшивку днища судна. Древесина судна достаточно хрупкая, однако, на ней все же прослеживаются следы обработки.

Обнаруженное затонувшее судно представляет чрезвычайно интересный объект для изучения морской истории Причерноморья. В настоящий момент лишь затонувшее судно XI в. в Серче Лимани [Bass and others, 2004] и судно IX в. в Бозбуруне, изученные в турецких водах, предоставляют широкие исследования аналогичных раннесредневековых затонувших судов и их грузов. Следует также упомянуть и о недавних археологических исследованиях в занесенном песчаными отложениями порту Ени-Капи в Стамбуле, давшие также важные данные для сравнительного анализа [Pulak and others, 2013]. Немногочисленные находки керамического материала IX-XI вв. в акватории Судака хотя и свидетельствуют о возможных кораблекрушениях этого периода в районе [Zelenko, 2009], однако конкретные объекты пока не найдены.

Таким образом, продолжение исследований и полные раскопки кораблекрушения «Херсонес-А» в будущем, могут стать значительным вкладом в наши знания о раннесредневековом мореплавании, торговле и экологических условиях Черного моря. Кроме того, чрезвычайно важным результатом этих исследований стали полевое тестирование и оценка исследователями инструментов для осуществления глубоководных раскопок и современного программного обеспечения, позволяющего проводить их дистанционно.

По завершении раскопок на объекте, перед поднятием на поверхность телеуправляемых аппаратов, памятник был законсервирован защитным слоем

грунта, взяты пробы ила и воды, а также на памятнике оставлен материал для проведения экспериментов по скорости разложения различных веществ (древесина, металл, ткань).

В 2008 г. были проведены глубоководные археологические разведки в акватории Южного берега Крыма. На завершающем этапе исследований, на траверзе пгт. Форос в 16 км от берега, гидролокатором бокового обзора сделана сонограмма неприродного объекта, находящегося на глубине 128 м [Воронов и др., 2008, с. 49, фото 18]. На ней отчетливо просматривались остатки деревянного парусновесельного судна, впоследствии вошедшего в научный оборот под названием «Форосский византиец». Размеры объекта по сонограмме — 32.4х6.2х1.2 м.

В 2009 г. объект был осмотрен ТПА «Софокл» [Воронов, 2009, с. 5-7]. В качестве основного объекта для изучения выбрано нововыявленное кораблекрушение. На основе визуального осмотра места гибели судна установлено, что затонувшее судно лежит по курсу 140°, само место кораблекрушения покрыто на 70% илом и сбоку выглядит как большой бархан, из которого в разные стороны выступают деревянные фрагменты рангоута и судового набора. Поскольку носовая и кормовая части судна оказались скрыты донными отложениями, вполне вероятно, что реальная длина объекта могла достигать 40 м.

С помощью видеокамеры ТПА зафиксированы хорошо сохранившиеся фрагменты судового набора — шпангоуты, бимсы, стрингеры, планшир, фрагменты палубы, обшивки, часть форштевня, девять «весел», реи и, вероятно, две мачты, а также два скопления (около 20 штук) грушевидных амфор с дугообразными ручками — широко распространенного в Причерноморье типа. Кроме этого, зафиксировано значительное количество неидентифицированных предметов со следами инструментальной обработки. В районе полубака находится вертикальный металлический стержень с тремя отверстиями в верхней его части, возможно, флагшток или веретено якоря. Предметы, похожие на «весла» в уключинах, визуально зафиксированы только с правого борта, длина каждого достигает нескольких метров. Мачта лежит вдоль левого борта. Хорошо прослеживалась часть килевого бруса, фрагменты планшира левого и правого бортов. Вокруг корпуса судна, на расстоянии до 5 м, других фрагментов судна обнаружено не было. Кормовая и носовая части его во время катастрофы и под воздействием времени пострадали больше, чем центральная часть.

С целью уточнения датировки объекта аппаратом был поднят на поверхность фрагмент древесины, возможно, это была часть рангоута судна. Киевской радиоуглеродной лабораторией Института геохимии окружающей среды проведен анализ образца, результаты которого датируют его 1020-1190 гг. Данная дата имеет небольшое расхождение с датировкой керамического комплекса, что можно объяснить несоответствием условий хранения и транспортировки его в лабораторию.

В 2010 г. для проведения исследований были привлечены технодайверы [Воронов, 2010, с. 6-8]. Следует отметить, что подобные научные работы с использованием водолазов на такой глубине (128 м) проводились впервые в отечественной практике. Большие глубины и сильные течения ограничили количество водолазных спусков, однако удалось сделать видеозапись нескольких погружений — временя работы на дне 5-7 мин. (рис. 14-19), а также составить план кораблекрушения. На поверхность было поднято несколько амфор.

Основной тип амфор — грушевидные с дугообразными ручками. В работах исследователей они классифицируются по-разному: тип 62 — по Хейсу (Hayes, 1992); класс 45 — по Романчук, Сазанов, Седикова [Романчук и др., 1995]; тип 4 — по типологии Гюнзенин [Günsenin, 1990]. В акватории Крыма подобные сосуды обнаружили при раскопках кораблекрушения в Новосветской бухты [Зеленко, 2008, 131;

Zelenko, Morozova, 2010, p. 81-82]. Период их бытования обычно ограничивается XIII в.

Второй тип амфор, который также встречается и при раскопках Новосветского кораблекрушения XIII в., — небольшие плоскодонные амфоры. Учитывая схожесть керамических форм, обнаруженных на обоих кораблекрушениях, можно предположить их синхронность. Поскольку Новосветское кораблекрушение находится на достаточно малых глубинах (до 12 м), из-за воздействия гидрофизических и антропогенных факторов конструкции судна, к сожалению, не сохранились. Тем не менее, доступная глубина позволила на протяжении последних 15 лет проводить систематические исследования акватории, на которой оказался груз судна (амфоры, поливная керамика) и другие предметы материальной культуры, оставшиеся от кораблекрушения (монеты, гребни и др.). Форосское же кораблекрушение представляет собой кораблекрушение с уникально сохранившимися деревянными конструкциями, однако детальные исследования их затруднены большой глубиной. Таким образом, исследования и анализ обоих кораблекрушений необходимо проводить в комплексе для создания всевозможных исторических и археологических реконструкций.

Исследования «Форосского византийца» подтвердили давно существующее мнение о хорошей сохранности деревянных конструкций затонувших судов на больших глубинах Чёрного моря. Проведённые разведки позволили лишь визуально осмотреть кораблекрушение, тем не менее, в последнее время активизировалась подготовка к археологическому изучению объекта с раскопками при использовании современной робототехники.

Возвращаясь к находке 2015 г., следует отметить, что краткая опубликованная в сети видеозапись с места осмотра кораблекрушения позволяет судить о том, что это было судно с грузом амфор первой половины XI в. Размеры судна, конечно, не могли соответствовать заявленным 125 м. Вероятно, это торговое судно могло иметь в длину не более 30 м. Деревянные фрагменты сохранились крайне плохо и, по-видимому, полностью скрыты слоем амфор и ила. Данное кораблекрушение синхронно более ранним в Новосветской бухте и возле мыса Меганом. Все указанные кораблекрушения являются свидетельствами масштабной византийской торговли в X-XIII вв., в том числе и с Крымом. Вопросы подъема судна и его груза следует деликатно и всесторонне изучить специалистами, поскольку подводное техническое оборудование совершенствуется, а любое необдуманное решение может привести к потере целого пласта информации.

1. Антонова И. А., Даниленко А. И., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 7, с. 81-101.

2. Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 108 с.

3. Блаватский В.Д. Подводная археология и ее задачи // Вопросы истории. 1964. № 12, с. 54-64.

4. Воронов С. О., Вахонєєв В. В., Рейда Р. М. Звіт ІІІ міжнародної глибоководної експедиції про підводні археологічні дослідження в територіальних водах України на південь від Криму в 2008 році. К., 2008. 88 с. // НА ИА НАН Украины

5. Воронов С. О. Звіт про глибоководні дослідження підводно-археологічної експедиції (наукова археологічна експертиза) в районі південного узбережжя Криму. К., 2009. 30 с. // НА ИА НАН Украины

6. Воронов С.О. Звіт про дослідження 4-ї глибоководної підводно-археологічної експедиції (наукова археологічна експертиза) в районі південного узбережжя Криму. К., 2010. 26 с. // НА ИА НАН Украины

7. Зеленко С.М. Подводная археология Крыма. К.: Стилос, 2008. 271 с.

8. Романчук А. М., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. — Екатеринбург: Уральский университет, 1995. 110 с.

9. Bass G., Matthews Sh., J. Steffy R. Serçe Limani: An Eleventh-Century Shipwreck. Vol. 1. The Ship and Its Anchorage, Crew, and Passengers. Texas: Texas A&M University Press, 2004. 592 p.

10. Hayes J. W. Excavations at Saraçane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Oxford: Princeton University Press, 1992. 455 s.

11. Hocker F. Sampling a Byzantine Vintage: Boxburun, Turkey // Beneath the Seven Seas, NY — London, 2005. P. 100-105.

12. Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siecles): typologie, production, circulation d'apresles collections turques. Paris, 1990. 304 p.

13. Pulak, C., Ingram R., Jones M., Matthews S. The Shipwrecks of Yenikapı and their Contribution to the Study of Ship Construction // Sakli Limandan Hikayeler: Yenikapi'nin Batiklari. Istanbul: Istanbul Archaeological Museums Press, 2013. P. 22-34.

14. Zelenko S. Shipwrecks of the 9th-11th centuries in the Black Sea near Soldaya // Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval. TOMO I. Ciudad Real ,2009. P. 235-244

15. Zelenko S., Morozova Y. Amphorae assemblage from the 13th century shipwreck in the Black Sea, near Sudak // Varia Anatolica XXI. Pat. 1. Production and trade of amphorae in the Black Sea. Paris, 2010. P. 81-84.

The article is devoted to the investigations of two medieval shipwrecks in the waters of the Crimea, discovered at a depth more than 100 m. Modern technologies were applied and comprehensive analysis of sunken archaeological material was initiated.

The first shipwreck, Chersonesos A, is dated to the 11th-10th cc. due to the safety of the cargo jarss of Taman type. The second shipwreck, Phoros Byzantine, is dated to the 13th century on the basis of the amphorae materials and radiocarbon analysis.

Key words: *shipwreck; deep sea research; underwater archaeology; Taman type jars; medieval amphorae.*

УДК 902 «652» (47775)

М. Ю. Вахтина

О гробницах 1 и 6 некрополя Нимфея[1]

В статье рассматривается инвентарь гробниц 1 и 6 некрополя Нимфея, двух из шести захоронений, раскопанных Ф.Биллером в 1868 г. Материалы из раскопок были переданы Университету Оксфорда и хранятся в Ашмолинском музее. Они были систематизированы и изданы М. Викерсом [1979; 2002]. Хотя отдельные вещи из гробниц хорошо известны и постоянно привлекают внимание исследователей, сами комплексы, на наш взгляд, еще недостаточно оценены отечественными учеными как источники, способные пролить свет на особенности культуры и политики боспорских городов V в.

Ключевые слова: *Боспор; эпоха Археанактидов; некрополь Нимфея; гробница; могила; погребальный инвентарь; греко-варварские контакты.*

Эпоха Археанактидов, правивших на Боспоре с 480/479 до 438/37 г. до н. э., почти не оставила нам ярких погребальных комплексов, которые можно однозначно связывать с правящей элитой. Некрополь Пантикапея этого времени выглядит достаточно скромно; как правило, самые «богатые» из известных захоронений этого времени представляют собой простые грунтовые могилы, иногда обложенные сырцовыми кирпичами, либо «жженые точки», содержащие дорогие привозные сосуды.

На этом фоне особенно выразительно выглядят гробницы, открытые на некрополе Нимфея [Силантьева, 1959, с. 22, сл.]. Самые интересные комплексы нимфейского некрополя обнаружены в курганах с конскими захоронениями и предметами конской упряжи. К V в. до н. э. можно отнести пять комплексов[2], выделенных Н. Ф. Силантьевой, материалы которых хранятся в Государственном Эрмитаже [Силантьева, 1959, с. 56 сл.].

Вещи из шести нимфейских гробниц, раскопанных в 1868 г. Ф. Биллером, хра-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10151.

[2] Каменная гробница № 16/1876 в сплошной могильной насыпи [Силантьева, 1959, с.78 сл.] комплекс которой, хотя и не включавший конского захоронения, имеет особенности, сближающие его с перечисленными погребениями, принадлежит к более позднему времени — началу IVв. до н.э. [Виноградов, 2005, с. 249].

нятся в Ашмолинском музее в Оксфорде. Они были переданы в 80-х гг. XIX в. В. Сименсом, курирующим работы по прокладке участка линии «индоевропейского телеграфа», которая должна была пройти через Керченский пролив [Vickers, 1979, p. 7-8; Vickers, 2002, p. 5-6]. Во время этих работ раскопаны нимфейские захоронения, материалы которых оказались в Англии. Впоследствии эти материалы, а также сохранившиеся описания раскопок были систематизированы и изданы М. Викерсом, проделавшим огромную работу по реконструкции комплексов, атрибуции и датировке вещей. Хотя благодаря этим публикациям материалы нимфейских комплексов были введены в научный оборот, все же, на наш взгляд, они редко привлекают внимание отечественных исследователей и мало ими оценены. В данной работе мы попробуем рассмотреть комплексы гробниц I и VI некрополя Нимфея[3], в составе которых были найдены предметы вооружения. Первая из них содержала парное погребение, вторая — одиночное.

Гробницу I М. Викерс назвал «захоронением воина и женщины» [Vickers, 1979, p. 9]. Оно было совершено под довольно высокой насыпью (высота ее составляла 7,25 м), в гробнице, сложенной из грубо обработанных плит местного известняка, обнаруженной на глубине 0,60 м ниже уровня поверхности в юго-восточной части кургана [Vickers, 1979, fig. 1]. Она была ориентирована по оси запад-восток. Выше верхнего ряда камней обнаружены скелеты лошади и собаки. Захоронение содержало мужской и женский костяки, от которых в настоящее время сохранились лишь мужской череп и нижняя челюсть. Череп принадлежал мужчине 25-35 лет [Vickers, 1979, p. 35, pl. IIc; Vickers, 2002, p. 14, pl. 1, 2]. Интересной его особенностью является трещина в лобовой части, которая, однако, не стала причиной смерти. Возможно, она являлась следствием боевого ранения, от которого удалось успешно излечиться. Челюсть с остатками зубов принадлежала женщине [Vickers, 1979, p. 35, pl. IId; Vickers, 2002, pl. 1, *2*]. Кратко рассмотрим найденные в гробнице вещи, которые можно связать с мужским и женским захоронениями.

С инвентарем мужского погребения ***гробницы I*** соотносятся:

1. **Набор стрел** (вероятно, от несохранившегося колчанного набора), включавший 22 бронзовых и 1 костяной наконечники стрел [Vickers, 1979, pl. IIa-b; Vickers, 2002, pl. 2] (рис. 1, *1*).

2. Вероятно, этому захоронению принадлежал и **бронзовый шлем** [Vickers, 1979, pl. Ia-c; Vickers, 2002, pl. 1], не упоминавшийся в документации (рис. 1, *2*). Е. В. Черненко отнес этот шлем к иллирийской группе, отметив, что шлемы этого типа часто встречаются на территории Венгрии и на Балканах (большая часть находок связана с территорией бывш. Югославии) [Черненко, 1968, с. 93].

Женскому вещевому комплексу принадлежали:

1. **Электровое кольцо** [Vickers, 1979, pl. XVIIIa, fig. 12-13];

2. **Пара золотых ладьевидных серег** («калачиков») [Vickers, 1979, pl. IIIa; Vickers, 2002, pl. 3]. Один конец каждой серьги оформлен в виде головки грифона архаического облика (рис. 2, *1*а-б). Тип серег-калачиков (или ладьевидных серег) был широко распространен в Греции и на Переднем Востоке с VII в. до н. э.; после основания греческих поселений известен и в варварском мире Северного Причерноморья, где он бытовал до конца скифской эпохи [Скржинская, 1986, с. 122-114; Мартынов, 1997, с. 38]. Однако, украшения в виде головок грифонов на серьгах этого типа чрезвычайно редки. Все экземпляры, декорированные головками грифонов, связаны с территорией Северного Причерноморья. Кроме экземпляров из нимфейской гробницы, подобный декор известен только для еще двух пар серег. Одна из них была найдена в ком-

[3] Нумерация комплексов дана по Vickers, 1979; Vickers, 2002.

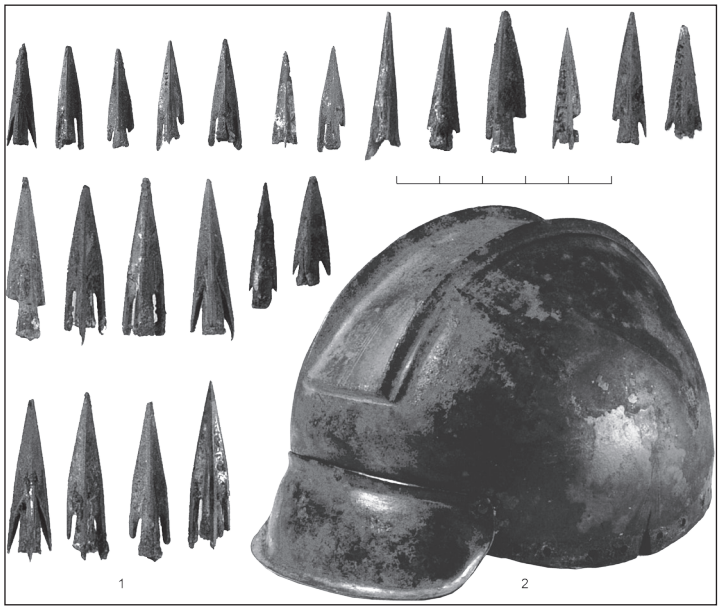

Рис. 1. Гробница I. Инвентарь, относящийся к мужскому погребению

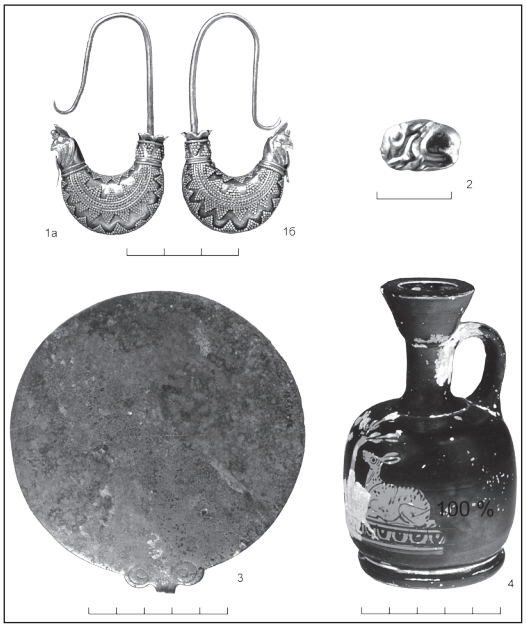

Рис. 2. Гробница I. Инвентарь, относящийся к женскому погребению

Рис. 3. Гробница VI. Погребальный инвентарь

плексе кургана 3 у с. Дорт-Оба на левом берегу р. Салгир в центральной части Крыма [Петренко, 1978, с. 107, табл. 19, *10, 10а*; Мартынов, 1997, с. 36-37; Алексеев, 2012, с. 124-125; Колтухов, Сенаторов, 2014, с. 68, рис. 1, *2*][4], другая обнаружена в составе женского погребения скифского кургана 6 у с. Балабаново в Молдавии, датированном IV в. до н. э. [Чеботаренко, 1973, рис. 7, 8].

3. **Небольшие нашивные бляшки в виде фигурок зайцев** (84 экз.) [Vickers, 1979, pl. IVb-c; Vickers, 2002, pl. 5] (рис. 2, 2). Изображения этого животного известны в скифском искусстве [Полидович, Вольная, 2005]. А. Р. Канторович в своей фундаментальной классификации отнес изображения на бляшках из Нимфея к типу, который он назвал «бельским». Исследователь отметил, что он «не находит себе близких аналогий в рамках звериного стиля, данный тип композиционно сходен с модулем припавшего к земле хищника в скифском искусстве», и датировал нимфейские бляшки с изображением зайца 475-425 гг. до н. э. (с учетом наиболее вероятной даты комплекса гробницы) [Канторович, 2015, с. 840-841].

4. **Бронзовое зеркало** [Vickers, 1979, pl. IIIb; Vickers, 2002, pl. 4, *2*] с гравированной пальметкой у основания ручки (рис. 2, *3*). Согласно классификации З. А. Билимович, это зеркало можно отнести к типу плоских «пелопонесских» зеркал, производившихся в конце VI-V вв. до н. э. и получивших широкое распространение в Северном Причерноморье [Билимович, 1976, с. 41-42].

5. **Аттический краснофигурный лекиф** с изображением зайца [Vickers, 1979, pl. IVa, fig. 2; Vickers, 2002, pl. 4, *1*] (рис. 2, *4*). Изображение зайца на лекифе как бы «повторяет» сюжет, представленный на бляшках, возможно, усиливая его семантическое значение. Форма и стилистические особенности декора позволили М. Викерсу датировать этот сосуд концом V в. до н. э. [Vickers, 2002, p. 20]. Вероятно, к этому времени относится и весь комплекс гробницы № 1.

Кроме этих вещей, в состав женского вещевого комплекса входили предметы, не сохранившиеся до наших дней: **золотое ожерелье** с подвесками в виде орехов и **два мраморных алабастра**. В гробнице также были найдены **фрагменты шкуры, шерстяной ткани, орехи**. Среди органических остатков была и **морская губка**, как и в нимфейском кургане 17 [Силантьева, 1959, с. 71]. Особенно интересен фрагмент шерстяной ткани высокого качества. Это позволило высказать предположение о том, что она была произведена в Милете, метрополии многих боспорских колоний, славившегося своими тонкорунными овцами [Vickers, 2002, p. 24, pl. 6].

Гробница VI была интерпретирована М. Викерсом как «гробница воина» [1979, p. 10]. Обнаруженный в ней мужской костяк лежал головой на восток. К вещам, сопровождавшим погребенного, относились:

1. **Золотая шейная гривна** [Vickers, 1979, pl. XVa; Vickers, 2002, pl. 18, 1], украшение, характерное для скифской элиты (рис. 3, *1*). Еще одна похожая золотая гривна происходит из нимфейского кургана 24 [Силантьева, 1959, рис. 24, *1*]. Согласно классификации Е. Г. Петренко, гривна из гробницы 6 (как и найденная в кургане 24) относится к первому типу I отдела [Петренко, 1978, с. 42]. Исследовательница отметила, что, в целом, в эпоху скифской архаики и классики находки гривен в погребениях достаточно редки. Так, в

[4] С. Г. Колтухов и С. Н. Сенаторов полагают, что погребение в кургане 3 Дорт-Обы может быть поставлено «в один ряд с небольшой серией богатых женских захоронений V-IV вв. до н.э. из степной Скифии» [Колтухов, Сенаторов, 2014, с. 72]. Исследователи высказали предположение, что серьги с головками грифонов из этого захоронения, изготовленные во второй половине V в. до н.э., достаточно долго использовались, прежде чем попасть в комплекс погребения, которое они склонны помещать в рамки более позднего времени. То же, очевидно, можно сказать и о серьгах из кургана у с. Балабаново.

своей сводке для конца VI-V вв. до н. э. она привела всего 10 находок, причем, 9 из них изготовлены из золота, а одна — из железного прута обернутого золотым листом. В архаическое время гривны известны лишь в Лесостепи, но с конца VI в. начинают распространяться в Крыму и Прикубанье. В. Г. Петренко полагала, что в конце VI-V вв. до н. э. гривны «… уже окончательно становятся принадлежностью только тех погребений, где похоронены были мужчины-воины, представители богатейшей всаднической верхушки» [Петренко, 1978, с. 41].

2. **Остатки чешуйчатого панциря** [Vickers, 1979, XVb-c; Vickers, 2002, pl. 17, *1*] (рис. 3, *2*). По Е. В. Черненко, панцирь относится к группе кожаных панцирей, усиленных пластинчатым набором, широко распространенных в Северном Причерноморье с эпохи поздней архаики [Черненко, 1968, с. 19 сл.].

3. На ногах погребенного были **поножи**, от которых сохранились 13 длинных бронзовых пластин, частично накладывавшихся друг на друга и в древности крепившихся на кожаную основу [Vickers, 1979, pl. XVIb; Vickers, 2002, pl. 17, *2*] (рис. 3, *4*). Остатки поножей из гробницы были детально исследованы Е. В. Черненко и датированы в пределах второй половины V в. до н. э. [Черненко, 1968, с. 117-119, рис. 62]. Он также отметил, что поножи этого типа известны на территории Восточной Европы с середины V в. до н. э., однако наибольшее распространение получили в IV-III вв. Нимфейские поножи, по Е. В. Черненко, принадлежат к немногочисленной группе наиболее ранних находок, включающей всего 3 экз.

4. **Нагрудное украшение в виде массивной бронзовой бляхи** в виде стилизованной головы лося [Vickers, 1979, pl. XVIa; Vickers, 2002, pl. 16] (рис. 3, *3*). Похожее изображение лося представлено на бляшке, служившей украшением конской сбруи, из нимфейского кургана 1/1978 [Силантьева, 1959, рис. 47, *5*]. Размеры нагрудного украшения из гробницы 1 некрополя Нимфея впечатляют — длина бляхи составляет 11,6 см, высота — 8,3 см.

Выразительность и тщательная проработка деталей изображения позволяют отнести это украшение к выдающимся памятникам скифской торевтики раннеклассического времени. Манера передачи образа животного близка изображениям на бронзовых бляшках — украшениях конской упряжи из скифских курганов лесостепи: кургана у с. Грищенцы [Галанина, 1977, с. 53, табл. 31, *5*], Журовских курганов [см., напр., Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 62, 64]. Изображения лося встречаются и в курганах степной зоны, например, на бляшке из кургана у Мариуполя [Мурзин, 1984, рис. 9, *3*]. По манере изображения, бляшка в виде головы лося из нимфейской гробницы 6, на наш взгляд, наиболее близка бляшке из кургана у с. Грищенцы (курган Тарновского) на лесостепном Левобережье [Галанина, табл. 31, 5]. У лося на бляшке из кургана у с. Грищенцы, как и у лося из Нимфея, такая же массивная оконечность морды, загнутая вниз почти под прямым углом, один из завитков-«рогов», обращенный в сторону пасти, украшен композицией «глаз и клюв» в стиле зооморфных превращений. Вместе с тем, глаз у нимфейского лося, в отличие от «канонических» скифских изображений эпохи поздней архаики, не круглый, а миндалевидный. Подобным образом глаз трактован на ряде изделий в зверином стиле V в. до н. э., обнаруженных в захоронениях варварской знати вблизи греческих центров, например, на бляшке в виде оленя из кургана № 5 на м. Ак-Бурун близ Керчи [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, fig. 92]. Подобную трактовку можно увидеть и на вещах в «зверином стиле», происходящих из погребений в «контактных зонах», вероятно, созданных под влиянием античного искусства, например, в комплексах Семибратних курганов [Ibid., pl. 86-89; 94]. Рог, стилизованный в виде завитка, идущего к пасти животного и заканчивающегося птичьей головкой, украшен «рубчиками». Этот

орнаментальный прием характерен для изображений животных на изделиях V в. до н. э., выполненных в стиле «греко-скифского» искусства. Его можно увидеть на бляхах в виде оленей из Ак-Мечетского кургана [Ibid., pl. 101], курганов у с. Ильичево [Лесков, 1968, рис. 1] и Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, pl. 213], на бронзовой бляхе в виде хищника из Кулаковского кургана [Ibid., pl. 61]. Хотя изображения, при создании которых был использован этот декоративный прием, известны в это время и в степи, например, на бляхе из кургана у с. Ковалевка Николаевской обл. [Мурзин, 1984, с. 41, рис. 24]. А. Р. Канторович в своем фундаментальном исследовании, в разделе, посвященном редуцированным изображениям лося, отнес бляху из гробницы 6 некрополя Нимфея к типу 3, который назвал «нимфейско-семибратним» и определил время его бытования в пределах V в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 340].

Бронзовая бляха в виде головы лося, найденная в гробнице VI нимфейского некрополя, уникальна по своим размерам, а также по способу использования. Напомним, что она служила нагрудным украшением боевого доспеха. Нимфейская бляха как бы представляет собой увеличенную «копию» бляшек, широко использовавшихся в скифском мире для украшения парадной сбруи боевого коня. Как нам представляется, можно высказать осторожное предположение о возможном соотнесении этой вещи с комплексом идей, связанных акцентированием культурной принадлежности. Известны многочисленные параллели, когда желание людей, живущих длительное время в чуждом им культурном и этническом окружении и стремящихся сохранять память о своих «корнях», побуждало их подчеркивать свое происхождение при помощи определенных атрибутов, в качестве которых могли выступать характерные (часто утрированные) элементы костюма, вооружения, определенного вида украшения и другие вещи, важные для культурной самоидентификации. В этой связи хочется вспомнить еще об одной находке, возможно, также призванной выполнять (в числе прочих) и функцию «культурного маркера» — знаменитую золотую бляху в виде оленя с подогнутыми ногами из кургана Куль-Оба [Артамонов, 1968, с. 13; Королькова, Алексеев, 1994, с. 103 сл., рис. 1, *1*]. Не исключена возможность, что нимфейская бляха также была изготовлена по специальному заказу в одной из боспорских мастерских.

5. М. Викерс отнес к погребению в гробнице VI **бронзовый черпак** (рис. 3, *5*), датированный концом V в. до н. э., длинная ручка которого заканчивается изображением лебединой головки [Vickers, 2002, p. 50. pl. 19, *1*]. Похожие черпаки с ручками, имевшими такие же окончания, происходят из курганов 24 и 17 нимфейского некрополя [Силантьева, 1959, рис. 34, *1*; 35, 39, *4*]. Подобные черпаки встречаются в комплексах северопричерноморских некрополей V в. до н. э. Возможно, эти находки стоит рассматривать и в качестве хроноиндикаторов. В числе комплексов, в которых были обнаружены черпаки с длинными ручками, увенчанными изображениями лебединых головок, упомянем погребение 15 некрополя Китея [Молев, Шестаков, 1991, с. 83, рис. 6, *5*], погребение в кургане неподалеку от Кеп, раскопанное Н. П. Кондаковым в 1880 г. [ОАК за 1880 г., с. XII], 2-й Семибратний курган [Артамонов, 1966, с. 36-37], погребения в некрополях на м. Тузла [Шкорпил, 1911, с. 65-66, 70]. Известны они и в комплексах Ольвийского некрополя классического времени [Козуб, 1974, рис. 28].

Судя по описанию вещей, обнаруженных в гробнице VI, в ногах погребенного лежали коррозированные остатки меча. Вероятно, к этому комплексу принадлежали и три чернофигурных сосуда — две патеры и чаша на высокой ножке [Vickers, 1979, p. 10-11].

Даже самый общий обзор комплексов, хранящихся в Ашмолинском музее, указывает на их чрезвычайную близость материалам из гробниц нимфейского некрополя, хранящимся в Эрмитаже.

Все эти гробницы, содержавшие богатые вещевые наборы, в состав которых входили золотые украшения, оружие, бронзовые сосуды, расписная столовая керамика, несомненно, можно отнести к погребениям знати, т. е. представителей аристократической прослойки местного общества. Большинство захоронений сопровождали конские погребения с парадными уздечными наборами (или же украшения конской упряжи, в которых можно видеть семантическую «замену» конского жертвоприношения, символическое обозначение присутствия боевого коня, сопровождавшего хозяина). Весьма характерно сооружение курганов (иногда достаточно высоких) над гробницами этой группы, несомненно, сближавшие их в глазах современников с «могилами скифских царей». Обычно рассмотренные выше комплексы относят к погребениям «с местными (т. е. варварскими. — *М. В.*) чертами обряда» [Силантьева, 1959, с. 51]. Справедливо отмечается и сочетание в них черт обряда и элементов погребального инвентаря, характерного, с одной стороны, для греков Северного Причерноморья, а с другой — для варваров-скифов, занимавших господствующее положение в регионе [Виноградов, 2005, с. 245 сл., Зинченко, 2001, с. 121]. То, что погребения этого круга были совершены на территории некрополя греческого города, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о том, что погребенные, лица высокого социального ранга, входили в состав нимфейской общины. Предположение о том, что представители местной варварской аристократии в эпоху Археанактидов начали активно проникать в греческие города, представляется вполне правдоподобным. Особенно ярко это видно на примере Нимфея. К подобному выводу об особенностях развития этого центра пришла Н. Л. Грач: «Эволюция греко-варварских контактов в Нимфейском регионе Боспора происходила по восходящей линии. Уже в V в. до н. э. местная аристократия играла заметную, если не ведущую, роль в жизни города. Это подтверждают богатые воинские захоронения в курганах с местными чертами обряда» [Грач, 1999. с. 31].

О роли этих «местных элементов» в жизни греческой общины Нимфея мы, конечно же, можем лишь строить предположения. Не ясно также, кем являлись женщины, сопровождавшие мужские захоронения в парных погребениях. Они могли быть как гречанками, соединившими свои судьбы с воинами-аристократами, выходцами из варварской среды, так и представительницами местных племен.

В целом, появление конских захоронений на территории греческих некрополей Европейского Боспора, по-видимому, является отличительной чертой эпохи. На достаточно скромном раннем некрополе Китея — города, расположенного южнее Нимфея, для V в. до н. э. выявлена конская могила (№ 31), очевидно, сопровождавшая захоронение одного из жителей местной общины [Молев, Шестаков, 1991, с. 95, рис. 2, 3]. В это время подкурганные захоронения, сопровождавшиеся конскими гробницами и содержавшие вещи скифского облика, проявляются и в окрестностях греческих центров. Ярким примером такого захоронения может служить погребение в кургане 5 на м. Ак-Бурун к югу от Пантикапея, датированного второй-третьей четвертями V в. до н. э. [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 115 сл.; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 19 сл.].

Ю. А. Виноградов отметил, что в эпоху Археанактидов погребения варварской аристократии появляются в непосредственной близости от таких центров, как Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы [Виноградов, 2005, с. 246-248]. Не вызывает сомнения, что, как полагает Ю. А. Виноградов, это явление отражает не только результат и тенденции общей ситуации во взаимодействиях между греками и варварами на Боспоре в эпоху Археанактидов, но также может рассматриваться как следствие целенаправленной политики конкретных греческих центров. Пример Ним-

фея — самый выразительный. Здесь целая группа элитных захоронений, часто сопровождавшихся конскими погребениями (и/или включавшие упряжь местных типов), отличавшаяся разнообразным и богатым инвентарем, в состав которого входили оружие, золотые украшения, металлические изделия, керамика, была открыта непосредственно на территории античного некрополя. Греческие центры, в окрестностях которых группировались курганы, очевидно, проводили независимую внешнюю политику и по отношению к «степи». В сфере греко-варварских взаимодействий, Нимфей, очевидно, играл достаточно активную роль. В отличие от многих других боспорских поселений, этот город, по-видимому, сохранял в V в. до н. э. достаточно стабильное течение жизни [Соколова, 2010, с. 482], в том числе, и во время «кризиса первой половины V в. до н. э. до н. э.» [Завойкин, 2013, с. 49 сл.]. Комплексы, обнаруженные в процессе раскопок его некрополя, еще раз подчеркивают своеобразие и особый путь развития этого полиса.

1. Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012. 271 с.

2. Артамонов М. И. Куль-Обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 9-16.

3. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Эрмитажа. Прага-Л., 1966. 120 с.

4. Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 17. 1974, с. 32-66.

5. Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. // БИ. Симферополь-Керчь, 2014. suppl. 13. 183 с.

6. Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005, с. 211-296.

7. Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I //БИ. Симферополь-Керчь, 2012. Suppl. 9. 288 с.

8. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. 328 с.

9. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов // БИ. Симферополь-Керчь, 2013. Suppl. 10. 591 с.

10. Зинченко С. М. Нашивные бляшки с изображением оленя из некрополя Нимфея (к вопросу об особенностях функционирования одного канонического образа) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Т. I. С. 115-123.

11. Канторович А. Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция (рукопись докторской диссертации). Т. 1. М., 2015. 1724 с. // http://archaeolog.ru/media/dissovet/Kantor_diss.

12. Козуб Ю. І. Некрополь Ольвії в V-IV ст. до н. е. Київ, 1974. 181 с.

13. Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифское погребение в кургане Дорт-Оба 3 // Таврические студии. Исторические науки. 6. 2014, с. 66-73.

14. Королькова (Чежина) Е. Ф., Алексеев А. Ю. Олень из кургана Куль-Оба // Проблемы археологии. 3. СПб., 1994, с. 102-109.

15. Лесков А. М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1. 1968, с. 158-166.

16. Мартынов А. К. Золотые серьги из могильника Дорт-Оба // СГЭ. 57. 1997, с. 36-38.

17. Молев Е. А., Шестаков С. А. Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991, с. 74-100.

18. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. 133 ст.

19. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. // САИ. Д4-5. М., 1978. 142 с.

20. Полидович Ю. Б., Вольная Г. В. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Европы: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В, с. Ольховского. М., 2005, с. 425-436.

21. Скржинская М. В. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986, с. 112-126.

22. Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 69. 1959, с. 5-107.

23. Соколова О. Ю. Античный город Нимфей // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010, с. 479-485.

24. Чеботаренко Г. Ф. Скифские курганы у с. Балабаны // Археологические исследования в Молдавии в 1970-1971 гг. Кишинев, 1973, с. 113-129.

25. Черненко Е. В. О шлеме из Нимфея // СА. 4. 1966, с. 194-195.

26. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968. 192 с.
27. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 56. 1914, с. 1-74.
28. Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid. 7th to 3rd Century B. C. Leningrad, 1986. 183 p.
29. Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1979. 56 p.
30. Vickers M. Scythian and Thracian Antiquities. Oxford, 2002. 80 p.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования
ИАК — Известия Археологической Комиссии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа

The article deals with the burial equipment from the tumuli 1 and 6 of the Nymphaeum necropolis, two of six graves, excavated by F.Biller in 1868. Materials from the excavations have been presented by the University of Oxford and are kept in Ashmolean museum. The finds were systematized and published by prof. M.Vickers [1979; 2002]. Though the individual objects from the graves are well-known and regularly attract scholars' attention, the complexes in whole still haven't been appreciated at their true value as the important sources which can throw light on the peculiarities of culture and political life of Bosporan cities in the 5th century BC.

Key words: *Bosporan kingdom; epoch of Archeanaktides; necropolis of Nymphaeum; tumulus; grave; burial equipment; Greek-barbarian contacts.*

УДК: 902.01, 904

Ю. А. Виноградов

Об открытии молотильного тока на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров)

В 2012 г. на античном поселении Артющенко–1 на Таманском полуострове была исследована небольшая часть молотильного тока (5,60×4,80 т). Она представляла собой площадку, покрытую слоем глины толщиной 5 см, которая датируется II–III вв. н.э. Во время изучения было обнаружено большое количество обгоревших зёрен злаковых, среди которых необычно доминируют зёрна плёнчатой пшеницы (Triticum tompococcum). Этот сорт пшеницы характерен для лесостепной зоны Северного Причерноморья, но не для Боспора Киммерийского или района Прикубанья.

Ключевые слова: *Азиатский Боспор; римская эпоха; сельские поселения; находки зёрен злаковых; молотильный ток.*

Крупное античное поселение Артющенко–1, расположенное в южной части Таманского полуострова, на высоком обрывистом берегу Чёрного моря, стало объектом археологического изучения Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры РАН с 1998 г. [Виноградов, 2001; 2013а; Vinogradov, Lebedeva, 2005]. Поселение разделяется достаточно глубокой балкой на две части — восточную и западную. За время раскопок выяснено одно любопытное обстоятельство: к востоку от балки находятся археологические комплексы, относящиеся к концу VI–II вв. до н. э., а к западу от него — комплексы I–IV вв. н. э. [Виноградов, 2011; 2013б], а также ещё более поздние, принадлежащие салтово-маяцкой культуре [Виноградов, 2002].

В 2012 г. во время раскопок в западной части памятника (раскоп I) открыта часть весьма любопытного объекта, который определён как молотильный ток. Он представляет собой площадку, покрытую утрамбованным материковым суглинком толщиной 5 см. Сооружение исследовано на площади 5.60×4.80 м. В 2012 г. более-менее чётко удалось выявить лишь её южную и, возможно, западную границы. В северном и восточном направлениях площадка «уходит» в борта раскопа. Археологические находки (в основном, фрагменты амфор), обнаруженные при исследовании площадки, датируются в пределах II–III вв.

Помимо керамических фрагментов, во время исследования этого объекта (при просеивании золистого грунта) обнаружено большое количество обгоревших зёрен культурных растений, что, собственно, и позволило интерпретировать его как молотильный ток. Часть из зёрен передана на хранение в Таманский археологический музей, другая — для определений старшему научному сотруднику Института геологических наук НАН Украины, доктору биологических наук Г. А. Пашкевич. Её определения приводятся ниже.

«Объём образца — 500 мл. Для анализа отобрана средняя проба объемом 25 мл. Объём обломков и комочков земли — 2 мл. Таким образом, в 23 мл содержатся:

• пшеница однозернянка (*Triticum monococcum L.*) — 1523 зерновки;

• ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare L.*) — 37 зерновок;

• пшеница голозерная (*Triticum aestivum L.*) — 2 зерновки;

• горох посевной (*Pisum sativum*) — 2 семени;

• вика эрвилия (*Vicia ervilia*) — 1 семя.

Всего подсчитано: 1565 зерновок».

Нетрудно убедиться, что в проанализированном Г. А. Пашкевич материале преобладают зерновки пшеницы однозернянки. Зерновки ячменя плёнчатого составляют весьма небольшую часть. Зерновки пшеницы голозёрной представлены в ещё меньшем количестве — всего 2. Столь же единичны находки семян бобовых растений: гороха посевного — 2 семени, вики эрвилии — 1 семя.

Ситуация, выявленная на токе поселения Артющенко–1, в общем, очень необычна. Хорошо известно, что в греческих колониях Северного Причерноморья, в том числе и на Боспоре Киммерийском, очень рано сложился набор злаковых, в котором доминировали две культуры: голозёрная пшеница (*Triticum aestivum L.*) и плёнчатый ячмень (*Hordeum vulgare*), что подтверждается большим количеством анализов, проведённых по материалам различных археологических памятников [см.: Янушевич, 1986, с. 46; Пашкевич, 1990, с. 116; 1995, с. 98; 2004, с. 136; Крыжицкий, Щеглов, 1991, с. 51; Виноградов, 2005]. Плёнчатые пшеницы — одно- и двузернянка (*Triticum monococcum L.; Triticum dicoccum L.*) — здесь, по существу, не культивировались. Эти злаки широко выращивались в лесостепной зоне Северного Причерноморья [Янушевич, 1976, с. 102; 1986, с. 35; Шрамко, Янушевич, 1985, с. 60 сл.; Пашкевич, 2005, с. 85 сл.]. Выявленная на поселении Артющенко–1 специализация сельскохозяйственного производства, связанная с выращиванием пшеницы однозернянки, для Боспора очень необычна, даже загадочна. Воздерживаясь от всяких суждений по этому вопросу, хочу лишь отметить, что пока изучена очень незначительная площадь тока, и, возможно, в других его частях соотношение зёрен злаковых будет совсем другим.

Необходимо особо подчеркнуть, что за всю историю исследования сельских поселений античного Севернго Причерноморья сооружения, предназначенные для обработки зерна, подобные нашему, обнаружены не были [см.: Кругликова, 1975; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990; Масленников, 1998]. Лишь в сельскохозяйственной округе Акры, на поселении Заветное 5 удалось исследовать уникальный производственно-хозяйственный комплекс IV в. до н. э., сочетавший в себе основные функции обработки зерна: вымощенная каменными плитами площадка, предназначенная для просушки и обмолота, и сооружение из сырца для развешивания [Соловьёв, Шепко, 2004, с. 32, 44; Соловьёв, 2014, с. 174]. Площадка была завалена зёрнами проса [Соловьёв, Шепко, 2004, с. 32]. По понятным причинам, молотильный ток поселения Артющенко–1 имеет очень важное научное значение, и исследование этого уникального археологического комплекса следует продолжить при первой возможности.

1. Виноградов Ю. А. Итоги археологического изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар-Анапа, 2001, с. 17-20.

2. Виноградов Ю. А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб, 2002. С. 73-81.

3. Виноградов Ю. А. К изучению зёрен культурных растений, найденных в Мирмекии // ХС. Вып. XIV. 2005, с. 94-98.

4. Виноградов Ю. А. Комплекс IV в. н. э. на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // Европейская Сарматия. Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Щукину. СПб, 2011, с. 314-320.

5. Виноградов Ю. А. Основные итоги изучения поселения Артющенко I (Таманский полуостров) // ПИФК. 2013. № 2, с. 233-241.

6. Виноградов Ю. А. Строительные комплексы римского времени на поселении Артющенко I (Таманский полуостров) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2013, с. 25-30.

7. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. 298 с.

8. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. 235 с.

9. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990. 129 с.

10. Крыжицький С. Д., Щеглов О. Н. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1, с. 46-65.

11. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. 299 с.

12. Пашкевич Г. А. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений ольвийской сельской округи // Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990, с. 114-119.

13. Пашкевич Г. О. Палеоботанічні матерали з роскопок Ольвії // Археологія. 1995. № 3, с. 97-108.

14. Пашкевич Г. О. Про склад рослин, вирощваних на початку грецької колонзації Північного Причорноморя // Borysthenika. Николаев, 2004, с. 131-138.

15. Пашкевич Г. О. Археологія та палеоботаніка // Археологія. 2005. № 2. С. 80-88.

16. Соловьёв С. Л. Античная комплексная археологическая экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб, 2014, с. 166-201.

17. Соловьёв С. Л., Шепко Л. Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Т. 1. СПб, 2004. 99 с.

18. Шрамко Б. А., Янушевич Э. В. Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2, с. 47-64.

19. Янушевич Э. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинёв, 1976. 213 с.

20. Янушевич Э. В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинёв, 1986. 92 с.

21. Vinogradov Yu. A., Lebedeva E. V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskyoe) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316-319.

A small part of the threshing-floor (5,60×4,80 m) was investigated at the classical-time agricultural settlement Artyuschenko–1 on Taman peninsula in 2012. It was an area covered with the layer of clay (5cm thick). This threshing-floor belongs to the 2nd — 3rd centuries AD. A lot of charred grains of cereals were found during investigation of the area, but it's very unordinary that grains of bearded wheat (Triticum monococcum) were the most numerous here. This kind of wheat was characteristic for the stepp-forest zone of the North Black Sea region but not for Cimmerian Bosporus or Kuban River basin.

Key words: *Asian Bosporus; the Roman era; rural settlements; grain cereals findings; threshing current.*

УДК 902.2

Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарев

Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.)

В статье приведен краткий обзор результатов раскопок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан. Рассмотрены его топографические особенности, стратиграфия и планировка. Проанализированы жилые, хозяйственные, ритуальные и погребальные комплексы, уделено внимание их хронологической периодизации.

Ключевые слова: *Артезиан; салтово-маяцкое поселение; Керченский полуостров.*

Во второй половине VIII в. опустевшие к этому времени степные районы Керченского полуострова были заселены народами — носителями салтово-маяцкой культуры. Здесь, как и на Таманском полуострове, они застали десятки заброшенных античных поселений и городищ, связанных между собой сетью не только заметных на местности, но и, по-видимому, еще пригодных к использованию дорог. Они не могли не привлечь их внимания, поскольку изобиловали готовым к использованию строительным материалом, и, к тому же, располагались в наиболее удобных для проживания и ведения хозяйственной деятельности районах. В конечном счете, на месте таких поселений и городищ сформировались многослойные археологические памятники, причем, на некоторых из них, помимо слоев античного и «хазарского» периодов, удалось выделить горизонты, относящиеся к эпохе неолита, бронзы, ранневизантийского времени и позднего средневековья.

К числу таких памятников относится и городище Артезиан, исследуемое с 1988 г. Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН) [Винокуров, 1998, с. 56].

Возвышенность, на которой оно располагалось, видимо, была освоена еще в энеолитическую эпоху. В античный период (первая половина IV в. до н. э. — на-

чало IV в. н. э.) верхнее и нижнее плато возвышенности и склоны прилегающих балок занимало укрепленное городище площадью около 7га.

Наиболее ранние находки эпохи средневековья на городище и его некрополе относятся к ранневизантийскому периоду и датируются VI–VII вв. Однако, соответствующего им «жилого» горизонта обнаружить пока не удалось. Во второй половине VIII — первой половине X в. на его территории разместилось салтово-маяцкое поселение, горизонт которого прослежен на всех исследованных участках. Следующие два хронологических периода, нижняя и верхняя граница которых варьируется в пределах второй половины X — второй половины XIII в. и конца XIII / начала XIV — конца XVIII в. представлены немногочисленными случайными находками, обнаруженными в слое дерна и культурном слое салтово-маяцкого поселения. Среди них отметим византийскую медную монету императора Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), двурогий полулунный срезень второй половины XIII — XIV вв., поливную и столовую красноглиняную посуду и две курительные трубки XVII–XVIII вв. Таким образом, есть все основания полагать, что в печенежско-половецкий период возвышенность, на которой располагалось городище, по крайней мере, посещалась, а в позднесредневековый период она была вновь заселена. В XIX — первой половине XX в. в северной части городища размещалась деревня Паша-Салын, остатки домов которой до сих пор прослеживаются на его поверхности.

В процессе исследований на городище было заложено четыре раскопа площадью 6215 кв. м [Винокуров, 2007, рис. 4; 5]. Стратиграфия прослеженных в их пределах верхних напластований выглядит следующим образом. Поверх мощного слоя разрушения середины — второй половины III в. н. э., образование которого следует связывать с сильным землетрясением, выявлены плохо сохранившиеся остатки построек конца III — IV вв. н. э. Они, в свою очередь, были перекрыты золистым слоем запустения античного городища, мощностью 0,12–0,30 м, нарушенного, как и слой разрушения, более поздними перекопами. Выше прослежен поддерновый горизонт, сформированный слоем гумусированного темно-коричневого суглинка, соответствующего периоду функционирования на территории городища салтово-маяцкого поселения. Залегал он ниже гумуса темно-коричневого оттенка мощностью 0,05–0,15 м и прослежен на глубине 0,10–0,25 м ниже уровня современной дневной поверхности. Мощность его на раскопе I варьируется в пределах 0,10–0,25 м, на раскопе II — от 0,05–0,12 м до 0,18–0,48 м, на раскопе III — от 0,05 до 0,20 м. Таким же грунтом были заполнены многие раннесредневековые перекопы, прорезавшие более ранние, преимущественно позднеантичные слои.

Ко времени формирования слоя относится керамика второй половины VIII — первой половины X в., в том числе пифосы (рис. 1, *1*), амфоры причерноморского типа с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 1, *2, 3*), высокогорлые кувшины с плоской ручкой (рис. 2, *4*), фляги (рис. 1, *5*), ойнохои скалистинского типа и горшочки с пальцевым вдавлением на ручке (рис. 1, *6, 7*), салтово-маяцкие горшки (рис. 1, *8, 9*) и котлы с внутренними ручками-ушками (рис. 1, *10*). Среди подъемного материала и в перекопах обнаружены литая медная херсоно-византийская монета времени правления императора Василия I (867–886 гг.), обломки стеклянных рюмок на круглой и плоской подставке (рис. 1, *11*) [Айбабин, 1976, с. 28–29, тип II], салтовский бронзовый перстень с плоским щитком (рис. 1, *12*) и характерный для салтово-маяцкой культуры железный наконечник черешковой трехлопастной стрелы треугольной формы (рис. 1, *13*) [Аксенов, 2014, с. 14–15, рис. 3, 7]. Из других включений отметим кости животных, створки раковин мидий,

раковины виноградных улиток, а на раскопе III — отходы металлургического производства в виде окалины и шлака.

Вследствие недостаточной изученности и плохой сохранности горизонта «хазарского» времени, размеры, планировка и инфраструктура поселения реконструируются с большими допущениями. В достаточной степени уверенно можно лишь полагать, что, как и все остальные салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова, оно представляло собой неукрепленное селище с обособленными и хаотично расположенными постройками [Пономарев, 2013, с. 135]. Здесь же, на территории поселения, совершались обычные и ритуальные захоронения.

В пределах «жилого» горизонта второй половины VIII — первой половины X в. выявлены жилые, хозяйственные, сакральные и погребальные комплексы — полуземлянки, наземные или слегка заглубленные постройки, хозяйственные ямы, вымостки, очаги, ритуальные захоронения людей и животных и несколько грунтовых погребений. К этому же периоду относятся многочисленные котлованы и траншеи, образовавшиеся в результате активной выборки камня из разрушенных античных построек.

Большая часть жилых и хозяйственных комплексов имела очень плохую сохранность. Котлованы полуземлянок утратили свою первоначальную форму, а стены и полы наземных построек, а также «жилые» горизонты вокруг них были, практически, полностью разрушены прорезавшими их траншеями выборок стен и перекопами. К тому же, подавляющее большинство обнаруженной в заполнении уцелевших жилых и хозяйственных комплексов керамики — причерноморских амфор, ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков — имеют широкие рамки бытования. В связи с этим разделить постройки на отдельные хронологические периоды, в большинстве своем не удалось.

Среди исследованных на поселении полуземлянок, ни одну пока не представляется возможным интерпретировать как жилое сооружение, поскольку в их котлованах не было обнаружено отопительных и других хозяйственно-бытовых устройств — печей, очагов, лежанок, ниш и полок.

По всей видимости, большей частью они использовались в хозяйственных целях, а некоторые аморфные в плане котлованы, скорее всего, представляли собой обычные перекопы.

К числу надежно атрибутируемых хозяйственных комплексов, возможно, использовавшихся как амбары-зернохранилища, относятся две полуземлянки с пифосами, исследованные на раскопе I. Позднее засыпанный котлован одной из них был частично прорезан третьей полуземлянкой, оборудованной с южной стороны пологим пандусом, переходящим у пола в ступеньки.

Помимо полуземлянок, на поселении обнаружены остатки нескольких наземных и слегка заглубленных построек, фундаменты и нижняя часть стен которых возведены из камня. За редким исключением, в виду плохой сохранности, их планировку реконструировать не удалось.

Наиболее сохранилась однокамерная заглубленная постройка 15 в раскопе II, сооруженная не ранее второй половины IX в. (рис. 2, *1*). Ориентирована она длинной осью в направлении запад-восток. Западная, северная и восточная стены образуют прямые углы. Южная стена пристроена к ним в направлении ВСВ-ЗЮЗ, благодаря чему постройке была придана форма прямоугольной трапеции. Размеры постройки: 3,45–3,92×5,49–5,34 м. Внутренняя площадь помещения около 8,2 кв. м. Стены сохранились на высоту одного-четырех рядов кладки до 0,12–0,45 м. Толщина их варьировалась в пределах 0,68–0,72 м. Углы стен сложены в перевязь. Кладка стен — однолицевая, иррегулярная. На отдельных участках южной и восточной стен камни с внутренней лицевой стороны уложены «в елочку». К сожалению, пол помещения, а также отопительные и другие хо-

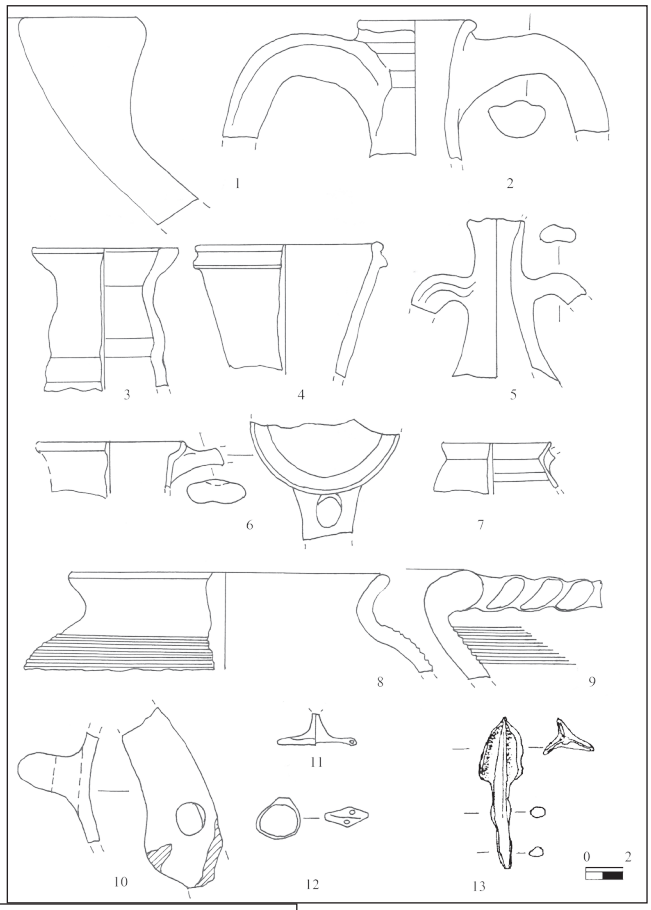

Рис. 1. Находки с салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан

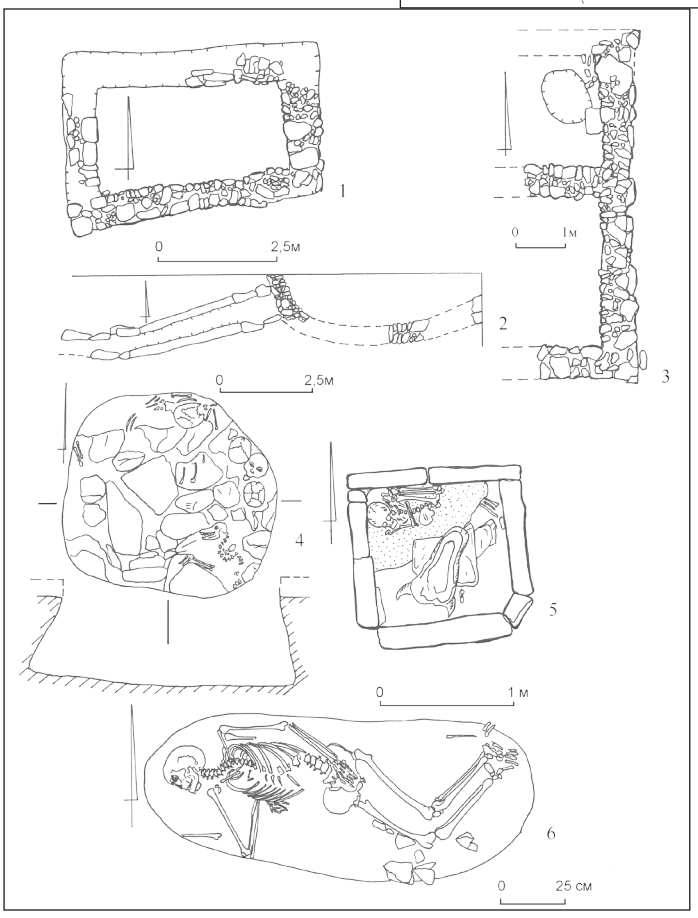

Рис. 2. Жилищно-хозяйственные, ритуальные, и погребальные комплексы

зяйственно-бытовые устройства не сохранились. Выяснить ее назначение не представляется возможным.

К числу наиболее поздних жилищно-хозяйственных комплексов, функционировавших не ранее второй половины IX в., относится усадьба, исследованная в юго-западной части городища на раскопе III. Основная, находившаяся в центральной ее части, постройка представляла собой двухкамерный дом — «пятистенку», ориентированный по линии север-юг (рис. 2, *3*). Длина его в этом направлении составляла 6,65м. Западная часть постройки не сохранилась. Стены дома на некоторых участках были сложены «в елочку». Помимо двухкамерного дома, в состав усадебного комплекса входили две разновременные, сменившие друг друга, хозяйственные наземные постройки и несколько хозяйственных ям. В одну из ям, возможно, был вкопан пифос. Появление подобных комплексов на салтово-маяцких поселениях Крыма относят к IX в. или же второй половине этого же столетия [Баранов, 1990, с. 52–53].

Среди других построек особый интерес представляет каменная загородка, частично исследованная на раскопе I (рис. 2, *2*). Размеры сооружения и его планировка остались неизвестными, но, судя по всему, оно имело в плане овальную форму. С западной стороны к нему примыкал выложенный плитами желоб для сточных вод. Вероятно, загородка представляла собой загон для скота, ближайшие аналогии которому известны на поселении «Над источником» на г. Опук [Голенко, 2007, с. 236–237, рис. 103].

Наиболее сложны в интерпретации многочисленные ритуальные комплексы и одиночные захоронения, впервые в таком количестве обнаруженные на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова. Три из них — северо-западный, юго-восточный и южный ритуальные комплексы располагались в раскопе I на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга [Винокуров, 2004, с. 63–72, рис. 7].

Северо-западный комплекс представлял собой отдельное захоронение подростка (погребение 9), совершенное в неглубокой яме в скорченном положении на правом боку, головой на ЮЗ. Состояние костей скелета и, прежде всего, костей нижних конечностей, находившихся вне анатомического порядка, позволяют говорить о совершенном обряде обезвреживания погребенного.

Южный ритуальный комплекс находился на самой возвышенной части городища и включал несколько захоронений людей и животных. Одно их них представляло собой совместное захоронение подростка и pars pro toto туши быка, совершенное в каменном сооружении, напоминавшем колодец, горловину которого перекрывала известняковая поилка для животных (рис. 2, *5*). Скорченное погребение подростка выявлено на прослойке горелого грунта в СЗ углу «колодца». Положение костей указывает на то, что перед погребением ноги были отчленены по бедренным суставам, а стопы — по суставам голеней. Возможно также были подрезаны сухожилия и отделена голова. Здесь же был обнаружен череп быка, кости хвоста и плюсневые кости ног. Их положение свидетельствует о захоронении шкуры быка, снятой вместе с частями его скелета. Иными словами, речь идет о заместительной ритуальной жертве, по схеме — шкура вместо целого животного. Быть может, это захоронение было связано с земледельческим культами или культом плодородия, на что указывают обгоревшие зерна на дне «колодца», а также жернов и обломок плиты зернотерки, обнаруженные недалеко от него.

На дне большого перекопа, в 12–13 м к северу от «колодца», было обнаружено второе ритуальное захоронение, включавшее челюсть взрослого мужчины и кости черепа и ноги жеребенка. Третье ритуальное захоронение частей человека и животного — черепа взрослого человека вместе с длинными костями и фрагментами черепа быка — обнаружено на дне перекопа в 7–8 м к СВ от «колодца». В состав этого же комплекса, возможно,

входили еще три ритуальных захоронения, обнаруженные в СВ углу раскопа III. Одно из них — захоронение теленка или коровы. Второе — погребение 16 в грунтовой яме, в которой был расчищен скелет молодой женщины, уложенной на спине в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Под ее черепом обнаружены стеклянные бусины. На поверхности могильной ямы выявлены остатки сожжения в виде золистого пятна горелого грунта с прослойками черной жирной сажи. Третье захоронение было совершено в античном(?) колодце, находившемся в обширном котловане перекопа, в заполнении которого, помимо обычных бытовых находок, были обнаружены разрозненные человеческие кости, принадлежащие двум или трем взрослым индивидам. Внутри колодца, на уровне 3–4 ряда камней его кладки, выявлено несколько десятков скелетов собак, перекрытых наброской из камней. Ниже, на уровне 5–6 рядов камней, зачищены разрозненные кости и раздавленные черепа нескольких человеческих скелетов. Но, к сожалению, в виду аварийного состояния кладки, колодец доследован не был.

И, наконец, в нескольких десятках метрах к СВ от южного комплекса был обнаружен небольшой жертвенник, сооруженный из каменной поилки и перекрывавшего ее жернова. На дне поилки зачищены кости птицы, несколько костей мелкого рогатого скота и горловины ойнохой.

Юго-восточный ритуальный комплекс включал в себя грунтовые ямы 120, 108, котлованы 1–4 и, возможно, несколько обширных по площади перекопов. В яме 120 обнаружены останки пяти детей и скелеты двух собак, в яме 108 — несколько амфор, в котлованах — сбросы керамического боя, а в перекопах — локальные скопления костей крупного рогатого скота. Особый интерес представляет яма 120 (рис. 2, *4*). На ее дне расчищены две причерноморские амфоры, в одной из которых был обнаружен скелет щенка 4–5 месяцев. Выше, на слое каменного завала с примесью угольков, костей крупного рогатого скота и отдельных детских костей, находились пять детских черепов, уложенных вдоль бортов ямы. Рядом с ними зачищен скелет собаки в анатомическом порядке, под которым выявлено еще несколько разрозненных костей ребенка. Очень похожий ритуальный комплекс обнаружен Ю. Ю. Марти недалеко от городища Тиритака, но в отличие от рассматриваемого нами захоронения, немаловажная сакральная нагрузка в нем возлагалась на жернов, вокруг которого были уложены человеческие черепа и черепа собак [Марти, 1941, с. 32].

Помимо погребений подростка (№9) и женщины (№16), на поселении были обнаружены еще два одиночных захоронения в грунтовых ямах. Одно из них — погребение 14 — открыто на раскопе III в придонной части котлована хозяйственной полуземлянки, заброшенной не позднее первой половины IX в. Погребенная женщина, в возрасте около 35 лет, уложена на спине с небольшим разворотом на правый бок (рис. 2, *6*). Скелет погребенной по всей длине обложен бутовыми камнями и ориентирован по линии запад-восток, головой на запад. Нижние конечности согнуты в коленях и развернуты на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, немного согнута в локтевом составе, кистью на тазовых костях. Предплечье правой руки отставлено от туловища под углом 45 градусов, рука сильно согнута в локтевом суставе и запястьем упирается в правый бок. Кости кисти неестественно вывернуты. На одном из пальцев руки обнаружено обычное для салтовских захоронений бронзовое кольцо с плоским щитком, на котором выгравирован солярный символ в виде многолучевой звезды [Винокуров, 2011, с. 58–60].

Второе захоронение — погребение 15, обнаруженное на раскопе II, оказалось частично перекрытым одной из стен рассмотренной выше постройки 15. В могиле расчищен скелет мужчины 30–40 лет, уложенный на спине, головой на запад. Руки, согнутые в локтевых

суставах, находились на нижнем отделе грудной клетки. Скелет частично обложен бутовыми камнями. Погребальный инвентарь не обнаружен [Винокуров, 2011, с. 56–57].

Таким образом, на поселении обнаружены уже четыре одиночных погребения в грунтовых ямах. Некоторые из них, возможно, связаны с расположенными поблизости ритуальными комплексами. Подобного рода одиночные грунтовые захоронения, к тому же со следами обряда обезвреживания погребенных, на Керченском полуострове пока что прослежены только на поселении Осовины-I [Зинько, Пономарев, 2007, с. 192–193]. За пределами Крыма погребения, совершенные на территории «живых», раскопаны на Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселении у с. Жовтневое и ст. Богоявленской. По мнению исследователей, совершались они по причинам религиозного или общественного характера [Плетнева, 1989, с. 67]. Впрочем, как совершенно справедливо отметил В. В. Колода, проблема изучения погребальных комплексов на территории салтово-маяцких поселений находится «на стадии накопления материала и индивидуального анализа», и как отдельная научная тема пока еще глубоко и всесторонне не разрабатывалась [Колода, 2012–2013, с. 110].

К сожалению, раскопанные на городище Артезиан салтовские захоронения, как и большая часть исследованных на его территории салтово-маяцких жилищно-хозяйственных и ритуальных комплексов, не имеют узких временных рамок. Лишь некоторые из них удалось разделить на два хронологических периода, основным критерием чего служит стратиграфическая ситуация, а также отсутствие или наличие в комплексах высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, бытовавших не ранее второй половины IX в.

---

1. Айбабин А. И. Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. XLI. 1976, с. 27-30.

2. Аксенов В, с. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // ХА. 12. 2014. С. 4-33.

3. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. 168 с.

4. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. 152 с.

5. Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. 2004, с. 55-87.

6. Винокуров Н. И. Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор. Запорожье, 2007, с. 351-401.

7. Винокуров Н. И. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения. Вып. XII. Керчь, 2011. С. 55-67.

8. Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007. 408 с.

9. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. XIII. 2007, с. 183-196.

10. Колода В. В. Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // ХА. 11. 2012-2013, с. 105-114.

11. Марти Ю. Ю. Разведочные работы вне городских стен Тиритаки // МИА. 4. 1941, с. 25-36.

12. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. 286 с.

13. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (археологические источники) // Таврійські студії. Історичні науки. № 1 (4). 2013, с. 134-139.

Список сокращений

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград)

ХА — Хазарский альманах (Киев, Харьков)

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

The article provides a brief overview of the results of excavations Saltovo-Mayaki settlement on the site of Artesian. Consider its topographical features, stratigraphy and layout. Analyzed the residential, commercial, ritual and funerary complexes, paid attention to their chronological periodization.

Key words: *Artesian; Saltovo-Mayaki settlement; Kerch Peninsula.*

УДК 902.64; 903.08; 7.016.2

Н. В. Жилина

Пальчатые фибулы местных и причерноморских форм в Поднепровье: сравнительный типологический и стилистический анализ

Сравнение типологического и стилистического развития пальчатых фибул причерноморских и местных форм из Поднепровья подтвердило различие этих комплексов. Причерноморские более непосредственно связаны с германскими прототипами, днепровские — связываются в особую линию развития, состоящую из более простых, но своеобразных форм.

Ключевые слова: *пальчатые фибулы; стилистический анализ; типология; сравнение; орнаментация.*

В Поднепровье, в составе древностей антов, найдены местные днепровские пальчатые фибулы и, вероятно, привозные, аналогии которым имеются в крымских и боспорских археологических памятниках. Интересно сравнить эти серии с точки зрения типологии и стилистической характеристики орнамента.

Подробная характеристика фибул причерноморских вариантов, определенной группы произведений ювелирного искусства, поможет в дальнейшем оценить их как комплекс престижных для славян предметов, понять пути их влияния на костюм, ювелирное дело и в целом — прикладное искусство славян.

В предшествующей работе мною было предложено детальное типологическое и стилистическое сравнение причерноморских пальчатых фибул и фибул днепровских форм, происходящих из причерноморских памятников [Жилина, 2014]. Это сравнение можно подкрепить проведением аналогичного сравнительного анализа на материалах непосредственно из Поднепровья, что и является целью данной статьи.

Как и в предшествующей работе о фибулах из Причерноморья, будем исходить из того, что фибулы являются произведениями прикладного искусства, при их изучении, наряду с типологическим, применимы искусствоведческие методы стилистического и сравнительного анализа [Жилина, 2014].

Типологические подразделения традиционно выделяются по форме предмета. И. О. Гавритухин выделил типологические линии развития пальчатых фибул и разделил их на серии с учетом орнамента [Гавритухин, 1996, с. 36–38]. Виды и варианты боспорских фибул детально выделены в работе И. П. Засецкой [Засецкая, 1998]. Учтены также типологические подразделения, выделяемые для крымских фибул А. И. Айбабиным [Айбабин, 1990].

Типологические подразделения, использующиеся в данной статье, учитывают работу предшествующих авторов, но основное отличие состоит в том, что стилистические группы выделяются отдельно и сопоставляются с типологическими на общих таблицах. Для выделения стилистических подразделений важны такие характеристики: общая композиция расположения декора; вид орнамента (геометрический, завитковый), конкретные виды орнаментальных элементов. Новый анализ проводится с опорой на уже выделенные типологические и стилистические группы [Жилина, 2014][1].

Основные типологические и стилистические группы крымских и боспорских фибул.

Стилистическая группа 1: сочетание линейного и завиткового орнаментов, использование реликтов мотива звериной головы на окончании (поскольку используется композиция с симметрией относительно вертикальной оси, это специально не указывается) (рис. 1: 1, 2).

Типологическая группа 1 (для типологических групп с 1 по 4 характерны профилированные лучи): фибулы с ромбическим щитком (как правило, с округлыми выступами), полукруглый щиток с тремя лучами. Примеры такой формы в Поднепровье мне пока не известны. Для крымских и боспорских фибул это типичный вариант. Типологическая группа 1 соответствует виду IV, подгруппы Б по И. П. Засецкой; дата: вторая половинаV– первая половина VI в. [Айбабин, 1990, с. 20, 21; Засецкая, 1998, с. 407, 453, 454. Рис. 3: 17–20; Жилина 2014, рис. 1: 1–3].

Типологическая группа 2: фибулы с ромбическим щитком, как правило, с круглыми выступами, полукруглый щиток с пятью профилированными лучами (рис. 1: 1–4). Эта группа была довольно хорошо известна славянам [Корзухина, 1996. Табл. 79: 4, 80: 9; 107: 2, 108: 2]. Группа 2 соответствует виду IV подгруппы А типологии И. П. Засецкой [Засецкая, 1998, с. 406, 407. Рис. 3: 9, 10, 12; Корзухина, 1996. Табл. 110: 6). На основании высказанных исследователями мнений о датировке — от конца V в. до первой четверти VII в. — представляется возможным отнести дату фибул в Поднепровье к концу VI–началу VII в. [Айбабин, 1990, с. 20, 21; Засецкая, 1998, с. 452.]

Стилистическая группа 2: сочетание линейного и завиткового орнаментов, использование мотива птичьей головы на полукруглом щитке. Данная группа в Поднепровье пока не представлена [Засецкая, 1998. Рис. 3: 8; Жилина, 2014, рис. 1: 7].

Стилистическая группа 3: использование завиткового орнамента и мотивов птичьей головы, которыми образованы выступы по бокам щитка (рис. 1: 3). В Поднепровье, в Каневском у. Киевской губ. найдены две серебряные фибулы этой группы [Корзухина, 1996. Табл. 79: 1, 2]. Они относятся к виду I, варианту 1 подгруппы А типологии И. П. Засецкой [Засецкая, 1998, с. 401. Рис. 3]. Даты: первая четвертьVII в. по А. И. Айбабину; конецV — начало VIв. по И. П. Засецкой [Айбабин, 1990. Рис. 15: 2; Засецкая, 1998, с. 439. № 6, 7]. Наиболее вероятно датировать бытование фибул в Поднепровье концом VI — началом VII в.

Стилистическая группа 4: — использование завиткового орнамента и зооморфного мотива на окончании (рис. 1: 4). Одну находку можно предположительно

[1] Пользуюсь возможностью исправить неточность в данной статье: на с. 124 в правой колонке, в третьем абзаце снизу следует читать: «крымские — к группам 5 и 6, а днепровские — к группе 7».

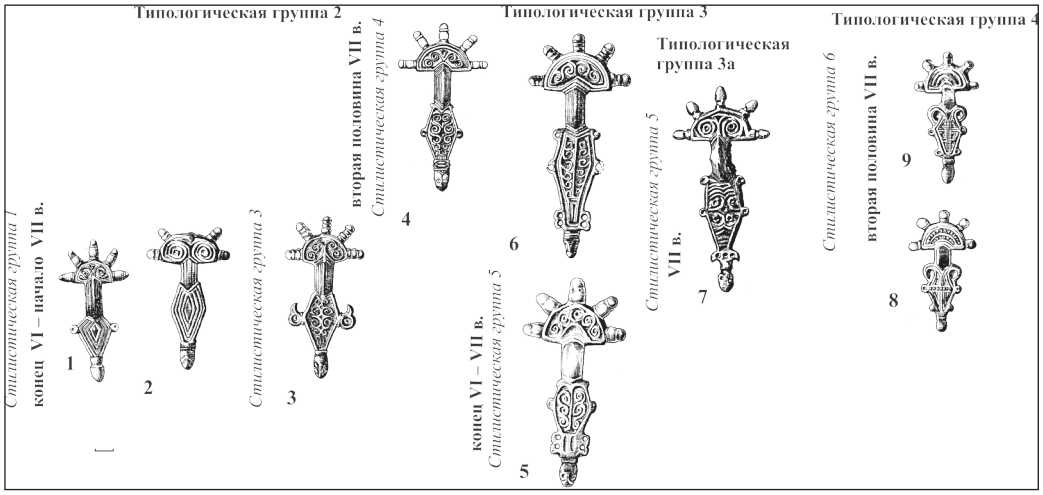

Рис. 1. Пальчатые фибулы причерноморских форм из Поднепровья: 1 — Игрень Днепропетровской обл., случайная находка, серебро [Корзухина, 1996. Кат. 134, 3. Табл. 108: 2, с. 421]; 2 — Спас-Перекша Калужской губ., бронза [Корзухина, 1996. Кат. 123. Табл. 107: 2, с. 418]; 3 — Княжа Гора Киевской губ., находка до 1893 г., серебро [Корзухина, 1996. Кат. 19, 1. Табл. 79:1, с. 355]; 4 — собрание Черниговского музея [Корзухина, 1996. Кат. 19, 2. Табл. 81: 3, с. 355]; 5, 8 — Пастерское, Киевской губ, случайные находки, медь [Корзухина 1996. Кат. 73, 46; 32. Табл. 29: 5; 28: 4, с. 378–380]; 6 — коллекция Ф.Ф. Кундеревича, окрестности г. Черкассы, бронза [Корзухина 1996. Кат. 58. Табл. 80: 2, с. 371]; 7 — Березовка, Харьковской губ., погребение, бронза [Кат. 82, 1. Табл. 59: 1, с. 402]; 9 — окрестности Канева Киевской губ., бронза [Кат. 17. Табл. 79: 5, с. 355].

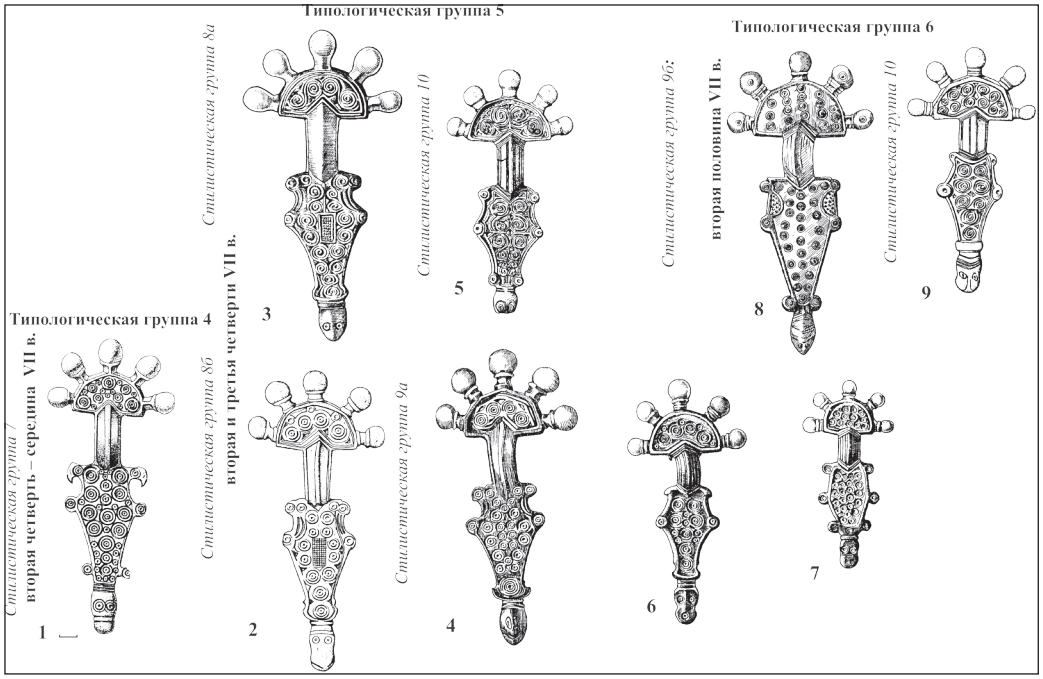

Рис. 2. Пальчатые фибулы из Поднепровья местных форм (бронза): 1 — Мена Черниговской обл., клад 1949 г. [Кат. 93, 1. Табл. 77: 1, с. 408]; 2 — приобретена в Москве, Черкасский у. Киевской губ. [Корзухина, Кат. 53. Табл. 83: 1, с. 370]; 3 — Мартыновка, клад 1907 г., с позолотой [Корзухина, 1996. Кат. 27, 12. Табл. 8: 3, с. 361]; 4, 8 — Новая Одесса Харьковской губ., клад 1920 г. [Корзухина 1996. Кат 80, 2; 1а. Табл. 45: 1; 44: 1, с. 395]; 5 — Букрин Киевской губ. [Корзухина 1996. Кат. 9. Табл. 81: 1, с. 353]; 6 — Балаклея Киевской губ., погребение 1896 г. [Корзухина, 1996. Кат. 68: 1. Табл. 23: 1, с. 374]; 7 — Чернин Киевской губ. [Корзухина, 1996. Кат. 30. Табл. 82: 4; С. 368]; 9 — Веремье Киевской губ. [Корзухина, 1996. Кат. 7. Табл. 81: 4, с. 353].

связывать с Поднепровьем [Корзухина, 1996. Табл. 81: 3]. Есть аналогия из Крыма [Корзухина, 1996. Табл. 110: 1].

Данное подразделение соответствуют видам I и II подгруппы А по И. П. Засецкой [Засецкая, 1998, с. 401. Рис. 3: 2, 3]. А. И. Айбабин определяет типологическую группу, как «фибулы керченского типа», бытовавшие на Боспоре во второй половине VI — первой половине VII в., а в Горном Крыму — во второй половине VII в. [Айбабин 1990. С 21. Рис. 2: 88]. Видимо, приблизительно в это же время фибулы могли попадать и в Поднепровье.

Типологическая группа 3 — подтреугольно-шестигранный щиток с круглыми и удлиненными выступами, полукруглый щиток с пятью лучами (рис. 1: 5, 6).

Стилистическая группа 5: использование линейного, завиткового орнамента и зооморфных мотивов на выступах щитков, лучи профилированные (рис. 1: 5, 6). Известны находки фибул этой группы из Пастерского Киевской губ. и окрестностей Черкасс [Корзухина, 1996. Табл. 29: 5; 80: 2].

Эта форма фибул получила в научной литературе название «Аквилея», она сохраняет выступы, являющиеся упрощенными изображениями частей звериного образа, известных на европейский подунайских фибулах второй половины V–первой половины VI в. По мнению А. И. Айбабина, в Поднепровье изготавливались подражания им [Айбабин 1990, с. 21, 22. Рис. 2: 125; Корзухина, 1996. Табл. 110: 8]. По И. П. Засецкой, — это вид III, подгруппа А, дата: VI в. [Засецкая И. П., 1998, с. 401, 446. Рис. 3: 4–7]. Как подчеркивает И. О. Гавритухин, общая дата может быть определена второй половиной VI–VII в. в., исследователь объединяет подобные формы в типологическую линию III [Гавритухин, 1996, с. 37. Рис. 49: 16; Гавритухин, 2011, с. 469]. В Поднепровье такие фибулы и подражания могли бытовать с конца VI в. и в VII в.

В Боспорском некрополе и в Поднепровье есть группа фибул, упрощающая форму «Аквилея», целесообразно обозначить ее как типологическую группу 3а: подтреугольно-шестигранный щиток с тремя парами округлых или дугообразно-очерченных выступов, полукруглый щиток с пятью лучами. Она также соответствует *стилистической группе 5* (рис. 1: 7).

На Боспоре эта форма весьма немногочисленна, она соответствует видам VI и VII типологии И. П. Засецкой, датируется концом V–первой половиной VI в. [Засецкая, 1998, с. 455. Рис. 3: 14–16]. Можно привести своеобразные фибулы из Крыма [Корзухина 1996. Табл. 110: 2, 3]. Из Поднепровья известно больше вариантов [Корзухина, 1996. Табл. 7: 6; 59: 1; 79: 3, 12]. Такие вторичные формы фибул могли изготавливаться и бытовать как в Причерноморье, так и в Поднепровье, преимущественно, в VII в. Правда, известные формы из Поднепровья отличаются меньшим размером по сравнению с типичными фибулами из этого региона.

Типологическая группа 4 — шестигранно-ромбический щиток с круглыми и клювовидными выступами у дужки, полукруглый щиток с пятью лучами (рис. 1: 8, 9). Фибул *стилистической группы 5*, с завитковым и геометрическим орнаментами из Поднепровья пока указать не могу.

Стилистическая группа 6: использование линейного, геометрического орнамента и зооморфных мотивов, верхняя часть шестигранно-ромбического щитка усложнена двумя клювообразными выступами, пальцевые выступы профилированы (рис. 1: 8, 9).

Варианты этой группы в Поднепровье представлены довольно хорошо [Корзухина, 1996. Табл. 28: 4; 79: 5, 11; 110: 4]. По мнению А. И. Айбабина, фибулы данной группы относятся к числу наиболее поздних, в Юго-Западном Крыму они датируются второй половиной VII– первой половиной VIII в. [Айбабин, 1990, с. 22. Рис. 2: 167]. Возможно, что в Поднепровье дата их аналогична.

Основные типологические и стилистические группы местных днепровских фибул.

Типологическая группа 4 (рис. 2: 1). Данная типологическая группа по днепровским материалам аналогична намечаемой И. О. Гавритухиным типологической линии IV, характерной, по его мнению, для ареала Колочинской культуры [Гавритухин, 1996, с. 37, 38. Рис. 49: 1, 2, 7, 8].

Стилистическая группа 7: использование геометрического (кружкового) орнамента и зооморфных (клювообразных) мотивов, пальцевые выступы округлые (рис. 2: 1).

Клювообразные выступы днепровских фибул по форме более редуцированы, чем у вариантов, представленных в Крыму. Можно привести следующие фибулы из Поднепровья [Корзухина, 1996. Табл. 77: 1, 98: 1; 99: 1]. Данная группа соответствует серии IVC, выделяемой И. О. Гавритухиным [Гавритухин, 1996, с. 38. Рис. 50: 1]. По крымским материалам известен вариант со спиральным орнаментом [Корзухина, табл. 112: 1]. В дальнейшем возможно подразделение данной стилистической группы по орнаментации. Спиральный орнамент имеет экземпляр из Гапоновского клада Курской обл., серия IVA по И. О. Гавритухину. Кроме того, весьма интересно наличие переходных вариантов к последующим группам: с решетчатым прямоугольником в центре щитка [Гавритухин, 1996, с. 38. Рис. 24, 49: 2].

По крымским материалам, форма датируется второй четвертью VII в. [Айбабин, 1990, с. 20, 21. Рис. 19: 1]. В соответствии с датой антских кладов первой группы, можно относить данную группу к середине VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 95].

Типологическая группа 5 — шестигранный щиток с вогнутыми гранями, полукруглый щиток с пятью лучами округлой «пальцевидной» формы (рис. 2: 2–5). Эта типологическая группа соответствует выделяемой И. О. Гавритухиным линии I [Гавритухин, 1996, с. 36, 38. Рис. 49: 17].

Стилистическая группа 8: выделение решетчатого прямоугольника в центре шестигранного щитка, линия дугообразных вырезов орнаментально подчеркнута: а) использование завиткового орнамента с регулярной композицией; б) использование геометрического (кружкового) орнамента с регулярной композицией (рис. 2: 2, 3). В Поднепровье группа очень хорошо представлена.

Фибулы с завитковым орнаментом (*группа 8а*) представлена как в Поднепровье, так и единично во Владимирской обл. [Корзухина, 1996, табл. 8: 3; 60: 1; 61: 1; 85: 1, 2,4; 107: 1]. И. О. Гавритухин отмечает широкое распространение этих фибул (по его обозначениям: серия IAB).

Фибулы с кружковым орнаментом (*группа 8б*), наряду с большой серией из Поднепровья, единично представлена в крымском могильнике Суук-Су, Австрии и Венгрии [Корзухина, 1996, табл. 62: 1, 2; 83: 1; 84: 1–4; 107: 5; 113: 1; 114: 6]. По мнению И. О. Гавритухина, данная серия (IBC) концентрируется в Поросье [Гавритухин, 1996, с. 38].

Некоторые фибулы этой группы сохраняют клювообразные выступы в верхней части, свидетельствующие о родстве со стилистической группой 7. Выступы некоторых других родственны форме фибул «Аквилея». Их можно считать переходными от типологических групп III и IV. Орнаментальное подчеркивание выгнутых частей щитка не всегда соблюдается. Это промежуточные варианты к дальнейшим группам. Отдаленность передачи прототипа также соответствует дате первой группы антских кладов.

Стилистическая группа 9а — кружковый орнамент (рис. 2: 4). В Поднепровье группа очень хорошо представлена [Корзухина, 1996, табл. 44: 3; 45: 1–3; 47: 1; 60: 12, 13; 61: 2, 3; 100: 1, 2]. Группа соответствует серии IC по И. О. Гавритухину, по мнению исследователя она характерна для Востока Днепровского Левобережья. Отдельные находки известны из Крыма и других регионов [Корзухина, 1996, табл. 113: 2; 114: 4]. По мнению И. О. Гавритухина,

они наиболее упрощены [Гавритухин, 1996, с. 37, 38. Рис. 50: 5].

Стилистическая группа 10: использование завиткового орнамента, как правило, с регулярной композицией, соответствует серии IA по И. О. Гавритухину (рис. 2: 5). Можно привести один пример из Поднепровья с довольно слабо выраженным прогибом (табл. 81: 1) [Гавритухин, 1996, с. 37].

Типологическая группа 6 — шестигранный щиток с прямыми гранями (иногда наблюдаются остаточные признаки прогиба) и округлыми выступами на углах, полукруглый щиток с пятью лучами, завершенными крупными шарами (рис. 2: 6–9). Эта группа соответствует типологической линии II, выделяемой И. О. Гавритухиным, по его мнению, демонстрирующей связи Поднепровья и Крыма [Гавритухин, 1996, с. 36, 37. Рис. 49: 14, 15].

Стилистическая группа 9а. (рис. 2: 6, 7). Такая форма в Поднепровье многочисленна [Корзухина, 1996, табл. 23: 1; 30: 1; 59: 2; 82: 4; 86: 4; 99: 1, 2; 108: 9–11]. Известны находки из Крыма и Причерноморья [Корзухина, 1996. Табл. 111: 2, 5; 112: 2]. Находки подобных фибул в Крыму А. И. Айбабин относит ко второй-третьей четвертям VII в. [Айбабин, 1990, с. 20, 21. Рис. 18: 1, 2; Корзухина, 1996, табл. 113: 2]. Группа соответствует серии IIC по И. О. Гавритухину, исследователь отмечает, что кружковый орнамент отходит от S-овидной структуры завитково-спирального, кружки располагаются более свободно [Гавритухин, 1996, с. 37, 38].

Стилистическая группа 9б: использование кружкового орнамента, орнаментальное обозначение на щитке дугообразных линий, соответствующих прогибу на предшествующих формах (рис. 2: 8). Такие варианты в Поднепровье немногочисленны [Корзухина, 1996, табл. 44: 1, 2]. Известна форма и в Крыму [Корзухина, 1996, табл. 110: 5]. Эта форма является промежуточной между типологическими группами 5 и 6.

Такой же переходной группой, вероятно, является и выделяемая И. О. Гавритухиным серия IIBC (по нашей системе это соответствует стилистической группе 8б). Выразительных примеров из Поднепровья пока найти не удалось.

Стилистическая группа 10: использование завиткового орнамента, как правило, с регулярной композицией (рис. 2: 9).

Подобные фибулы в Крыму А. И. Айбабин относит к типу II (по поверхностной орнаментации из S-овидных завитков), бытующему во второй четверти — конце VII в. [Айбабин, 1990, с. 22, 23. Рис. 2: 110; 17: 2; 18]. По И. О. Гавритухину, это серия IIA. Примеры фибул из Поднепровья не столь многочисленны [Корзухина, 1996, табл. 81: 4; 107: 6]. Можно отметить вариант из могильника Суук-Су близ Гурзуфа, сохраняющие отдаленное сходство с фибулами формы «Аквилея» [Корзухина, 1996, табл. 112: 1].

Проведенный анализ фибул из Поднепровья в целом подтверждает наблюдения, сделанные по фибулам из Причерноморья [Жилина, 2014]. Крымские и боспорские фибулы более связаны с европейскими и германскими прототипами, причем, возможно, с разными. Что касается днепровских пальчатых фибул, то они связываются в общую линию упрощения формы и орнаментации.

Нам представляется, что днепровские фибулы типологических групп от 4 до 6 являются единой линией развития: утрата клювовидных выступов группы 4 приводит к выделению прогиба по боковым граням щитка у фибул группы 5. Орнаментация приобретает все более геометризованный и упрощенный характер. Спирального орнамента используется все меньше. Возникают новые геометризованные способы регуляции орнамента: прямоугольная решетка в центре щитка. На уровне типологической группы 6 прогиб боковых граней щитка атрофируется. Об этом свидетельствует промежуточная стилистическая группа 9б с очерченной линией прогиба на щитке с прямыми гранями. Кроме того, есть фибулы, у которых боковые грани щитка оформ-

лены по-разному: одна прямая, другая с прогибом (рис. 2: 9).

Вероятно, европейские прототипы фибул со сложными зооморфными выступами и орнаментальными элементами для днепровского региона и славянского искусства и ремесла были в значительной мере внешним явлением. Отражена основная форма фибулы, детали опускаются и теряются все более. Они, судя по всему, не интересуют мастеров. Тем не менее, пальчатые фибулы днепровских форм — это самостоятельная разработка и адаптация сложной формы к собственному уровню. Все подобные разработки для славянского и последующего древнерусского искусства важны как этап в создании орнаментальной памяти. Разработанное и адаптированное становится базой для дальнейшего движения.

1. АйбабинА. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь: «Таврия», 1990, с. 5–85, 175–241.

2. Гавритухин И. О. Пальчатые фибулы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. № 3. М.: ООО «Спецэлектрострой», 1996. Ред. Г. Е. Афанасьев, И. П. Русанова, с. 36–38.

3. Гавритухин И. О. Фибулы типа Удине-Планис // Stratum. Библиотека, Петербургский апокриф. Послание от Марка. СПб., Кишинев: Высшая антропологическая школа. 2011. Отв. редактор: О. В. Шаров, с. 463–490.

4. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. № 3. М.: ООО «Спецэлектрострой», 1996. Ред. Г. Е. Афанасьев, И. П. Русанова. 296 с.

5. Жилина Н. В. Крымские и Днепровские фибулы VI–VIII вв. (сравнительный стилистический анализ по материалам крымских могильников) // Таврические студии. Исторические науки. № 6. Симферополь. 2014. С. 117–125.

6. Засецкая И. П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь: «Поділля», 1998, с. 479–489.

7. Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия. 1996. Ред. А. И. Айбабин, с. 352–435; 586–705.

Список сокращений

МАИЭТ — Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

Comparison of the typological and stylistic development of finger fibulas from Black Sea Coast and local Dnieper forms proved the difference between these complexes. The Black Sea complex is more directly connected with the prototypes, the Dnieper –unites into a special line of development, consisting of simple but peculiar forms.

Key words: *finger fibulas; stylistic analysis; typology; comparison; ornamentation.*

УДК 902/904

В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов, С. Б. Ланцов

Исследование античных грунтовых некрополей Крыма в 2014 г.[1]

В работе представлены результаты исследований античных грунтовых некрополей Крыма в 2014 г. Исследования включали архивные изыскания, магниторазведку, археологические раскопки и разведки. Более чем в половине случаях в местах аномалий, выявленных магниторазведкой, обнаружены захоронения.

Ключевые слова: *археология; античность; грунтовые некрополи; Крым; магниторазведка.*

В 2014 г. научным коллективом из Санкт-Петербурга, Тулы и Симферополя был выполнен ряд работ по исследованию грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма. Работы проводилась по нескольким направлениям. Первое — это сбор имеющейся информации о грунтовых некрополях Западного Крыма, Керченского полуострова и хоры Феодосии, соответствующих старых и современных картографических материалов, космических и аэроснимков.

Второе направление — магниторазведка. Проведены исследования на нескольких некрополях на общей площади 3,7 га. По результатам магнитной съемки были выделены участки, где можно предположить наличие захоронений.

Третье направление — археологические раскопки. В результате раскопок в местах аномалий, выделенных в ходе магниторазведки, более чем в половине случаев были обнаружены захоронения, что показало эффективность использования магниторазведки при обнаружении некрополей.

Четвертое направление — археологические разведки. Проведено предварительное обследование территорий

[1] Работы проводились по гранту РФФИ № 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки»

некрополей поселений Куру Баш и Камышлы в округе Феодосии. По результатам обследования определены участки для проведения магниторазведки в 2015 г. В ходе изучения окрестностей городища Белинское выявлено ранее неизвестное поселение античного времени. Ниже мы представим некоторые, наиболее интересные, из полученных результатов.

По данным архивных материалов и публикаций, подготовлены карты расположения известных некрополей Восточного и Западного Крыма (рис. 1), включающие сведения о 106 и 9 памятниках соответственно. Предложена предварительная схема классификации могильников Восточного Крыма, включающая 5 их основных групп. Подготовлена соответствующая база данных, включающая описания для каждой из групп могильников и сводные данные по типам погребальных сооружений.

Начало исследований могильников Восточного Крыма относится ко второй половине XIX в. К началу XX столетия был получен значительный массив данных на основе изучения преимущественно городских некрополей. В дальнейшем, наряду с продолжением работ на некрополях городов европейского Боспора, внимание исследователей стали привлекать и могильники сельской хоры. Особенно активно это направление стало разрабатываться с 80-х гг. прошлого века. При этом следует отметить, что, несмотря на большое количество работ, посвящённых публикации и обобщению материалов отдельных могильников, комплексных исследований, охватывающих проблему в целом не так уж много. Из последних работ такого плана можно, пожалуй, отметить только кандидатскую диссертацию Н. И. Сударева [Сударев, 2005]. Что касается римского и позднеантичного периодов, то здесь единственным, имеющимся к настоящему времени обобщением, является глава в монографии А. А. Масленникова [Масленников, 1990], посвящённая некрополям боспорских городов в первые века нашей эры.

Накопленный к настоящему времени материал, к сожалению, не позволяет в полной мере классифицировать известные в Восточном Крыму могильники. Как показал анализ публикаций и архивного материала, ни один из известных некрополей не исследован в полном объёме, а в ряде случаев даже общая площадь могильника определяется приблизительно. Поэтому единственный возможный выход при разработке классификатора — привязка некрополя к типу поселения, с которым этот некрополь соотносится. Кроме того, необходимо учитывать временной фактор (длительность и непрерывность функционирования некрополя), типы известных погребений и, если это возможно, этническую составляющую. Ещё раз подчеркнём, что предлагаемый анализ не претендует на отражение всей полноты картины, так как опирается исключительно на известные по публикациям и архивным материалам данные, однако в качестве предварительной, базовой версии он вполне уместен.

Первую группу некрополей составляют некрополи городские. К их числу в Восточном Крыму можно отнести некрополи Пантикапея, Феодосии, европейского Киммерика, Китея, Нимфея, Тиритаки, Мирмекия, некрополи в районе Такиль-Бурун (Акра) и в районе м. Зюк (Зенонов Херсонес). Степень изученности их неодинакова, однако все они функционировали на протяжении длительного времени и отличаются относительным разнообразием погребальных сооружений.

Вторую группу некрополей Восточного Крыма, как по известному их количеству, так и, пожалуй, по значимости, составляют некрополи укреплённых городищ внутри Керченского полуострова. К числу крупнейших и наиболее изученных из них следует отнести некрополи Илурата, городища «Белинское» и городища «Артезиан». Дадим краткую характеристику двум из них, исследование которых входило в задачи данного проекта.

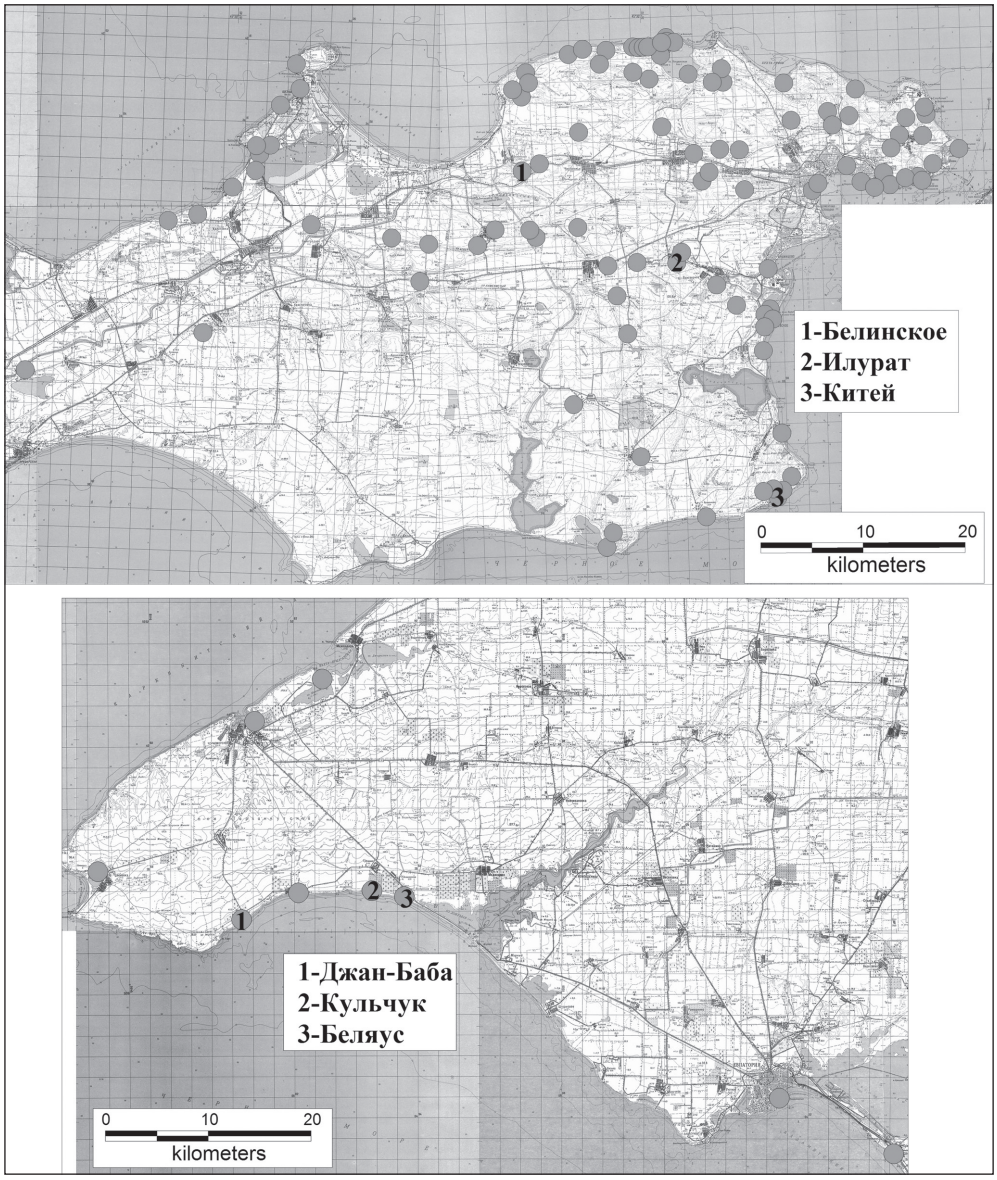

Рис. 1. Античные грунтовые некрополи Западного и Восточного Крыма

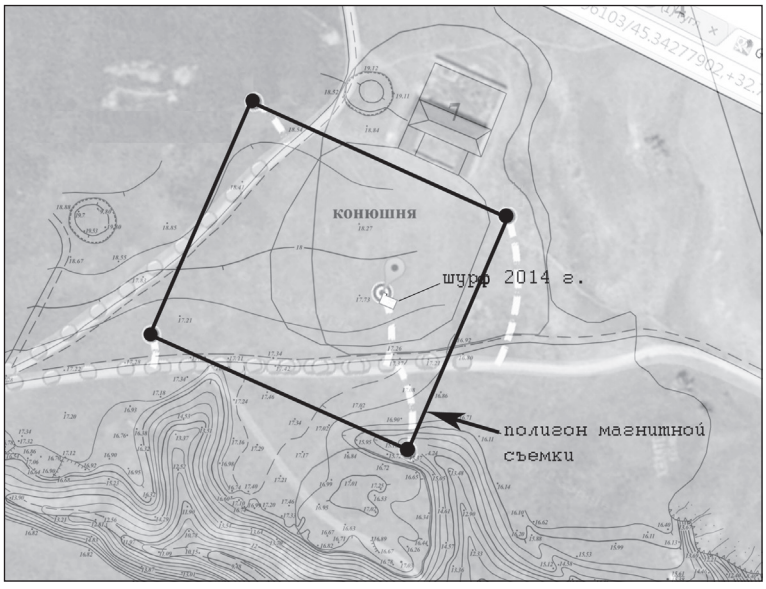

Рис. 3. Положение участка магнитной съемки 2014 г. некрополя Джан-Бабы на космическом снимке Google Earth.

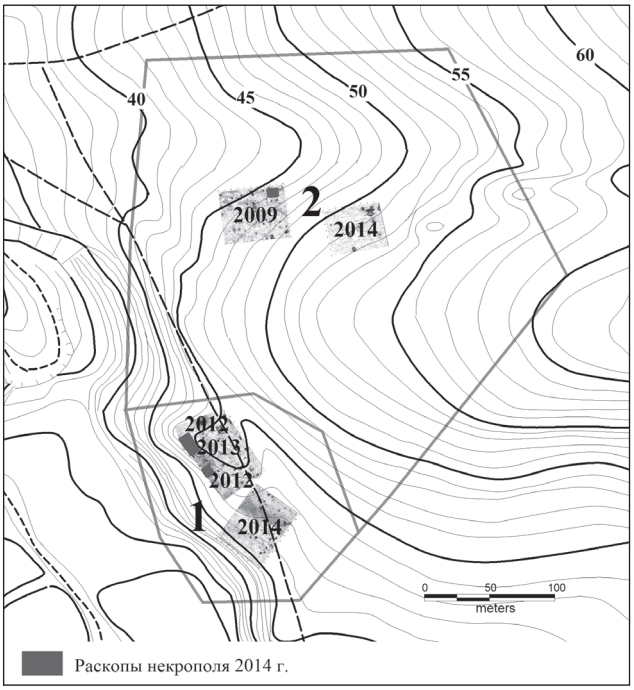

Рис. 2. Некрополи городища Белинское и участки магнитной съемки 2019-2014 гг. 1 — Южный некрополь. 2 — Центральный некрополь

К настоящему времени возле Илурата известно и частично исследовано несколько некрополей. Один, на расстоянии около 0,5 м к северо-северо-западу от него у подножия плато, в излучине, судя по читающемуся в рельефе руслу некогда полноводной реки, на территории с. Ивановка, имеет, по предварительным данным, площадь около 5 га. Точные границы его не установлены. Исследованные здесь погребальные сооружения (около 40 плитовых могил и небольшой уступчатый склеп из блоков известняка), датируются илуратским временем — I-III вв. н. э. [Горончаровский, 1998, с. 86-89]. В. Ф. Гайдукевич считал, что именно этот некрополь принадлежал Илурату [Гайдукевич, 1950, с. 189; 1958, с. 138-139]. Несколько некрополей обнаружены на вершине плато, которое по расположенному на нем античному городищу стало именоваться Илуратским. Всего к настоящему времени здесь открыто и исследовано около 230 погребально-поминальных памятников, локализованных в трех местах.

Некрополь городища «Белинское» расположен в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района Республики Крым, на территории Европейского Боспора, в 600 м к востоку от городища Белинское. Площадь некрополя составляет 7,8 га. Памятник открыт в 2003 г. В. Г. Зубаревым по ямам грабителей. Могильник расположен на возвышенности. Значительная часть некрополя, очевидно, уничтожена карьером по добыче камня новейшего времени, ныне не разрабатываемым. Археологическое изучение некрополя городища «Белинское» впервые начато в 2005 г. совместной экспедицией Тульского государственного педагогического университета им Л. Н. Толстого и Крымского филиала Института археологии НАН Украины [Зубарев, Ланцов, 2006]. К настоящему времени на некрополе выявлены и исследованы 23 склепа, из которых 2 имели полуциркульный свод, а остальные относятся к типу вырубных склепов с коротким дромосом, и 20 грунтовых могил различных конструкций. По количеству погребальных сооружений и монументальности склепов он значительно превосходит некрополь Илурата, а по величине и историческому значению не уступает большинству других могильников малых городов Европейского Боспора.

Некрополи, аналогичные некрополям городищ «Белинское», «Артезиан» и Илурата, известны и у других укреплённых поселений внутри Керченского полуострова, таких как поселения у деревень Михайловка, Тасуново, Ново-Николаевка, Багерово и др. Однако степень их изученности крайне мала или вообще равна нулю. Можно лишь отметить раскопки в начале 80-х гг. прошлого века склепа на некрополе городища «Тасуново», расположенного в каменной гряде к востоку от городища. Как показали раскопки, этот склеп входил в число вытянутых вдоль хребта

склепов, отделённых друг от друга тонкими стенками наподобие пантикапейских склепов. Грунтовый могильник Тасуновского городища расположен, по-видимому, под современной деревней. Во всяком случае, именно отсюда происходят несколько бронзовых подвесок первых веков н. э., хранящихся в Керченском историко-культурном заповеднике.

Возможно, к этой же группе некрополей относится некрополь поселения у д. Семёновка [Кругликова, 1969] и Кыз-Аульский могильник [Масленников, 1990, с. 18].

К третьей группе могильников Восточного Крыма можно отнести могильники многочисленных селищ IV — III вв. до н. э., расположенных преимущественно внутри Керченского полуострова, к востоку от Узунларского вала. Ни сами селища, ни их могильники практически не изучались, поэтому сказать что-либо конкретное по этой группе могильников в настоящее время весьма трудно. Возможно, некоторый свет на эту проблему проливает небольшой курганный могильник, расположенный примерно в 1 км к юго-западу от городища «Белинское», на возвышенности, у подножия которой выявлены следы поселения этого времени. Судя по грабительским раскопкам, захоронения осуществлялись в каменных ящиках. Впрочем, полной уверенности в синхронности поселения и могильника нет. Нужны дополнительные исследования. Этнический состав населения этих селищ не известен, хотя сами селища обычно называют условно-скифскими [Масленников, 2003, с. 209].

Четвёртую группу могильников Восточного Крыма составляют некрополи небольших сельских усадеб и убежищ, расположенных преимущественно в прибрежной зоне, в частности, в Крымском Приазовье. Примером здесь могут служить «Генеральское Западное», «Пустынный берег», «Полянка», «Чокракский мыс» и др. Они различны по времени, но объединены компактностью застройки и чётко выраженным функциональным назначением. Некрополи их мало изучены. На «Генеральском Западном» известны земляные склепы, расположенные на противоположном от моря склоне холма, за которым расположена усадьба.

Последнюю в череде некрополей Восточного Крыма группу составляют могильники варварского населения. В настоящее время территория варварского окружения Европейского Боспора, изучена практически детально. На этой территории можно выделить три специфических типа погребальных памятников. Наиболее многочисленны и изучены скифские степные памятники (к концу 1980-х гг. раскопана 151 гробница). Вторую группу составляют 37 погребений грунтового могильника Фронтовое I, пока остающиеся единственными в своём роде. И, наконец, третью группу — погребения в каменных ящиках. Могилы последнего типа известны в районе м. Казантип и на прилегающей с юга и юго-запада территории, в окрестностях села Золотое, урочище «Стоячий камень», в районе южнее бывшей деревни Куль-Тепе и на побережье к востоку и западу от неё. Далее, на плато Мысырь, к западу от Чокракского озера и в зоне к востоку от него — могильник Таш-Аллак и могильник на «Черной горе». Кроме того подобные гробницы известны вблизи горы Хрони, у мыса Такиль, в окрестностях горы Опук и с. Марьевка [Масленников, 1995, с. 4-5].

Магнитная съемка в рамках настоящего проекта проведена в 2014 г. на участках некрополей «Белинского», Илурата, Китея в Восточном Крыму и некрополей Джан-Бабы, Кульчука, Беляуса в Западном Крыму (рис. 1). По результатам магнитной съемки подготовлены карты магнитных аномалий и интерпретационные планы. Проведены археологические раскопки на некрополях Белинского, Джан-Бабы, Кульчука, Беляуса. Приведем некоторые наиболее значимые результаты, полученные в ходе магнитной съемки и раскопок для двух из обследованных некрополей.

Работы по магниторазведке на некрополе «Белинское», были начаты в 2009 г. и продолжались в 2012 и 2013 гг. В 2014 г. проведена магнитная съемка на двух участках некрополя — «Центральном» и «Южном» — на общей площади 0,38 га (рис. 2). По результатам магнитной разведки можно предположить, что положительные аномалии, видимые на магнитных картах, создаются дромосами склепов или могильными ямами, заполненными поверхностным грунтом.

Раскопки некрополя в 2014 г. также проводились на «Центральном» и «Южном» участках (рис. 2). Общая площадь раскопов 2014 г. составила 175 кв. м. На этой площади выявлены три грунтовые могилы и один вырубной склеп с коротким дромосом. Врубной склеп и одна из могил обнаружены в местах аномалий результатов магнитной съемки 2012, 2013 гг. Особый интерес представляют две могилы на южном участке, доследованные за современными грабителями. Они также проявлялись как аномалии на магнитной карте, но в данном случае следы грабителей видны непосредственно. Конструктивно грунтовые захоронения на этом участке отличаются от синхронных им по времени погребений в центральной части некрополя, где до сих пор имели место только погребения в вырубных склепах с искусственным полуциркульным перекрытием и в грунтовых могилах обычной для боспорских некрополей конструкции. Могилы имеют длинные стены, в которых на глубине 1,2 были сделаны пазы, предназначенные для удержания краёв деревянного или каменного перекрытия. Единственным аналогом вновь открытых погребений могут служить грунтовые могилы могильника Нейзац в Белогорском районе Крыма [Храпунов, 2004, с. 134]. Отметим, что данная особенность фиксируется на могильнике Нейзац многократно, в то время как ни в одном другом некрополе она не отмечена ни разу. Появление таких захоронений связывается с определённой группой сармат, не вступавшей в тесные контакты с поздними скифами, отличающейся некоторой замкнутостью [Храпунов, 2004, с. 136].

Интересные результаты получены также в результате магниторазведки и раскопок на некрополе Джан-Бабы. Предполагаемый некрополь, принадлежит греко-варварскому городищу Марьинское (Джан-Баба) и примыкающим к нему селищам. Эта место находится вблизи с. Марьино Окуневского сельсовета Черноморского района Республики Крым. До наших работ существование здесь некрополя предполагалось на основании случайно обнаруженной надгробной стелы, переданной в 1958 г. в Центральный музей Тавриды (г. Симферополь), наличием вблизи села курганов, а также большого количества камней на поверхности поля, которые, как считалось, служили забутовкой могил и были вывернуты при вспашке. Как показали магнитометрические исследования прежних лет так называемых курганов, они таковыми не являются. Это античные зольники. В результате раскопок поблизости от них установлено отсутствие в этом месте и грунтовых могил.

Приблизительная площадь некрополя — 0,7 га. В рамках проекта была предпринята магнитометрическая съемка на участке площадью 0,65 га (рис. 3) по результатам которой выявлено несколько геомагнитных аномалии, предположительно, археологического характера. В результате раскопок на месте аномалий обнаружены 3 погребения (младенец и подростки). Выполнена их антропологическая экспертиза. Инвентарь погребенных: фибулы, браслеты, витая гривна и проволочные серьги из бронзы, а также бусы, пронизи и подвески. Предварительно, время совершения захоронений определяется рубежом эр или началом I в. н. э.

Подводя общий итог работ по проекту в 2014 г. можно отметить, что в общей сложности из 7 выполненных по данным магнитной разведки раскопов либо шурфов в 4 было зафиксировано наличие антропогенных объектов и выявлено в общей сложности 5 человеческих погребений и одно погребение животного.

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат // Советская археология. Т. 13. 1950, с. 173-204.

2. Гайдукевич В. Ф. Илурат: итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 85. 1958. С. 9 — 148.

3. Зубарев В. Г., Ланцов С. Б. Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // Древности Боспора. Т. 10. 2006.

4. Кругликова И. Т. Некрополь поселении у д. Семёновка // Советская археология. № 1. 1969.

5. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М. 1990.

6. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI—I вв. до н. э.) // Боспорский сборник. №8. 1995.

7. Масленников А. А. Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М. 2003.

8. Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI — II вв. до н. э. как исторический источник. Кандидатская диссертация. 2005.

9. Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем Железном веке // Боспорские исследования. Вып VI. 2004.

The paper presents the results of studies of antic ground cemeteries in Crimea in 2014. The studies included archival research, magnetic prospecting, archaeological excavation and exploration. More than in half of the cases,in areas of anomalies, identified by magnetic prospecting, were found the graves.

Key words: *archaeology; antiquity; ground cemeteries; Crimea; magnetic prospecting.*

УДК 903.5

В. В. Кропотов

Два комплекса позднеэллинистического времени на западной окраине Боспорского царства

В статье публикуются материалы двух сарматских захоронений, изученных в 1966 — 1967 гг. Керченской новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР (начальник экспедиции — А. М. Лесков) близ с. Астанино в Восточном Крыму. Эти захоронения были впущены в насыпи курганов эпохи бронзы на небольшую глубину, из-за чего контуры погребальных сооружений проследить не удалось. Покойные были вытянуты на спине головами на север и северо-восток. Среди сопутствующего им инвентаря — две гончарные сероглиняные пелики, две сероглиняные чаши, краснолаковая миска, гончарный красноглиняный сосуд, набор стеклянных и сердоликовых бус, бисер из египетского фаянса. Данные вещи позволяют уверенно датировать исследованные комплексы в пределах второй половины I в. до н.э. — начала I в. н.э. Публикуемые захоронения дополняют наши скудные знания о сарматских древностях Крымского полуострова и указывают на прямые контакты кочевников Северного Причерноморья с античными центрами, в непосредственной близости от которых они были найдены.

Ключевые слова: *Крым; сарматы; курган; погребение; эллинизм.*

Одной из главных трудностей, с которыми сталкиваются исследователи при подробном анализе позднеэллинистических древностей Боспора, является малочисленность надежно датированных комплексов этого времени. Работы, посвященные таким памятникам, единичны. В результате, даже такая массовая категория находок, как столовая посуда, до сих пор остается практически не систематизированной ни в хронологическом, ни в типологическом планах (Журавлев, 2005, с. 238). В этой связи первостепенной задачей представляется введение в научный оборот хорошо датируемого материала, как добытого недавно, так и уже давно хранящегося в фондах наших музеев.

К числу последнего принадлежат два погребальных памятника, изученные еще в 1966-1967 гг. Керченской новостроечной экспедицией ИА АН УССР (начальник экспедиции А. М. Лесков) близ с. Астанино Ленинского района Крымской области (ныне Республики Крым). Здесь в курганах 3 и 23, сооруженных в эпоху ранней бронзы, обнаружены два впускных погребения, сопровождавшиеся очень выразительным инвентарем.

Первое из них (курган 3, погребение 1) выявлено в насыпи кургана, в 4 м к юго-востоку от ее центра, на глубине 1,6 м. Контуры погребального сооружения проследить не удалось. Погребенная женщина положена вытянуто на

спине, головой на северо-восток, руки слегка согнуты в локтях. Под скелетом в нескольких местах прослежены следы органического тлена, возможно, являющиеся остатками растительной подстилки. Покойную сопровождал достаточно многочисленный инвентарь. С правой стороны черепа найдена гончарная серо-глиняная пелика (рис. 1,*6*), у правого плеча — морская раковина со сквозным отверстием (рис. 1,*10*). В области шеи зафиксировано ожерелье из стеклянных бус (рис. 1,*1,3,5*); бусы отмечены и в районе запястий, и у ног захоронения (рис. 1,*2,4,5*). В ногах располагались и три поставленных друг на друга сосуда — серо-глиняная чаша, еще одна гончарная серо-глиняная пелика и краснолаковая миска (рис. 1,*7-9*); в миске находились фрагменты железного ножа (не сохранились) и кости барана.

Второй комплекс (курган 23, погребение 1) располагался в 3 м к востоку от центра кургана на уровне погребенной почвы. Контуры погребального сооружения проследить также не удалось. Покойник был положен вытянуто на спине, головой на север, следов каких-либо подстилок под ним не обнаружено. При захоронении найдены: за головой усопшего — развал гончарного красно-глиняного сосуда (рис. 2,*1*), у запястий и в районе щиколоток — бусы (рис. 2,*5*), между голеней — серо-глиняная чаша (рис. 2,*2*), железный нож (рис. 2,*3*) и кости овцы (рис. 2,*6*), лежавшие, судя по следам древесного тлена, на деревянном блюде или подносе. На дне могилы под скелетом обнаружены фрагменты железного кольца (рис. 2,*4*).

Оба комплекса, благодаря обилию античного импорта, можно достаточно точно датировать. Пожалуй, наиболее подходящими для этого находками являются две гончарные серо-глиняные пелики, покрытые графитным лаком из погребения 1 кургана 3.[1] Эти сосуды очень близки друг другу по форме и отличаются лишь мелкими деталями: высотой кольцевого поддона, профилем венчика, степенью изгиба ручек, а также общими размерами. Высота первого сосуда — 9,5 см, диаметр венчика — 5,5 см, диаметр кольцевого поддона — 3,5 см, максимальная ширина тулова — 7 см (рис. 1,6). Высота второго сосуда — 16,5 см, диаметр венчика — 12,5 см, диаметр кольцевого поддона — 7,8 см, максимальная ширина тулова — 15 см (рис. 1,*8*). Хотя полностью идентичные образцы в Северном Причерноморье пока не обнаружены, публикуемые изделия, несомненно, составляют одну группу с аналогичными краснолаковыми сосудами, широко представленными как в сарматских погребениях [Карнаух, 2011, рис. 2 — 3], так и на античных и позднескифских памятниках [Алексеева, 1982а, рис. 59; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003, рис. 7,*5*; Журавлев, 2007, рис. 3; и др.]. В датировках последних у исследователей особых расхождений нет: их относят ко второй половине I в. до н. э. или началу I в. н. э. [Книпович, 1949, с. 143; Алексеева, 1982а, с. 106; Демиденко, Журавлев, Трейстер, 1997, с. 194; Журавлев, 2007, с. 283; Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 292].

Выразительны в хронологическом плане и серо-глиняные чаши, встреченные в описанных комплексах. Эти сосуды очень сходны между собой и, по сути, различаются лишь наличием/отсутствием каннелюр на тулове. Поверхность изделий тщательно залощена, следов какого-либо лака или покрытия на них не отмечено. Образец из погребения 1 кургана 3 имеет высоту 6,5 см, диаметр венчика 11,5 см, диаметр под-

[1] Все материалы, происходящие из раскопок курганов у с. Астанино, хранятся в фондах Института археологии НАН Украины (коллекция №601), однако найти среди них серо-глиняные пелики не удалось. Судить о них мы можем лишь по фотографиям и описанию, приведенному в отчете о полевых исследованиях, а также по публикации Е. Г. Карнауха [Карнаух, 2011, с.114, рис. 3,1-2].

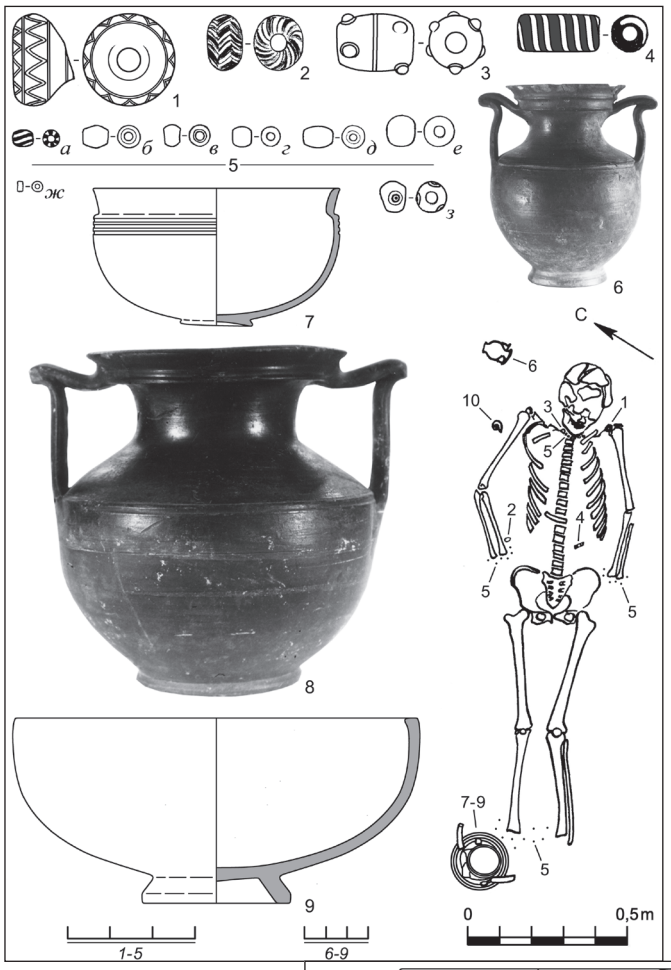

Рис.1. Курган 3 у с. Астанино, план и инвентарь погребения 1. **1-5** — стеклянные (**1-4,5а-г,е**), сердоликовые (**5д**) и фаянсовые (**5ж**) бусы; **6,8** — гончарные сероглиняные пелики; **7** — сероглиняная чаша; **9** — краснолаковая миска; **10** — морская раковина со сквозным отверстием.

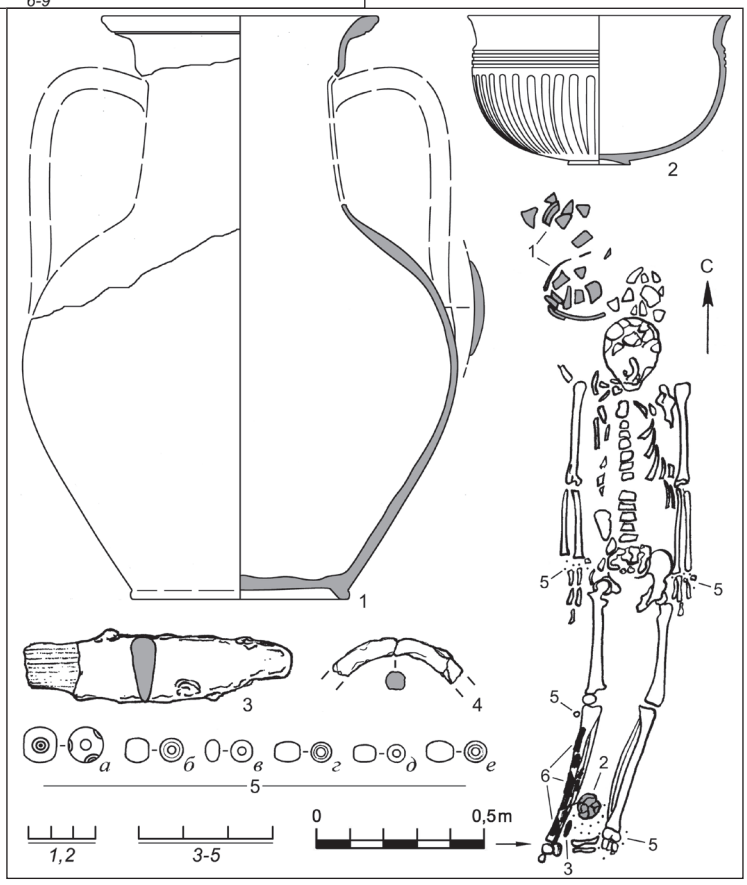

Рис.2. Курган 23 у с. Астанино, план и инвентарь погребения 1. **1** — гончарный красноглиняный сосуд; **2** — серо-глиняная чаша; **3** — железный нож; **4** — фрагменты железного кольца; **5** — стеклянные бусы; **6** — кости барана.

дона 3,4 см (рис. 1,*2*). Размеры экземпляра из погребения 1 кургана 23: высота 6,7 см, диаметр венчика 11,6 см, диаметр поддона 2,8 см (рис. 2,*2*). Аналоги публикуемым чашам столь же многочисленны, что и у вышеописанных пелик [Демиденко, Журавлев, Трейстер, 1997, рис. 4,*4*; Симоненко, 1993, рис. 10,*2б*; Дашевская, 2014, табл. 29*,10, 68,2, 73,3*; и др.], однако точки зрения исследователей о времени их бытования — более противоречивы: серо-глинянные чаши датируют периодом от последней четверти II до первой половины I вв. до н. э. [Дашевская, 2014, с. 20, 32-33], I в. до н. э. [Книпович, 1949, с. 144], концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. [Демиденко, Журавлев, Трейстер, 1997, с. 195] и даже I — первой половиной II вв. н. э. [Симоненко, 1993, с. 83-84].

Краснолаковые миски, подобные сосуду из погребения 1 кургана 3 (рис. 1,*4*), с полусферическим туловом на невысоком кольцевом поддоне, тоже не редкость в Северном Причерноморье. Такие изделия были наиболее популярными в I в. до н. э. — начале/первой половине I в. н. э. [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 90-91, рис. 16,*5*, 18,*1*, 21,*1*; Пуздровский, 2007, с. 80 и сл., рис. 12,II,*1*, 15,II,*5*, 24,III,*1*, 34,*25*, 35,*12*, 38,*6*; Труфанов, 2005-2009, с. 142, рис. 10,*6,7*], хотя изредка встречаются и в более позднее время [Журавлев, 2010, с. 55, форма 16]. Размеры публикуемого изделия: высота — 8,7 см, диаметр венчика — 19 см, диаметр кольцевого поддона — 7 см.

Гончарный красноглиняный сосуд из погребения 1 кургана 23 (рис. 2,*1*) представлен фрагментарно. Образец имел округлое, чуть расширяющееся кверху, тулово на низком кольцевом поддоне и широкое горло с отогнутым наружу профилированным венчиком; на тулове сохранился нижний прилеп широкой ленточной ручки; следы какого-либо покрытия не отмечены. Диаметр венчика — 12,3 см, диаметр кольцевого поддона — 9,8 см, максимальная ширина тулова — 19,4 см, предполагаемая высота — не менее 25 — 26 см. Представленные части позволяют реконструировать образец как большую столовую амфору с двумя ручками, однако плохая сохранность изделия исключает его узкую датировку. Подобные сосуды бытовали широко в течение всего эллинистического периода и изредка встречались даже в римское время.

Нельзя использовать для определения точных дат и большинство бус, встреченных в публикуемых захоронениях. К сожалению, информация о том, какие из них были найдены в области шеи, какие в районе рук, а какие у ног покойных, не сохранилась. На плане погребения 1 кургана 3 особо указано лишь расположение крупных разноцветных пронизей (рис. 1,*1-4*), остальные находки в рамках каждого из погребений смешаны.

В целом, в погребении 1 кургана 3 были найдены: крупная пронизь из прозрачного сизо-зеленого стекла, украшенная чередующимися поперечными зигзагообразными и прямыми нитями из глухого белого стекла (тип 314[2]) (рис. 1,*1*), округлая поперечно-сжатая пронизь из глухого синего стекла, украшенная чередующимися продольными, зигзагообразными полосами глухого белого, желтого, красного и синего стекла (рис. 1,*2*), бочковидная пронизь из глухого синего стекла, обвитая поперек белой нитью и украшенная шестью выпуклыми сине-белыми глазками (тип 356) (рис. 1,*3*), цилиндрическая пронизь из глухого черного(?) корродированного стекла, обвитая спиральной нитью из глухого белого стекла (тип 215а) (рис. 1,*4*), а также бусы — бочковидные, украшенные продольными полосами из глухого черного и белого стекла (5 экз., тип 190б) (рис. 1,*5а*), бочковидные из прозрачного бесцветного стекла с внутренней ме-таллической прокладкой (8 экз., тип 2а) (рис. 1,*5б*), округлая поперечно-сжатая из глухого зеленого стекла (тип 4) (рис. 1,*5в*), округлые поперечно-

[2] Здесь и далее используется типология Е. М. Алексеевой [Алексеева, 1975; 1978; 1982].

сжатые из полупрозрачного синего(?) стекла (9 экз., тип 15) (рис. 1,*5г*), округлые из глухого черного стекла (2 экз., тип 1) (рис. 1,*5е*), округлая поперечно-сжатая из глухого красного стекла с тремя сине-белыми глазками (тип 27а) (рис. 1,*5з*), бочковидные из сердолика (4 экз., тип 3б) (рис. 1,*5д*), а также коротко-цилиндрический бисер из египетского фаянса бирюзового цвета (68 экз., тип 9) (рис. 1,*5ж*). Все перечисленные типы бус бытовали очень долго — либо в течение III в. до н. э. — III в. н. э. (рис. 1,*4,5б,в,д*) [Алексеева, 1978, с. 30, 45, 63; 1982, с. 10], либо даже всю античную эпоху (рис. 1,*5г,е-ж*) [Алексеева, 1975, с. 32; 1978, с. 62-63]. Более или менее узко, II — I вв. до н. э., Е. М. Алексеева датирует только разноцветные пронизи типов 190б и 356 (рис. 1,*3,5а*) [Алексеева, 1978, с. 43, 54]. Пронизи типа 314 из прозрачного сизо-зеленого стекла, украшенные белой нитью (рис. 1,*1*), исследовательница относит к первым векам н. э. [Алексеева, 1978, с. 52].

Из погребения 1 кургана 23 происходят только округлая поперечно-сжатая пронизь из глухого красного стекла с тремя сине-белыми глазками (тип 27а) (рис. 2,*5а*), а также одноцветные бусы: округлые поперечно-сжатые из глухого красного стекла (4 экз., тип 3) (рис. 2,*5б-в*), бочковидные из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (47 экз., тип 2а) (рис. 2,*5г*) и бочковидные из глухого грязно-синего стекла (15 экз., тип 28) (рис. 2,*5д-е*). Эти изделия Е. М. Алексеева также датирует широко [Алексеева, 1975, с. 60; 1978, с. 30, 63], допуская относительно узкую дату, III — II вв. до н. э., только для бус типа 28 из глухого грязно-синего стекла [Алексеева, 1978, с. 65].

Сопоставление всех приведенных выше определений позволяет сделать вывод о том, что наиболее вероятной датировкой обоих комплексов является промежуток времени в пределах второй половины I в. до н. э. и, возможно, начала I в. н. э.

По ряду отличительных признаков — использование для захоронения уже существующей курганной насыпи, ориентировка покойного в северный сектор, незначительная глубина погребения — публикуемые комплексы следует отнести к раннесарматским памятникам, для которых в Северном Причерноморье указанные черты наиболее характерны [Симоненко, 1994, с. 32]. Малочисленность таких погребений, фиксируемых на довольно значительной территории в междуречье Дона и Днепра, свидетельствует о невысокой плотности кочевого населения в это время. Письменные источники конца II — I вв. до н. э. отмечают пребывание в данном регионе роксолан/ревксиналов [Симоненко, 1991, с. 17 и сл.]. Описанные захоронения, по-видимому, принадлежали именно им.

В заключение следует отметить, что погребальные комплексы, исследованные близ с. Астанино, дополняя наши знания о раннесарматских древностях Крыма, могут послужить дополнительной базой для разработки хронологии позднеэллинистических древностей Боспора. Кроме того, они, несомненно, указывают на прямые контакты кочевников Северного Причерноморья с античными центрами европейской части Боспора, недалеко от которых они были найдены.

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12. 120 с.

2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12. 120 с.

3. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12. 104 с.

4. Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Ч. II. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1982а, с. 5-116.

5. Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 284 с.

6. Демиденко С. В., Журавлев Д. В., Трейстер М. Ю. «Круглый курган» из раскопок В. Г. Тизенгаузена // Древности Евразии. М., 1997, с. 186-215.

7. Журавлев Д. В. О керамическом производстве на Боспоре в позднеэллинистическое время // Antiqvitas Aeterna. Казань — Нижний Новгород — Саратов, 2005, с. 235-254.

8. Журавлев Д. В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007, с. 275-312.

9. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. 2010. Вып. 9. 320 с.

10. Зубарь В. М., Кубышев А. И. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья // СА. 1987. №4, с. 248-253.

11. Карнаух Є. Г. Червонолакові пеліки з сарматських поховань // Археологія. — 2011. — №3. — С. 114-118.

12. Книпович Т. Н. Танаис. М. -Л., 1949. 180 с.

13. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

14. Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. №4, с. 17-28.

15. Симоненко А. В. Сарматы Таврии. К., 1993. 144 с.

16. Симоненко О. В. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1994. №1, с. 32-48.

17. Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // Боспорские исследования. 2003. Вып. III, с. 289-314.

18. Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. // Stratum plus. 2005-2009. №4, с. 117-328.

19. Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997, с. 76-155.

Materials of two Sarmatian burials that had been studied at 1966 — 1967 years by Kerch Expedition of Institute of Archeology of Academy of Sciences of Ukraine (the chief of expedition — A.M.Leskov) at Astanino at the Eastern Crimea are discussed in this article. These burials have been made on small depth in embankments of barrows of the bronze epoch therefore it is not possible to track contours of funeral constructions. The deads have been extended on a back by heads on N and NW. Among stock accom-panying them had been founded two wheel-made pelikai of gray clay, two bowls of gray clay, a red-gloss vessel, pottery of red clay and a set of beads of the glass and a cornelian. The given things allow to date the investigated complexes within second half I cen-tury BC — the beginnings of I century AD. The described burials supplement our poor knowledge of Sarmatian antiquities of Eastern Crimea and specify in direct contacts of nomads of Northern Pontic region to the antique centers, in immediate proximity from which they have been located.

Key words: *the Crimea; Sarmatians; barrow; burial; Hellenism.*

УДК 94(3)(082)

Ю. Т. Лейбенсон

«Союз тоги и меча» на берегах Боспора

Статья посвящена взаимодействию интеллектуалов и власти в античном мире, и, в частности, на Боспоре. Рассматриваются примеры философов-советников при царях, кружков интеллектуалов при государственных деятелях, реализации власти интеллектуалами в гражданском коллективе.

Ключевые слова: *античные города Северного Причерноморья; Боспорское царство; интеллектуальная история; власть.*

«Меч, перед тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!!» — эти слова из не сохранившейся (но неоднократно упоминавшейся и цитировавшейся) поэмы великого оратора и государственного деятеля Марка Туллия Цицерона «О моем времени» [Cic., De off., 1, 77; Cic., Phil. II, 8, 20; Cic., Fam., V, 12, 8; Cic. Q. fr., III, 6 (8),3; Cic. Q. fr., II, 7 (9), 1; Cic. Fam., I, 9, 23] обычно толкуются не просто как мысль о приоритете гражданской власти перед военной, но и как утверждение власти интеллекта, философского и риторского искусства перед грубой силой в самых различных ее вариациях — будь то власть монарха, тирана или невежественной толпы [Plut., Cic., 51; Утченко, 1972, с. 366]. Не случайна подобная мысль именно у Цицерона, «интеллигента-политика», посвятившего себя не только изящным искусствам и наукам, но и активной борьбе за республику. Этим он пытался на практике утвердить власть «тоги» над «мечом», что и стало причиной его трагической гибели (от того особенно горько звучит обращение к Марку Антонию во «Второй филиппике»: «Но, правда, впоследствии перед твоим мечом склонилась тога. Итак, спросим, что было лучше: чтобы перед свободой римского народа склонились мечи злодеев или чтобы наша свобода склонилась перед твоим мечом?» [Cic., Phil. II, 8, 20.]). Тем не менее, тот, кого мы помним прежде всего как великого

оратора, «римского Демосфена», считал обязательным участие интеллектуала в государственных делах. Наставляя своего сына, он пишет в трактате «Об обязанностях»: «…мы по справедливости прославим труд и старания, которые будут приложены в вопросах нравственно-прекрасных и достойных познания. Например, как об астрологе мы слыхали о Гае Сульпиции, как геометра мы сами знали Секста Помпея; многие известны нам в диалектике, еще большее число людей — в гражданском праве. Все эти науки направлены на исследование истины, но при изучении их отвлекаться от ведения дел противно долгу. Ведь вся заслуга доблести состоит в деятельности» [Cic., off., 1, 77]. Да и самого Цицерона (как и Демосфена) биограф Плутарх рассматривает именно как государственного мужа [Plut.,Cic., 52]. Стоит упомянуть еще и о том, что сам Плутарх из Херонеи не чуждался общественных дел — кроме ученых занятий и преподавания он занимал в родном городе должность телеарха (следящего за состоянием улиц и построек), архонта-эпонима, в поздний период своей плодотворной жизни вошел в коллегию дельфийских жрецов [Фрейберг, 1976, с. 25]. А уж если вспомнить о том, с каким гневом Плутарх обрушивается на поклонников изречения «живи неприметно», на тех, кто не приносит свои познания и искусство на службу обществу и государству [Plut. Moralia. V, VI, 2.], становится ясно, что отношение «интеллектуалы — власть» было для античной мысли не менее актуальным, чем, например, для «веховцев» или современной интеллигенции. Такое отношение мы, вслед за Цицероном и Плутархом, и будем условно называть «союзом тоги и меча».

Сегодня, впрочем, общим местом стало утверждение, что союз этот не возможен. Получая государственную власть (неважно — военную или нет), интеллектуал «изымается» из интеллигентского сословия (вне зависимости от реального вклада в развитие литературы, философии, науки). Столь нелюбимый Плутархом совет «жить неприметно» часто звучит, когда поднимается вопрос о гражданской активности: «Настоящий философ тот, кто за письменным столом, а не на трибуне» [Философия и власть, 2005]. Если интеллектуал и участвует в общественной жизни, то исключительно в качестве борца с существующей властью (по М. Фуко, вообще с любыми видами власти в обществе) [Фуко, 2002, с. 68]) [Шевченко, 2001, с. 60-65; Гранин, 2009].

Античная же философская традиция и политическая история предоставляют нам многочисленные, порою совершенно курьезные примеры отношения «меча» и «тоги». Конечно, нельзя не упомянуть идею о мудрецах-правителях, «стражах» в идеальном обществе у Платона (причем каста правителей должна получать лучшее образование греческого образца), но автор «Государства», впрочем, оговаривается, что такая модель общества — не более чем теория. В практической политической жизни известны и канонические «Семь мудрецов» (одновременно — правителей), о которых Диоген Лаэртский замечает со ссылкой на Дикеарха: «…они не были ни мудрецами, ни философами, а просто умными людьми и законодателями» [Diog. Laert. I, 25, 40], и монархи, не чуждые интеллектуальных увлечений. Так, пергамский царь Аттал III занимался ботаникой, в частности, чтобы исследовать действие целебных и ядовитых трав (Плиний Старший называл этого царя одним из знатоков сельского хозяйства и медицины [Plin. Nat. Hist. VIII, 194; Хафнер, 1984, с. 49]). Клавдий изучил этрусский язык, написал 69 книг, ввел в алфавит три новые буквы, правда, забытые после его смерти [Svet. Claud. 5-6, 35-41], Галлиен интересовался философией, литературой, сочинял стихи и пытался собирать древние памятники для того, чтобы сохранить их [Scriptores. XXIII, XI; Хафнер, 1984, с. 93], Полемон II, царь Понта, писал стихи [Anth. Graec. III, LXIII]. Нельзя здесь не вспомнить исторические и поэтические (не сохранившиеся) тру-

ды Юлия Цезаря; «философа на троне» Марка Аврелия, написавшего трактат в духе стоицизма «Наедине с собой»; доходившее до абсурда увлечение Нерона театром, музыкой, поэзией; Юлиана Апостата, писавшего изящные речи и религиозно-философские сочинения.

Пусть даже вышеупомянутые примеры можно в ряде случаев считать причудами власть имущих, зачастую, не лучшим образом сказывавшимся на их правлении и вызывавшими раздражение или осуждение современников и потомков (как в случае с Галлиеном, Нероном). Но есть и примеры другого порядка. Это философы Менедем (бывший градоначальником в Эретрии [Diog. Laert. II, 17, 141]), Ксенократ (совершавший посольство к Филиппу и Антипатру [Diog. Laert. IV, 2, 8-9]), Деметрий Фалерский (успешно правивший в Афинах, после ставший советником при Птолемее I Сотере [Diod., XVIII, XX; Diog. Laert. V, 5, 75, 78]), Архит Тарентский (семикратно избиравшийся стратегом [Diog. Laert. VIII, 4, 79]). Поэт эпохи архаики, Алкей, был активным участником борьбы аристократических партий [Diog. Laert. I, 4; I, 74; Arist. Polit. III, 9, 5—6; V, 8, 23—29; V, 13.]. Известна политическая карьера, впрочем, неудачная, Гая Саллюстия Криспа [Cass. Dio, XL, 63]. А покровительство властителей деятелям культуры при Перикле, Сципионе Эмилиане, Птолемеях, Августе демонстрирует почти идеальную симфонию «тоги» и «меча».

Таким образом, отношения между властью и, в самом широком смысле, мудростью могут принимать различные формы. Это не только мудрый Стагирид, воспитывающий будущего покорителя ойкумены. Это не только философствующие друзья Перикла. Это и настоящий философ-тиран, не перестающий быть ни тем, ни другим — Деметрий Фалерский. В конце концов, идея о мудром властителе (в частности, о мудром старце), типична для огромного количества культур и принимает такие хорошо известные формы и образы, как институт совета старейшин (этимология слова «сенат» [Белкин, 2001]), мудрость царя Соломона.

Следует сделать еще одну оговорку по поводу возможности реализации власти в античном мире. В историографии термин «полис» зачастую используется в значении «государство», хотя эти понятия не являются полностью синонимичными. Под полисом в античной литературе понимается и государство, и гражданская община [Шепко, 2011, с. 11]. Если учесть, что строгое разделение гражданского и политического для античности не характерно, то взаимодействие интеллектуалов и власти, нельзя сводить только к отношениям между правителями и философами (или к совпадению этих социальных ролей). Это, в том числе, отношения между представителями интеллигенции и гражданской общиной (при этом интеллектуалы сами могли являться и членами общины, и, как свидетельствуют приведенные выше примеры, носителями тех или иных властных функций). В таком ключе можно рассматривать и деятельность интеллектуалов Северного Причерноморья: историка Сириска Херсонесского; авторов важнейших документов — Херсонесской присяги, Горгиппийского каталога [КБН. 1137]; врачей, известных по богатым херсонесским надгробиям и посвятительной надписи из Тиры [Карышковский, 1987, с. 52-56]; гимнасиархов, подобных Агасиклу из Херсонеса (он занимал еще ряд важных государственных должностей [IOSPE. I. 418]; философов, грамматиков, таких как Смикр Боспорский [КБН. 118], Авл Ситесий [КБН. 655], Гекатей [КБН. 121], Саббион, сын Стефана [КБН. 146], Стратоник, [КБН. 145]. Можно сказать, что их деятельность — реализация того «социального заказа», который существует в гражданской общине, и, одновременно, осуществление влияния на сограждан за счет своего авторитета в определенной сфере (как, например, в случае со Смикром, «давшим согражданам наилучший образ мысли»).

Тем не менее, в городах Боспора, уже в ранний период управлявшихся монар-

хически, наиболее яркие примеры отношения «интеллектуалы — власть» относятся к взаимодействию северопричерноморских интеллектуалов и правителей. Так, Аноним Боспорский, живший предположительно в IV — III вв. до н. э. («вычисленный» исследователями из «Исторической библиотеки» Диодора безымянный пантикапейский историк» [Петрова, 1998, с. 113]), бывший, по мнению исследователей, придворным историком при царе Евмеле или его сыне Спартаке III [Ростовцев, 1925, с. 126, 128; Яйленко, 1990, с. 299], не только описал драматический период борьбы за власть сыновей Перисада I — Спартока и Евмела, не только составил перечень боспорских правителей V — IV вв. до н. э. из династии Спартокидов с числом лет царствования каждого из них но и рассказал об освобождении Феодосии от осады, о хитростях Левкона I, Перисада I, о царицах Тиргатао и Амаге [Diod. XIV, 93. 1; XVI, 31, 6; 52, 10, XX, 22 — 26. Polyain. Strat. V, 23; V, 44; VI, 9, 1 — 4; VII, 37; VIII, 55, 56]. Историку удалось показать, что, несмотря на преступные деяния Евмела против родного брата, в конечном счете, его власть носит и законный, и благой характер: Евмел «…завоевал расположение всех граждан» и «возбуждал к себе немалое удивление своими достоинствами», а «торговые люди повсюду разнесли молву об его великодушии» [Diod. XX, 24-25].

Другой выходец из Боспора — Сфер, ученик Зенона Китийского и Клеанфа, живший в III в. до н. э., также связан с царской властью, но за пределами отечества. Он известен по рассказам Диогена Лаэртского, Плутарха, упоминают о нем Афиней и Цицерон (последний называет Сфера «искусником по части определений») [Diog. Laert. VII, 6. 177—178; VII,7,185; Plut. Cleom. 23, 33; Cic. Tuscul. IV, XXIV; Afin. IV, 19 b]. Политическая деятельность Сфера связана со Спартой, где он принимал самое живое участие в воспитании юного царя Клеомена и других спартанских юношей. Плутарх даже связывает честолюбивые планы Клеомена по возрождению Спартанского государства в ликурговом его варианте с тем стоическим учением, которое преподал ему Сфер. Увы, планы Клеомена о возвращении отеческих традиций, «скромности и регулярных упражнениях молодежи, о выдержке и равенстве» стоили ему жизни, именно поэтому Плутарх говорит: «…стоическое учение — оно таит в себе что-то опасное для сильных и горячих характеров» [Plut. Cleom. 23]. Известно, что Сфер некоторое время жил при дворе Птолемея Филопатора (существует предположение, что Сфер приехал «по причине пребывания в то время в Египте Клеомена». «Вероятнее всего, Сфер хотел помочь своему ученику в трудное для него время, посоветовать, как действовать в дальнейшем» [Спиридонов, 1918, с. 227; Петрова, 2000, с. 71]). Ему принадлежат 30 книг, посвященных самым разнообразным темам (от спартанской политики до грамматики), собрание писем (видимо, составленное по просьбе учеников и друзей, как в случае с Плинием Младшим).

В роли интеллектуала предстает перед нами и непосредственный правитель — Митридат VI Евпатор, как и Аттал III, исследовавший свойства ядов и открывший несколько противоядий [App., Mithr., 111].

Что же касается «кружков» интеллигенции при боспорских правителях, то здесь, скорее всего, не удастся проследить прямую параллель с эллинистическими и римскими правителями. Известно, что Спартокиды, исполняли должности жрецов культа Аполлона Иетроса, и покровительство аристократии и, возможно, интеллектуальной элите боспорских городов осуществлялось путем участия в жреческих коллегиях [Зубарь, Русяева, 2004, с. 112-114]. Исходя из этого, можно рассматривать такое известное, но по сей день вызывающее споры, явление как фиасы в качестве объединений аристократической знати и, одновременно, интеллектуальной элиты при боспорских царях (известно, что такие союзы в ряде случаев

занимались воспитанием молодежи, в некоторых фиасах существовали должности гимнасиарха и неанискарха). Такие религиозные коллегии, кроме прочих задач, «реанимировали» отдельные институты полисной жизни в условиях монархии и осуществляли взаимодействие между гражданской общиной и царской властью [Завойкина, 2006, с. 6-14], добавляя, по-видимому, новые нюансы в отношение «интеллектуалы — власть» на берегах Северного Понта.

1. Белкин М. В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI-IV вв. до н. э.: Проблемы эволюции. СПб: Центр Антиковедения СПбГУ. 2001.

2. Ведешкин М. А. Языческая интеллектуальная элита Восточной Римской империи в V-VI вв. // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. М.: Аквилон, 2014. Вып. 2, с. 153-191.

3. Завойкина Н. В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I — первой половине III вв. н. э. / Дис.... канд. ист. наук. М. 2006. 285 с.

4. Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. К.: ИД «Стилос», 2004. 239 с.

5. Карышковский П. О. Посвятительная надпись римских врачей из Тиры // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К., 1987, с. 52-56.

6. Петрова Э. Б. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья и ее истоки // КНП. 1998. №4, с. 108-123.

7. Петрова Э. Б. Мыслители античных городов Северного Причерноморья // УЗ ТНУ. 2000. №13 (52). Т. 1, с. 62-80.

8. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. 624 с.

9. Спиридонов Д. С., Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли //ИТУАК. 1918. №54, с. 187-233.

10. Утченко С. Л. Цицерон и его время. М.: Мысль. 1972. 389 с.

11. Философия и власть: итоги IV Философского конгресса. 2005 г. Режим доступа: http://old. russ. ru/culture/20050615_round. html

12. Фрейберг Л. А. «Моралии» Плутарха // ВДИ. 1976. № 3, с. 217-230.

13. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью/ Пер, с. Ч. Офертаса. М.: Праксис, 2002. 384 с.

14. Шевченко В. Н. Интеллигенция и общественность в истории российского общества // В диапазоне гуманитарного знания: Сборник к 80-летию профессора М, с. Кагана. Серия «Мыслители», выпуск 4. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001, с. 57-75.

15. Шепко Л. Г. История Боспора Киммерийского (VI — II вв. до н. э.) в исследованиях 1985-2010 гг. / Автореф. дис. …канд. ист. наук. Донецк: Ноулидж, 2011. — 37 с.

16. Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990, с. 249-309.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории

ИТУАК — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии

КБН — Корбус боспорских надписей

КНП — Культура народов Причерноморья

УЗ ТНУ — Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

The article deals with the interaction between intellectuals and the authorities in antiquity, and particularly, in the Bosporan Kindom. We consider examples of philosopher-advisers at kings, circles of intellectuals at state figures, intellectuals implementation of power in the civil society.

Key words: *antique cities of the Northern Black Sea region; the Bosporan Kindom; intellectual history; police power.*

УДК 737.11+94(395.1)

О. Н. Мельников

Кесария и Агриппия на Боспоре. Локализация по данным нумизматики и эпиграфики

В литературе доминирует мнение о переименовании Пантикапея в Кесарию, а Фанагории — в Агриппию. Это мнение представляется ошибочным. Нумизматика и лапидарные источники свидетельствуют о переименовании Фанагории в Кесарию с её локализацией у пос. Гаркуши, а Гермонассы — в Агриппию с ее локализацией у ст. Сенной.

Ключевые слова: *Кесария, Агриппия, Фанагория, Гермонасса, города на Боспоре, монеты ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ, ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ.*

Часто находимые на территории Боспора монеты с легендами «ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ» (рис. I,*1,2* — 322-322б[1]) и «ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ» (рис. I,*3* — 323-323 г.) стали интерпретироваться нумизматами в качестве местной продукции после обнаружения в 1830 г. в ст. Тамань (расположенной, как тогда полагали, на месте античной Фанагории) погребального посвящения от имени «архонтов Агриппии Кесарии» [КБН, 1051]. Первые исследователи этой надписи выдвинули версию о переименованной при Полемоне I Фанагории [Boeckh, 1833, s. 163], либо о находящемся рядом с ней городе [Кёне, 1857, с. 395] с двойным наименованием «Агриппия-Кесария», чеканке которого и приписали монеты с означенными легендами [Стемпковский, 1830; Ашик, 1848, с. 41; Латышев, 1892, с. 40-41]. Последующую — с неубедительно обоснованной подачи Ф. Дюбуа [Dubois, 1843, P. 22-25, 63, сл.] — локализация Фанагории у ст. Сенной [Кёне, 1857, с. 394, прим. 1; Гёрц, 1870, с. 35] связывают с идеей переименования Фанагории в Агриппию-Кесарию благодаря находкам на этом городище надписей от «совета и народа агриппийцев» [КБН, 979, 982, 983].

[1] Простые номера монет даны по каталогу из книги В.А. Анохина [Анохин, 1986, табл. 10-12].

П. О. Бурачков [Бурачков, 1884, с. 175-178, прим.] объяснил монетно-типовое разделение названия Агриппии-Кесарии чеканкой Горгиппией (соответственно, последовательно переименованной) монет с легендой «ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ» «при жизни Агриппы», а «по смерти его» — «ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ». Это мнение не принял А. В. Орешников [Орешников, 1914, с. 38-40; Орешников, 1922, с. 130-131], который, уже учитывая типовую разность этих монет, как и отдельное упоминание агриппийцев [КБН, 979], опроверг двойное название города. Соглашаясь с изменением названия Фанагории на Агриппию, он предположил в Кесарии прежний Пантикапей. Большинство исследователей, в т. ч. и нумизматов [Зограф, 1951, с. 192, 252, 253; Анохин, 1986, с. 88; Фролова, 1978, с. 58], приняло эту точку зрения, подкреплённую ещё и тем, что на Европейском Боспоре чаще находят монеты Кесарии, а на Азиатском — Агриппии [Голенко, Шелов, 1963, с. 8]. Однако тезис о доминировании монет Агриппии в Азии справедлив лишь для городища у ст. Сенной, тогда как на остальной территории Боспора соотношение указанных находок нивелировано более интенсивной чеканкой Кесарии, превышающей монетные эмиссии Агриппии чуть ли не в два раза [Шелов, 1965, с. 48].

С предложенным А. В. Орешниковым вариантом переименования городов не согласилась В. И. Денисова [Денисова, 1999, с. 47-48; Денисова, 2000, с. 262], пришедшая к выводу об отсутствии возможности «дать положительный ответ на вопрос, состоялись ли в действительности переименования Пантикапея и Фанагории». По её мнению, монеты «ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ» и «ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ» предназначались «для выплаты награды» победителям агонов, «проводимых в честь римских императоров и крупных политических деятелей». Отрыв этого мнения от нумизматических и эпиграфических реалий не позволяет принять его, так же как и датировку В. И. Денисовой рассматриваемых монет временем Калигулы.

Хронологию чеканки монет «ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ» и «ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ» определяет следующее.

Опираясь на примеры переименования городов в честь Агриппы лишь в вскоре после его смерти [Reinhold, 1933, P. 134], случившейся в марте 12 г. до н. э., В. П. Яйленко [Яйленко, 1990, с. 141-143] справедливо отверг возможность нарушения такого правила на Боспоре; что при наличии надписи КБН, 979 свидетельствует о 2-м правлении Динами с 12/11 г. до н. э. [Мельников, 2004, с. 264, 266, прим. 2, с. 270, прим. 14]. Одновременное с Агриппией переименование в Кесарию не могло произойти и позже 10 г. до н. э., т. к. вместо Кесарии было бы название «Себаст или Себастий» [Болдырев, 1999, с. 34].

Метрология монет Боспора греко-римской стадии (16 г. до н. э. — 14 г. н. э.) определяет рамки относительной датировки чеканки монет Кесарии и Агриппии строго между 2-й серией бронзовых монет Динамии — 276-283 (3-я серия с «ΒΑΕ») и первыми выпусками бронзы Аспурга — 321 (рис. I,4) и 318 [Мельников, 2005, с. 222-236]. Верхняя абсолютная граница эмиссии городских монет коррелирует с первым выпуском золота Аспурга в 10/11 г., поскольку этому золоту должна соответствовать и первая бронза Аспурга — 321 (рис. I,*4*). Типовая преемственность этой бронзы монетам Кесарии (рис. I,2) выступала в контексте прекращения их чеканки[2], как и по совокупности с ними, — прекращения чеканки монет Агриппии.

Чеканка монет Кесарии и Агриппии метрологически может находиться лишь в промежутке перехода от монетно-весовой системы Евпатора I (Скрибония)[3] к римско-боспорской системе Аспурга, для обеих из которых городская система выглядит инородной и нерациональной. Ввод этой системы при бытовавшей системе Евпатора I выглядит совершенно неожиданным и даже насильственным, как и само явление городов в роли монетных эмитентов. Более того, состав «Керченского клада 1961 г.» [Голенко, 1971, с. 47] и эмис-

Рис. I. 1-3 — оболы (1 г. до н.э. — 10 г. н.э.) Кесарии и Агриппии; 4 — обол (10/11 г.) Аспурга; 5 — дупондий (22/23 г.) с портретом Ливии. Фото 1-4: http://bosporan-kingdom.com/new_coins.html; фото 5: RIC_0043v

сионная лакуна царских статеров с 296 по 299 гг. б. э. (2/1 г. до н. э. — 2/3 г. н. э.) указывают на монополию монет Кесарии и Агриппии в течение нескольких (до 3-х) начальных лет их чеканки с *ок.* 1 г. до н. э. Тогда некие серьёзные политические и/или военные потрясения настолько ослабили власть боспорского царского дома, что вынудили его пойти на расширение полисного самоуправления в виде предоставления неких вольностей, льгот и прав городам, индикатором которых и стала полисная чеканка. Демонстративно выражаемая ею лояльность проявилась не к царям Боспора, а напрямую к патронату Рима, что отразилось как в новых городских названиях, так и в портрете Ливии на монетах Кесарии[4] [Friedlaender, 1870, s. 283-284; Орешников, 1914, с. 42; Орешников, 1921, с. 236-237; Орешников, 1922, с. 131-132] и Агриппии (ср.: рис. I,*3,5*). Традиционность в наличии таких проримских настроений подтверждает найденная в гробнице рабов императоров Августа и Тиберия погребальная урна фанагорийского посла Гедика и переводчика сарматов Аспурга [Орешников, 1914, с. 37, прим. 2; Moretti, 1972, P. 162]. Это наиболее раннее свидетельство ориентации городов Азиатского Боспора на покровительство Рима в их автаркических настроениях по отношению к боспорскому царскому дому.

Итак, некие серьёзные обстоятельства вынудили Динамию в середине её 2-го правления не только санкционировать право (либо просто согласиться с фактом) выпуска Кесарией и Агриппией полисной бронзовой монеты и её общебоспорского обращения, но и смириться с доминированием последней над царской бронзой[5]. Всё это являлось существенным финансовым и политическим ущемлением царского дома как владельца монетной регалии.

---

[2] П.О. Бурачков [Бурачков, 1884, с. 178, прим.] справедливо указал на эмиссию монет Кесарии до утверждения Аспурга царём Боспора, но алогично обосновал это событие появлением царских обозначений на типе монет 321 (рис. I,4), подражательных Кесарии. По мнению П.О. Бурачкова, выпуск таких монет стал возможным лишь при Тиберии, но не при Августе. Едва ли можно согласиться с последним мнением, принимая во внимание то, что Аспург не затронул проримские названия Кесарии и Агриппии, но лишь прекратил их монетную чеканку, что было сугубо внутренним делом Боспора.

[3] Скрибоний, как внук (хоть и фиктивный) Митридата Евпатора, взошёл на царский престол Боспора ок. 16 г. до н.э. под династическим именем Евпатора (I) и отметился на монетах монограммой «ВАЕ» [Мельников, 2004, с. 253, сл.]. Так наз. «Евпаторов закон о родовом наследовании» был дарован Горгиппии [Блаватская, 1965а, с. 197-200; Блаватская, 1965б, с. 30, 31] именно — как и предполагал ещё П.О. Карышковский [Сапрыкин, 1991, с. 183, прим. 5] — Евпатором (I), стремившемся при закреплении во власти заручиться лояльностью азиатских городов Боспора.

[4] На первых монетах Кесарии (рис. I,1) (как и на более поздних монетах Гепепирии [326]) вероятно изображение Афродиты Урании [Орешников, 1914, с. 42], чьё святилище Гекатей Милетский [Hekat., 165] размещал в Фанагории.

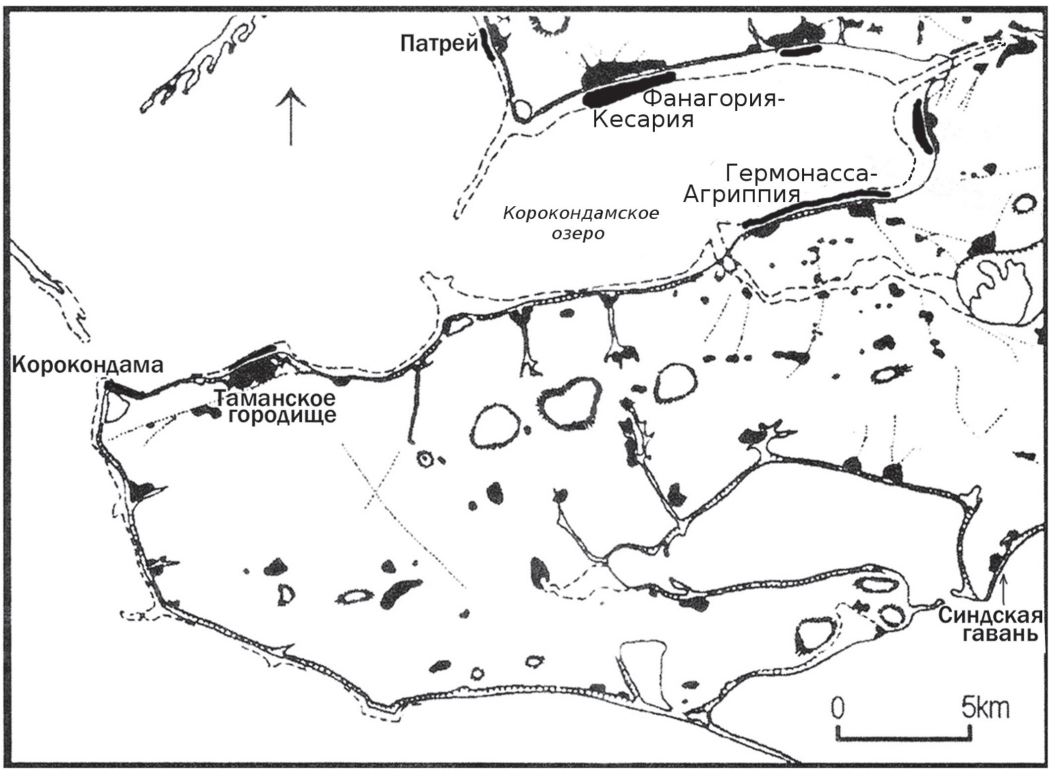

Рис. II. Фанагория-Кесария и Гермонасса-Агриппия на берегах Корокондамского озера Таманского архипелага в античное время

Такая принижающая царскую власть Боспора реконструкция событий подкрепляется рескриптом Аспурга от «20 числа месяца дайсия 312 г. б. э. (июнь 16 г.)» [Блаватская, 1965а, с. 200, 208]. В этом указе царь выразил особую благодарность жителям Горгиппии за то, что те «соблюли себя в полной безмятежности во время» поездки Аспурга в Рим. Получается: царь торжественно ставит в большую заслугу городу лояльность последнего к царской власти, т. е. то, что должным было быть (от своих подданных) самим собой разумеющимся. Это свидетельствует о значительных усилиях центральной боспорской власти, направленных на хоть какое-то удержание в рамках единого государства и под своим контролем городов Азиатского Боспора.

Рассмотренные нумизматические и эпиграфические свидетельства наводят на мысль о проримском переименовании боспорских городов не столько по соизволению центральных правителей Боспора, сколько по инициативе общин самих этих городов, и, как видим, ближе всего — городов именно Боспора Азиатского. Если по общеисторическим соображениям (но без данных нумизматики) допустить переименование Пантикапея во исполнение желания Динамии, что вполне возможно, то выпуск монет Кесарии совместно в одном центре с царской чеканкой, нумизматика принять не может. В этой же связи показательна находка единственного лапидарного памятника с упоминанием Кесарии (в сочетании с Агриппией) [КБН, 1051] именно на Боспоре Азиатском. Более того, естественными авторами посвящения этой стелы бывшему наместнику царской резиденции могла быть вышестоящая царская администрация (или царь Боспора, который, однако, даже не упомянут), либо/и местная выборная власть

[5] Царские монетарии были вынуждены массово эмитировать «парадоксальный» [Голенко, 1971, с. 42] номинал в 7 халков (286, 290) вследствие навязанной денежному рынку Боспора грекоримской монетно-весовой системы Кесарии и Агриппии [Мельников, 2005, с. 229-230].

(архонты) Боспора Азиатского, как сторона наместника принимающая. Но едва ли в авторах стелы значились бы архонты европейского города Боспора.

Названия Агриппии и Кесарии зафиксированы под 307 г. [КБН, 1051], тогда как за двести лет до того, но спустя столетие после чеканки рассматриваемых городских монет, отмечен (вместе с традиционным названием Пантикапея в периплах Арриана [Arr. PPE, 29-30] и Псевдо-Арриана [Ps. -Arr., PPE, 76]) демотикон «пантикапеец» в правление Савромата I [КБН, 1048]. Притом, что, возможно, при этом же царе, либо при его наследнике Котисе II, известен и «народ агриппийцев» [КБН, 983].

Из сказанного следует расположение обоих городов — Кесарии и Агриппии — на Боспоре Азиатском.

Так как почти все, упоминающие агриппийцев, лапидарные источники (кроме КБН, 1051) найдены на городище у ст. Сенной, где находки монет агриппийцев доминируют над монетами кесарийцев [Шелов, 1962, с. 62-63; Голенко, Шелов, 1963, с. 8], то это городище вполне отвечает традиционной локализации Агриппии. Однако то же самое городище большинство исследователей отождествляет с Фанагорией, которая признаётся столицей Азиатского Боспора. Но вот последнее вступает в противоречие с выводом о более высоком государственном статусе Кесарии (о чём говорит уже и само её название, отражающее римскую властную иерархию) как доминирующего над Агриппией центра монетной чеканки [Шелов, 1965, с. 48].

Таким образом, сравнение объёма рассматриваемых городских эмиссий в сочетании со статусом их монетных легенд противоречит Агриппии как городищу у ст. Сенной в его отождествлении со столицей Азиатского Боспора (т. е. с Фанагорией), одновременно указывая на переименование этой столицы (т. е. Фанагории) в Кесарию.

Побывавшая во вторичном использовании в раннесредневековое время каменная плита с упоминанием «Агриппии Кесарии» [КБН, 1051] найдена в. ст. Тамань. Однако приписать Таманскому городищу название Кесарии[6] также не позволяет доминирование монет Кесарии, влекущее за собой атрибуцию центра их выпуска как переименованной Фанагории. Это название для городища у ст. Тамань — с учётом географических свидетельств античных авторов [Зубарев, 2005, с. 340, сл.] — не может быть признано истинным.

Разрешить выявленные нестыковки и противоречия посредством согласования всего комплекса нумизматических и эпиграфических данных помогает предложенное В. Г. Зубаревым [Зубарев, 2005, с. 340, сл.] отождествление Фанагории с городищем (традиционно называемым Патреем) у пос. Гаркуши, а Гермонассы — с городищем (традиционно называемым Фанагорией) у ст. Сенной. Новая локализация Фанагории и Гермонассы гармонично вписывается в нумизматическую картину, представляемую на основании исследования монет группы «ΣΙΝΔΩΝ» и чеканенных вслед за ними до середины 80-х гг. IV в. до н. э. монет Фанагории [Мельников, 2008, с. 234-241; Мельников, 2009, с. 247-253]. Эту историческую реконструкцию органично дополняет предлагаемое здесь отождествление Фанагории с Кесарией, а Гермонассы — с Агриппией вместе с локализацией этих городов, соответственно, у Гаркушей и Сенной. Фанагория и Гермонасса связаны между собой их, как правило, совместным упоминанием античными авторами. Такое смысловое соседство объяснено в указанном нумизматическом исследовании как свидетельство симполитии — межполисного политического и экономического союза с теми или иными элементами синойкизма, симмахии и амфиктионии. Эта союз-

[6] В. П. Яйленко [Яйленко, 1987, с. 79; Яйленко, 1990, с. 141, сл.; Яйленко, 2014, с. 505] постулирует (а С.Ю. Сапрыкин допускает [Сапрыкин, 1995, с. 190]) переименование в Кесарию Гермонассы, полагая её расположение у ст. Тамань.

ная связь была во многом обусловлена расположением Фанагории-Кесарии и Гермонассы-Агриппии почти напротив друг друга на берегах общего для них Корокондамского озера (рис. II). Длительность или стабильность (дискретность) данной симполитии не известна, но в контексте её или её последствий становятся понятны как хронологическая, метрологическая и тематическая (смысловая) общность монет Кесарии и Агриппии, так и объединяющая формулировка «архонты Агриппии Кесарии» [КБН, 1051], изначально вызвавшая у исследователей версию о едином городе с двойным наименованием.

1. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. 182 с.

2. Ашик А. Б. Боспорское царство. Одесса, 1848. I. 122 с.

3. Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965а. 2, с. 197-209.

4. Блаватская Т. В Аспург и Боспор в 15 г. н. э. // СА. 1965б. 3, с. 28-37.

5. Болдырев С. И. О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. 2, с. 30-38.

6. Бурачков П. О. Общий каталог монет. Одесса, 1884. Ч. 1. 306 с.

7. Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Труды Московского археологического общества. М., 1870. II. 128 с.

8. Голенко К. В. Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э. // НЭ. 1971. IX, с. 38-50.

9. Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1961 гг. // НСф. 1963. 1, с. 3-65.

10. Денисова В. И. К вопросу о городах Агриппия и Кесария на Боспоре // VI чтения памяти проф. В. Д. Блаватского. Тез. докл.. М., 1999, с. 47-48.

11. Денисова В. И. Боспор конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. (к проблеме переименования городов) // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. 2000, с. 258-263.

12. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. 16. 263 с.

13. Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. 504 с.

14. Кёне Б. В. Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея. СПб., 1857. I. 452 с.

15. Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства // ИТУАК. 1892. 17, с. 1-66.

16. Мельников О. Н. Первые проявления личностной коммеморативности в монетном деле Боспора Римского периода — монеты с монограммой «ВАЕ» // СС. Киев — Судак, 2004, с. 253-272.

17. Мельников О. Н. Эволюция монетной системы Боспора греко-римской стадии (16 г. до н. э. — 14 г. н. э.) // СС. Киев — Судак, 2005г. II, с. 222-236.

18. Мельников О. Н. Фанагория и Гермонасса — синойкизм по данным нумизматики и истории Боспора Киммерийского // Древнее Причерноморье. Одесса, 2008. VIII, с. 234-241.

19. Мельников О. Н. Нумизматика и синойкизм Фанагории и Гермонассы // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конфереции. Краснодар, 2009, с. 247-253.

20. Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС. 1914. III, с. 1-68.

21. Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИГАИМК. 1921. Т. I, с. 217 — 240.

22. Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. Ч. 8. Пантикапей, Мирмекий и Фанагория под разными наименованиями // ИРАИМК. 1922. II, с. 127-138.

23. Сапрыкин С. Ю. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. 2, с. 181-196.

24. Сапрыкин С. Ю. Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире. М., 1995, с. 181-204.

25. Стемпковский И. А. (Ст., И.) Inscription grecque, découverte dans l'ile de Taman // Одесский Вестник. № 101. 1830.

26. Фролова Н. А. О времени правления Динамии // СА. 1978. 2, с. 49-61.

27. Шелов Д. Б. Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. 1962. III, с. 56-129.

28. Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI-I вв. до н. э. // НЭ. 1965. V, с. 31-50.

29. Яйленко В. П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987, с. 19-116.

30. Яйленко В. П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990, с. 128-215.

31. Яйленко В. П. Этапы развития боспорского общества и государства или по-

чему не сложились полноценные местные полисы // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Боспорские чтения. Вып.. XV. Керчь, 2014, с. 497-505.

32. Boeckh A. Corpus inscriptionum graecarum. II. Berolini, 1833.

33. Dubois Frederic de Montpereux. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. T. V. Paris, 1843. 464 p.

34. Moretti L. Inscriptiones Graecae urbis Romane. Studi pubblicati dall'istituto italiano per'la storia antica. II. 1. Roma, 1972. 249 p.

35. Reinhold M. Marcus Agrippa: A Biography. Geneva-New York, 1933. 203 p.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории
ДБ — Древности Боспора
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой археологической комиссии
КБН — Корпус боспорских надписей. М. — Л. 1965
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НСф — Нумизматика и сфрагистика
НС — Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
СА — Советская археология
СС — Сугдейский сборник
RIC — Roman Imperial Coinage.

In literature the opinion on renaming of Panticapaeum into Kaisareon, and Phanagoria — in Agrippiya dominates. This opinion is wrong. The numismatics and inscriptions on stones testify to Phanagoria's renaming into Kaisareon with its localization at the village of Garkusha, and Germonassa — in Agrippiya with her localization at the village by Sennajaja.

Key words: *Kaisareon; Agrippeon; Phanagoria; Hermonassa; Bospor cities; coins ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ; ΑΓΡΙΠΠΕΩΝ.*

УДК 94

Е. С. Павлов

Добыча строительного камня в Каллатисе

В данной статье идет речь об исследованиях древних карьеров по добыче камня в окрестностях города Мангалии, проведенных нами совместно с румынскими археологами. Карьеры находятся в непосредственной близости от древнего города Каллатиса. Эти карьеры, судя по находкам архитектурной детали и амфорной ручки с клеймом, относятся к эллинистическому времени.

Ключевые слова: *древние карьеры; Каллатис; архитектурная деталь; амфорное клеймо; эллинистический период.*

Основным строительным материалом в античном Каллатисе, как и во всей Греции, был камень. Следует заметить, что основная потребность греческих городов в строительном материале, как указывала М. И. Максимова со ссылкой на археологические исследования, всегда покрывалась камнем местного происхождения [Максимова, 1948, с. 8]. В окрестностях Каллатиса каменные породы выходят на поверхность почти повсеместно. Это известняки, которые представляют собой отложения сарматского яруса верхнемиоценового возраста на плато Южной Добруджи [Pană, Ioana, Kruck, 1972].

В результате обследования[1], были обнаружены две большие и глубокие выемки в северной и северо-западной частях города Мангалия. Это — следы бывших карьеров для ломки камня[2]. По отношению к древнему Каллатису, карьеры находятся в непосредственно близости от зоны некрополей эллинистического и римского времени на территории современного квартала города Мангалии «Колоништь».

По краям карьеров хорошо видны многочисленные отвалы. Пригодный для строительных целей материал залегает в карьерах слоями на большую

[1] Приношу благодарность Иону Пыслару, доктору исторических наук (Археологический музей «Каллатис» Мангалия, Румыния). В наших исследованиях принимал участие и директор Археологического музея «Каллатис» Мангалия доктор Сорин Марчел Колеснюк.

глубину от поверхности. Слои с прочными породами имеют толщину около 40-50 см, что, собственно, и определяло один из параметров получаемых блоков. Верхние слои камня находились под слоем гумуса и выветренных пород.

Первый карьер, расположенный на северной окраине города, за пределами границ античного некрополя, имеет координаты[3] — 43˚49′47. 38″ С 28˚34′08. 86″ В. Приблизительная окружность карьера равняется 600-500 м. Северо-западный борт карьера имел высоту около 24 м, южный — 14-13 м, юго-западный борт — 19-17 м, а дно карьера находилось на уровне 4 м от уровня моря.

Добыча, насколько можно судить по сохранившимся в этом карьере террасам, велась уступами или горизонтами. Ширина уступов составляла около 8 м, а высота — около 1 м. Длина уступов — от нескольких десятков метров до двух сотен метров и более. Даже со спутника в западной и северной частях карьера выразительно просматриваются не менее 6 уступов — ступеней. Уступы на южной стороне карьера значительно уже и просматриваются труднее. Им присущи крутые склоны.

Добытый материал могли вывозить через северо-западную и юго-восточную части карьера. В настоящее время на дне карьера существует пруд глубиной до 1,5-2 м. На южной оконечности пруда, практически на его берегу, нами обнаружены два крупных, частично обработанных блока из известняка.

Один из блоков имеет прямоугольные очертания со сколом с одного края. (Рис.) Сохранившиеся размеры блока по длине — 1.10 м, ширине — 0,45 м и толщине — 0,50 м. Второй блок находится в воде и определение его размеров затруднено.

Изучение местности, прилегающей к карьерам, привело к открытию мест обитания. Первый пункт, видимо, связанный с первым карьером, находился в 100м на запад от него и представлял собой пятно на пахотном поле диаметром около 20м. На нем, кроме мелких камней, нами были обнаружены фрагменты керамики, черепицы, амфорные обломки, в том числе и ручки амфор. Материал может быть датирован эллинистическим временем.

Второй пункт находится в 100м от северной стороны второго карьера и также выглядит как аналогичное пятно на пахоте, имея площадь распространения мелких камней и фрагментов керамики около 30х40 м. Среди найденной керамики есть фрагменты пифоса и амфор, в том числе и ручки амфор. Материал может датироваться эллинистическим временем.

Второй карьер расположен несколько западнее — юго-западнее, в 500 метрах от первого карьера, также в непосредственной близости от античного некрополя на северо- северо-западной окраине города (квартал «Колоништь») и имеет координаты — 43˚49′37.59″ С 28˚33′33.01″ В. Приблизительный диаметр карьера около 350 м. Северный и западный борта имеют высоту 23 м над уровнем моря, а восточный и южный борта — около 21 м. Дно карьера находится на глубине 12 м. В южной части карьера просматривается пандус, который служил местом для вывоза добытого камня[4]. Почти в основании пандуса, с западной стороны, были обнаружены два обработанных блока из известняка, представлявшие собой, по-видимому, архитектурные детали.

Описание блоков:

1. Хорошо обработанный блок в виде литеры «Г» имел толщину 0,30 м L1=1,00 м, L2=0,80 м, ширина торцов 0,53 и 0,50 м из-за сбитых углов блок остался в карьере[5].

---

[2] Карьеры очень хорошо видны с воздуха (Google Earth). В современном понимании карьер — это гигантская ступенчатая воронка. Ступени — горняки называют уступами -бывают шириной в несколько метров.

[3] Координаты даются по системе GPS.

[4] В настоящее время, судя по найденным здесь же обломкам железобетонных конструкций, карьер используют для вывоза строительного мусора.

2. Плита прямоугольной формы обработана со всех сторон, но один конец обломлен. Сохранившаяся наибольшая длина — 0,90 м, ширина плиты — 0,47 м и толщина — 0,20 м.

3. Фрагмент блока с тупым углом при наибольших размерах 0,40х0,35 м, при толщине блока 25 м; поверхности и боковые грани обработаны.

4. Концевая часть прямоугольного блока со всеми обработанными поверхностями. Ширина блока — 0,45 м. высота — 0,40 м и сохранившаяся максимальная длина — 0,50 м.

5. Блок-полуфабрикат размерами 0,50х0,50 м с одной обработанной боковой стороной высотой 0,35 м.

Кроме того, в этом месте видно несколько рваных блоков известняка.

Здесь же нами были найдены несколько фрагментов античной керамики и обломок амфорной ручки с клеймом. Открытые материалы могут быть датированы эллинистическим временем. Клеймо на амфорной ручке имеет происхождение с острова Книд[6] и находит четкие аналогии с клеймом, которое происходит из погребения «М» XLVII/2 из города Кепы и хранится в Эрмитаже. Это ретроградное клеймо Drakontoj. По Ефремову, оно относится к IV группе и датируется в пределах 188 — 144 гг. до н. э. [Jefremow, 1995. №1310].

В непосредственной близости от пандуса, в отвесных стенках, мы обнаружили круглые отверстия, сделанные в пластах известняка, а также их следы на обломках каменных блоков, находившихся поблизости. Диаметр отверстий — около 12 см, а прослеженная их длина/глубина — до 40 см.

Сравнивая карьеры между собой, мы можем видеть некоторые отличия в их разработке. Первый карьер — больше по размерам и по глубине выработки. По предварительным подсчетам, из него было вынуто более 6 000 000 кубических метров, в то время как из карьера №2 — около 700 000 кубических метров. Во втором карьере не прослеживаются уступы, как в первом. Это наводит на мысль, что карьеры существовали и эксплуатировались в разные хронологические периоды.

Что касается времени действия карьеров, то можно предполагать, что их использование соответствует времени существования города, начиная с момента его основания и вплоть до римско-византийского времени.

В археологической литературе упоминания о древних каменоломнях достаточно часты, но тщательные исследования и детальные описания таких карьеров практически отсутствуют.

Это, естественно, затрудняет более точное определение времени, к которому следует относить обнаруженные следы ломки каменных блоков в карьерах.

О карьерах римского и средневекового времени на территории Добруджи мы находим определённую информацию в работах румынских исследователей: Г. Флореску, П. Диакону, А. Панаитеску и др. Григоре Флореску обнаружил возле города Чернавода следы старого карьера, где добывали блоки известняка. Их средние размеры 1,1-1,2х0,45х0,43-00,45 м. По мнению исследователя, карьер имел связь с римской крепостью Аксиополис и был датирован им II-III вв. н. э. [Florescu, 1936, p. 33-46].[7]

Проблемы существования каменоломен в римское время затрагивает в своей докторской диссертации Зегряну Раду Юстиниан [Iustinian, 2014, p. 672-712]. По его мнению, археологи слишком мало уделяли внимания этой проблеме. Описывая материалы, использованные при строительстве древ-

[5] Доктор Михай Ионеску, координатор археологических исследований в Мангалии, относит блок такого типа к эллинистическому времени. Мы выражаем ему благодарность за любезно предоставленную информацию.

[6] Выражаем благодарность старшему научному сотруднику Керченского археологического музея-заповедника доктору Н. Ф. Федосееву за консультации и помощь в идентификации клейма.

[7] Власти города Чернавода считают, что открытый возле Аксиополиса карьер, имеющий длину около 400 м относится к IV в. н. э. и является самой древней каменоломней в Румынии http://www.primariacernavoda.ro/Machete/Macheta2.aspx?machetaID=2&paginaID=314&detaliuID=987&lang=ro

ними мастерами, археологи не подвергали их подробным геологическим и петрографическим исследованиям с целью установления мест происхождения этих материалов.

Вскользь о каменоломнях, устроенных даками, говорит исследовательница из города Клуж-Напока Мирела Лэскою [Lăscoiu, 2014, с. 2-11].

О карьере по добыче известняковых блоков в средневековое время (X в. н. э.) у пункта Пэкуюл луй Соарэ в долине Карасу говорит Петре Диакону [Diaconu, Zah, 1968, p. 451-. 468; Diaconu, Zah, 1971, p. 289-306.]

Ещё один карьер эпохи средневековья исследовал А. Панаитеску [Panaitescu, 1978, p. 247-251]. По сообщению исследователя, там добывались блоки размерами: 1,00x0,60x0,36 м; 0,85x0,52x0,28-0,22 м; 0,62-0,60x0,56-0,50x0,22 м и 0,50x0,49x0,22 м.

По полученным результатам реализации исследовательского проекта «Хора Истрии /Ареал получения ресурсов на территории Истрии в греко-римскую эпоху»[8], запущенного в 2007 г. выходит, что в 2008-2010 гг. были идентифицированы несколько карьеров по добыче известняка в сёлах Синое, Бабадаг (Кодру и Журиловка), Лумина и Касимча. Однако более подробных сведений об исследованиях не приводится.

Для многих исследователей совершенно ясно, что добытые в карьерах блоки подвергались обработке на месте. Как мы можем видеть, это были не только прямоугольные блоки и плиты, а также и более сложные детали, употребляемые при постройке зданий.

Об инструментарии, применявшемся для добычи и обработки камня пока судить трудно, так как полученные данные о следах инструментов на найденных фрагментах блоков требуют дополнительного изучения. Исследователь Зегряну Раду Юстиниан, на основании изучения следов от орудий на каменных блоках, приходит к выводу, что в римское время использовались инструменты scalprum, tornus, caelum.

Что же касаемо готовых блоков, найденных нами в карьерах, то лишь об одном из них можно с уверенностью говорить о его хронологической принадлежности. Речь идет об архитектурной детали фигурной формы в виде литеры «Г», найденной в южной части карьера в основе пандуса, ведущего из карьера. Этот каменный блок можно надежно датировать эллинистической эпохой. Аналогичные этому блоку детали были открыты во время археологических исследований Каллатиса и хранятся ныне в фондах Археологического музея «Каллатис», а также в археологическом парке, расположенном в центральной части города, у юго-западного угла оборонительных стен и въезда в крепость Каллатиса.

Отметим, что все открытые до сего времени оборонительные сооружения Каллатиса, а также жилые постройки и мощение дворов и дорог выполнены из крупных и мелких блоков и плит известнякового камня. Кроме того, известны выполненные из известняка колонны[9], скульптуры, погребальные сооружения, датируемые эпохой эллинизма и римско-византийским временем.

Очень интересная информация о добыче известняков приводится специалистом в области техники изготовления скульптуры [Одноралов, 1982, с. 221]. Исследователь сообщает, что свежедобытый из каменоломни известняк несколько мягче, чем вылежавшийся на воздухе. Только что выломанный камень представляет собой материал сильно насыщенный водой. Поэтому в сыром виде известняк обрабатывается значительно легче.

Ломку известняка рекомендуется осуществлять весной, и особенно в случаях, когда речь идет о скульптуре. Сразу же

[8] Histrichora / Aria de captare a resurselor din teritoriul Histriei în epoca Greco-Romană. https://www.google.ro/search?q=monumente+arheologice+de+la+Tuzla+din+jud+Constanta&ei=rPogVZqFDsXZavKggeAF

[9] Обломок одной из колонн обнаружен нами поблизости от карьекра №2, на окраине квартала Колоништь, который используется как препятствие для проезда машин.

после добычи блока следует начинать его обработку. Затем идет просушка, которая производитя на теплом воздухе.

Таким образом, скульптура из известняка должна быть тщательно просушена, поскольку высушенный (выдержанный) известняк более устойчив к плохим погодным условиям, что сказывается на долговечности скульптуры. Скульптура устанавливалась на открытом воздухе лишь после полной просушки камня. Несмотря на то, что известняк, в отличие от мраморов, обладает пористостью, исследователь указывает, что именно пористость известняков обеспечивает им прочность и устойчивость на воздухе. Благодаря пористости известняков, они обладают морозостойкостью.

Однако у известняков есть и свои слабые стороны. Из него нельзя сделать прочный архитрав. Именно поэтому в Египте, в эпоху Древнего и Среднего царств каменные здания имели сравнительно небольшие размеры. Самый большой пролет, который можно было перекрыть известняковыми плитами, был около 2,7 м [Кларк, Энгельбах, 2009].

Мы считаем правомерным сравнение изготовления скульптуры из известняков с такими изделиями, применяемыми в строительстве и сооружении погребальных сооружений, как колонны, капители и другие фигурные элементы.

Известно, что в эллинистическую эпоху в Афинах каменоломни принадлежали государству. Разработка карьеров велась также государством, часто через подрядчиков. [Максимова, 1948, с. 182]. От подрядчиков зависело и обеспечение работающих в карьерах инструментами для ломки и обработки камня. Известно, что первичная обработка архитектурных частей, оболванивание и грубая оттеска производились до того, как их перемещали на стройки. Об этом свидетельствуют находки частично или наполовину готовых изделий в непосредственной близости от древних каменоломен.

Открытие древних карьеров позволяет лучше представить объём проведенных работ по добыче строительного сырья, которое широко использовалось как в самом античном городе Каллатис, так и вне его стен — в его окрестностях.

1. Кларк Сомерс, Рекс Энгельбах. Добыча мягких пород камня // Строительство и архитектура в Древнем Египте. «Центрполиграф», М., 2009, 360 с.

2. Максимова М. И. Сырьевая база и первичная обработка материалов // Эллинистическая техника Сб. стат. под ред. акад. И.И. Толстого. Изд-во АН СССР, М., Л., 1948, 365с.

3. Максимова М. И. Организация строительных работ. Администрация. Рабочая сила // Эллинистическая техника. Сб. стат. под ред. акад. И. И. Толстого. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1948. 365 с.

4. Одноралов Н.В. Скульптура и скульптурные материалы. Москва: Изобразительное искусство, 1982. 221 с.

5. Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. (Quellen und Forschungen zur antiken Welt). München, 1995.

6. Florescu G. Cariera romană la Cernavodă, Analele Dobrogei, 16, Constanta, 1936. P.33-46

7. Iustinian Z. Arta sculpturală în Dacia Porolissensis. Teză de doctorat Cluj- Napoca, 2014. 743 p.

8. Lăscoiu M. Posibilitatea existenței unei cariere de piatră în zona cetății dacice de la Costești-Cetățuia // Arheovest II2, JATEPress Kiadó, Szeged, 2014.

9. Pană I., Kruck E. Pliocenul din Dobrogea de sud — vest // Dds — IGR, 1972.

10. Panaitescu A. Cariera de sec. X e.n. la Medgidia // Pontica, 11, 1978, p.247-251.

11. Diaconu P., Zah E. Despre carierele de piatră de lîngă Păcuiul lui Soare // SCIV, 19, 1968, 3, p. 451-468.

12. Diaconu P., Zah E. Dacia, Les carrières de pierre de Păcuiul lui Soare // SCIV N.S., 15, 1971, p. 289-306.

In this article it's told about joint researches with the Romanian archeologists researches over ancient borrow pits for extraction of stone in the vicinities of the municipality Mangalia. Borrow pits are in immediate proximity with the ancient city Kallatis.

These borrow pits, judging by finds of an architectonic detail and amphoren handles with a stamp, can be dated the elinistic time.

Key words: *ancient borrow pits; Kallatis, architectural detail; stamp on the amphora; hellenistic period.*

УДК 616.(993.1)

Д. Ю. Пономарев, А. В. Никитаев

Болезнь скотоводов. Заболевание бруцеллез у жителей среднего Боспора

В статье рассматриваются новые данные о заболеваемости бруцеллезом в средневековом Боспоре. Использован палеоантропологический материал из средневекового могильника на городище Мирмекий, территоррия г. Керчи (А. М. Бутягин, Государственный Эрмитаж). Выявлены два случая бруцеллеза у двух мужчин в возрасте 40-50 лет, которые относятся к варианту хронического течения болезни. Факт обнаружения этого заболевания подтверждает важную роль скотоводства в структуре сельского хозяйства этой популяции.

Ключевые слова: *бруцеллез, болезнь Банга, болезнь Брюса, мальтийская средиземноморская лихорадка, скотоводство, Мирмекий.*

Еще в 50-70-х гг. XX в. ученые поднимали вопрос о необходимости и важности специального исследования антропологических материалов из исследуемых археологами древних некрополей. Сейчас вопрос стоит значительно шире за счет привлечения специалистов из иных областей наук, например, геологии и геохимии (химический состав грунта в месте захоронения, петрографический состав желчных и мочевых камней), палеосейсмологии (массовая гибель людей), медицины, дендрологии (древесина для изготовления саркофагов, колод) и пр.

Такое взаимодействие наук на примере антропологического материала средневекового некрополя «Мирмекий» (А. М. Бутягин, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург), позволило составить статистику инфекционных болезней в средневековой популяции Боспора на примере бруцеллеза.

Бруцеллез (син.: мальтийская, средиземноморская лихорадка, болезнь Брюса, болезнь Банга; лат. brucellosis) — инфекционное заболевание, характеризующееся поражением системы мононуклеарных фагоцитов и имеющее наклонность к хроническому течению с поражением опорно-двигательной, нервной, сердечно-сосудистой, мочеполовой, нервной системы [Шувалова, 1990, с. 184; Бруцеллез, 1991, с. 286; Рейнберг, 1964, с. 353].

Группа возбудителей этой болезни — микрококков бруцелл — включает три вида микробов: 1) brucella melitensis Bruce, которая поражает главным образом мелкий рогатый скот (коз, овец); 2) brucella abortus Bang, являющейся одной из главных причин абортов у крупного рогатого скота; 3) brucella abortus suis, вызывающая выкидыши и мертворожденность у свиней. Все эти возбудители патогенны и для человека, при этом основное значение принадлежит первым двум разновидностям бруцеллеза, а в особенности brucella melitensis Bruce [Рейнберг, 1964, с. 353].

Распространение инфекции и пути ее проникновения в человеческий организм весьма многочисленны и разнообразны Эпидемиология бруцеллеза очень сложна. Наибольшее практическое значение имеет пищевая инфекция через молочные продукты (брынза, козье молоко). Заболеванию подвержены люди всех возрастов, но особенно контингент возраста от 25 до 40 лет [Рейнберг, 1964, с. 353; Михайловский, 1963, 258 с.] Мужчины болеют несколько чаще, чем женщины. Заболевание бруцеллезом несет на себе «печать» профессионального влияния, больше всего среди больных бруцеллезом рабочих, обращающихся со скотом, — доярок, пастухов, чабанов. Источником возбудителей в этом случае являются сельскохозяйственные животные — мелкий (козы, овцы) и крупный рогатый скот (коровы), свиньи. Для бруцелл характерна способность к миграции от типовых животных к другим видам животных, например, домашним: собаки, кошки и др. По данным Д. П. Мергольда, профессионально-контактный путь заражения выявлен у 39,2%, алиментарный (пищевой) — у 33,8%, а смешанный — у 27% больных [Мергольд, 1964, с. 48 — 55]. Выделениями больных животных заражается шерсть, подстилка стойла, пастбище, корм, водопой и пр. Бруцеллы устойчивы к низким температурам и во влажной среде. В навозе бруцеллы сохраняются до 75 дней, в почве — до 3 мес., в шерсти овец — до 3-4 мес., в молоке и молочных продуктах — 20 — 70 дней [Бруцеллез, 1991, с. 286].

Хорошо известно, что бруцеллез поражает, в принципе, весь организм. Но чаще всего патологически изменяется опорно-двигательный аппарат, а именно суставы, причем это не осложнение заболевания, а проявление основного инфекционно-воспалительного процесса. Кушелевский [Прозоров, Тагер, 1950, с. 69 — 85] очень метко характеризует бруцеллез, как таких же «мастеров на все руки», как стрептококк, сифилитическая спирохета и палочка Коха. Частота вовлечения костно-суставного аппарата в патологический процесс определяется от 50 до 90%, а по другим авторам (А. А. Липко) до 92% [Рейнберг, 1964, с. 353; Бурмакин, 1957, с. 877 — 880; Гелис, 1960, с. 20 — 24].

Диагностически ценными и характерными бруцеллезными поражениями являются сакроилеит, спондилит, а также поражение акромиально-ключичного сустава и суставов конечностей.

Бруцеллезный сакроилеит характеризуется изолированным или значительно чаще двусторонним поражением крестцово-подвздошных сочленений [Рейнбрег, 1964, с. 354)], хотя есть и иное мнение — чаще односторонний характер [Кравченко, 1983, 125 с.] Из-за разрушения хрящевых прослоек суставная щель постепенно сужается, а в дальнейшем очень часто наступает полный костный анкилоз, с переходом трабекул губчатого вещества с одной кости на другую [Рейнбрег, 1964, с. 354; Тагер, 1983, 206 с.]

Бруцеллезный спондилит наблюдается, главным образом, у лиц мужского пола в молодом и среднем возрасте — 25-40 лет, и развивается, чаще всего при хроническом рецидивирующем течении [Бурмакин, 1957, с. 877 — 880] в поясничном отделе позвоночника, III — IV поясничные позвонки занимают первое место по частоте. Затем следует грудной и реже шейный отделы позвоночника. Течение бруцеллезного спондилита в целом благоприятное [Рейнберг,

1964, с. 355]. Иногда изменяются изолированно мягкие ткани (лигаментит), хрящевой или костный аппарат, а порой встречаются самые, подчас неожиданные и индивидуально неповторяемие, сочетания. По мере прогрессирования деструктивных измененеий, образуются дефекты (эрозии) контуров тела позвонка, расположенные на передневерхней поверхности, и имеют неровные, зазубренные края. Вокруг очаговой деструкции постепенно образуется зона остеосклероза. Характерно также появление периостальных наслоений вдоль передних и боковых поверхностей тел позвонка — оссифицирующий периостит. Сужение межпозвонковой щели приводит к костным новообразованиям, начинающимся у места прикрепления передней продольной связки. У основания краевой каймы развиваются костные образования, размерами от едва заметных, симметрично расположенных краевых выступов, до довольно крупных, клювовидно подобных остеофитов, мостовидно перекидывающихся через отдельные межпозвонковые пространства и сковывающие воедино тела отдельных позвонков [Кравченко, 1983, 125 с.; Прозоров, Тагер, 1950, с. 69 — 85]. В отличие от туберкулезного поражения позвоночника, при бруцеллезном спондилите хрящевой диск разрушается не полностью, потому костный блок между смежными пораженными позвонками не развивается. Как правило, не бывает при бруцеллезном спондилите и патологической компрессии тела позвонка. В редких случаях при бруцеллезе на отдельном участке позвоночного столба поражаются межпозвонковые суставы (специфический спондилоартрит) с последующим образованием грубых сращений между позвонками, которые отличаются от таковых при анкилозирующем спондилоартрите (болезни Бехтерева) тем, что не бывают распространенными и обычно асимметричны.

Бруцеллезный коксит. Очаги деструкции располагаются преимущественно поверхностно в головке бедренной кости, меняют ее форму и контуры, суставная поверхность ее «разъедается», суставная щель суживается, относительно часто именно здесь формируется полный костный анкилоз [Рейнберг, 1964, с. 357].

На остеологическом материале из могильника «Мирмекий» нами выявлены два случая бруцеллеза.

Могила № 42, Мужчина, 40 — 50 лет. Бедренные кости, правая большая берцовая кость, левая тазовая кость и участок позвоночника (Th8 — L5).

Тазовая кость, левая. Бедренная кость, левая. Бруцеллезный коксит и сакроилеит. Вертлужная впадина «распластана», в виде блюдцеобразного образования, намного превышающего нор-

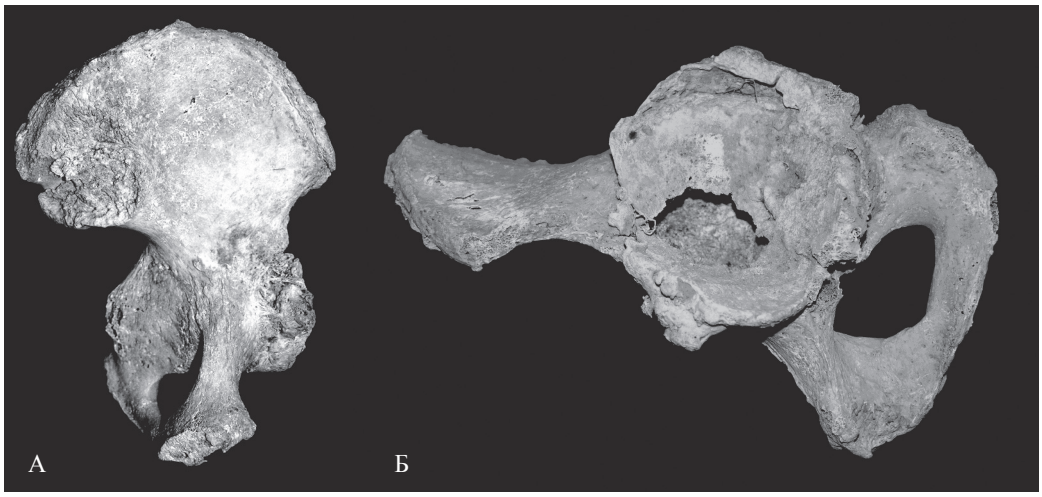

Рис. 1. Могила № 42. Бруцеллезный сакроилеит и коксит. Левая тазовая кость. А — патологически измененная ушковидная поверхность подвздошной кости. Б — патологически измененная вертлужная впадина подвздошной кости.

Рис. 2. Могила № 42. Левая бедренная кость, проксимальный отдел. Бруцеллезный коксит. А — головка, суставная поверхность. Б — головка, вид спереди.

мальные размеры — 87х84 мм (рис. 1-Б). Передний и задний участки полулунной поверхности расположены под углом порядка 125° друг к другу. Полулунная (суставная) поверхность вертлужной впадины расширена по площади, в переднем, верхнем и заднем участках имеет блестящие площадки шлифовки светло-желтого оттенка, а на участке, примыкающем к вырезке вертлужной впадины, переходит в грубую, бугристую поверхность, с расположенными на ней впадинами и бороздами. Задний край вертлужной впадины обрамлен скобовидным дугообразным остеофитом толщиной 6 мм, задняя поверхность которого представлена губовидными, зубчатыми и гребневидными остеофитами. Ушковидная поверхность левой подвздошной кости крупнобугристая, представлена хаотично расположенными гребневидными и валикообразными выступами, чередующимися с желобовидными уступообразными углублениями (рис. 1-А). Головка бедренной кости резко деформирована, грибовидно-клювовидной формы (рис. 2-А, Б). Размеры ее далеко выходят за пределы нормы —

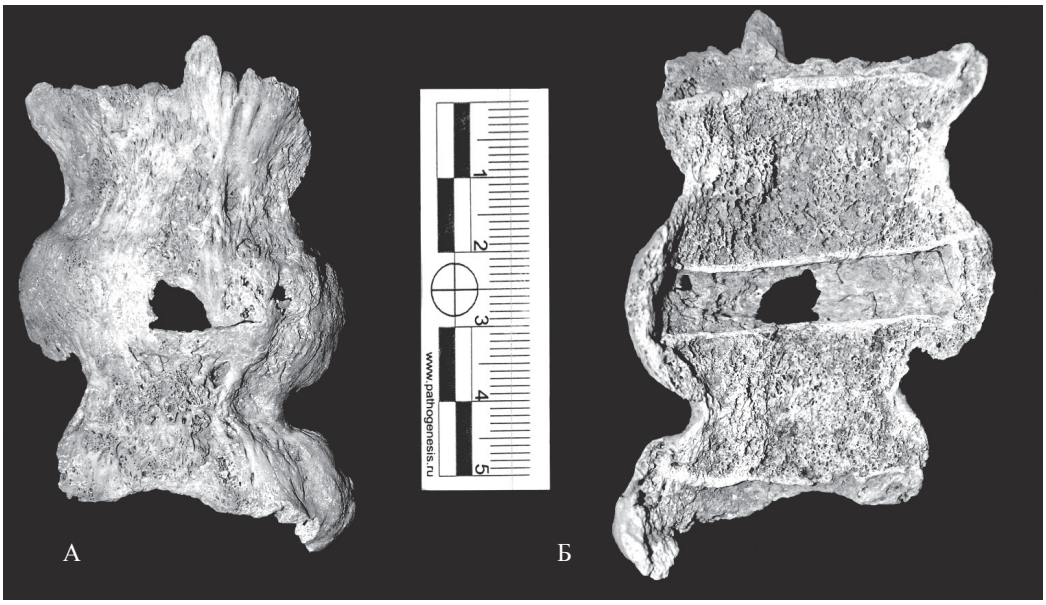

Рис. 3. Могила № 42. Бруцеллезный спондилит, поясничный отдел позвоночника. А — передняя поверхность. Б — тот же объект, вид в сагиттальной плоскости, на изломе визулизируются склерозированные замыкательные пластинки тел позвонков и межпозвонковое пространство без патологических изменений.

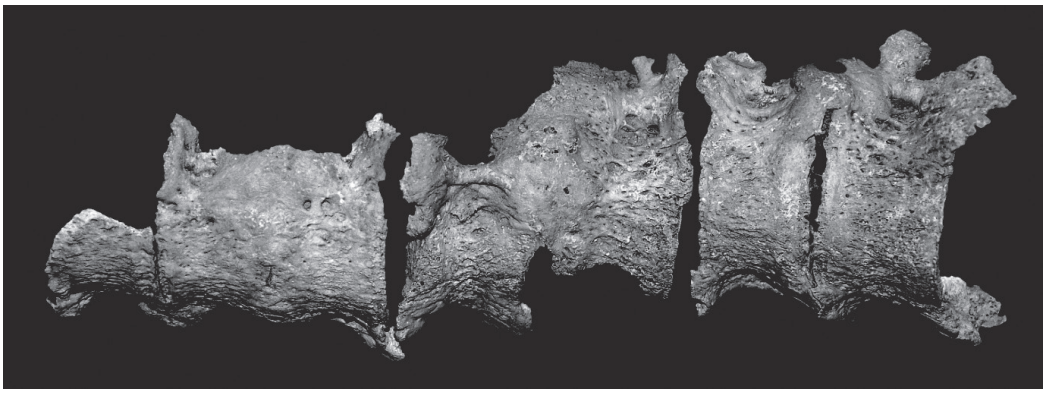

Рис. 4. Могила № 42. Бруцеллезный спондилит, грудной и поясничный отделы позвоночника. Визуализируются костные спайки, фиксирующие смежные позвонки и краевые остеофиты.

98x87x87 мм. Увеличение размеров связано с образованием остеофитов по верхнему, нижнему и переднему краям головки. На ее поверхности определяется участок шлифовки костной ткани, неправильно-овальной формы, размерами 37x36 мм. Клювовидный остеофит расположен под углом 152° к зашлифованной «рабочей» поверхности. Деформированная головка охватывает полуциркулярно переднюю поверхность шейки бедра. Суставные поверхности головки и дистального эпифиза левой бедренной кости, а также проксимального участка правой большой берцовой кости окаймлены губовидными остеофитами. Итогом патологического процесса явился вторичный остеоартроз в левом тазобедренном и коленном суставах. При этом, следует отметить, что суставная поверхность дистального эпифиза правой бедренной и большой берцовой костей без патологических изменений.

Позвонки, Th8 — L5. Бруцеллезный спондилит. На передней и боковых поверхностях позвонков отмечаются массивные напластования костной ткани — остеофиты, местами напоминающие «оплывшую свечу» (рис. 4). 8-10 грудные позвонки, а также 2-4 поясничные позвонки представляют собой костные блоки, образованные спаяными костными образованиями тел позвонков, плавно «перетекающих» друг в друга (рис. 3-А). Межпозвонковые промежутки без патологических изменений, нормальних размеров, в том числе по высоте (рис. 3-Б).

Могила № 72. Мужчина, 40 — 50 лет. *Тазовая кость, правая, с фрагментом крестца. Бруцеллезный сакроилеит.* Анкилоз правого крестцово-подвздошного сочленения. Правая боковая масса крестца с правой подвздошной костью составляют одно целое (рис. 5-А). Компактная костная пластинка костей переходит одна в другую без визуальной границы, гладкая. На распиле правого подвздошно-крестцового сочленения балки губчатого костного вещества тела правой подвздошной кости переходят в балки правой боковой массы крестца (рис. 5-Б).

Антропологический материал из средневекового некрополя городища Мирмекий достаточно обширный — изученная остеологическая коллекция включает кости скелета 72 индивидов обоего пола и всех возрастных групп. Не смотря на то, что погребальный памятник не большой, антропологический материал дал интересную и уникальную информацию.

Среди изученной части популяции бруцеллез встретился в 2-х случаях (2,8%), а именно у мужчин одной возрастной группы — 40-50 лет. То есть, среди выборки взрослой части мужской серии бруцеллез отмечен в 4,9% случаев. Необходимо отметить, что два описанных случая относятся к варианту хронического течения болезни. Мужчины болели годами, а у одного из них (могила № 42) бруцеллез привел к инвалидизации, поскольку столь значимые морфологические изменения

Рис. 5. Могила № 72. Бруцеллезный сакроилеит. Правая тазовая кость с фрагментом крестца. Костный полный анкилоз правого крестцово-подвздошного сустава — указан стрелкой. А — общий вид. Б — на распиле, через анкилозированный крестцово-подвздошный сустав.

в тазобедренном и коленном суставах левой нижней конечности, естественно, повлекли существенные нарушения функции передвижения. Этот факт придает бруцеллезу статус не только инфекционного заболевания, но и болезни, накладывающей отпечаток на образ и социальный уклад жизни больного.

1. Бруцеллез // Малая Медицинская энциклопедия. 1991. Том 1.

2. Бурмакин А. В. Поражение опорно-двигательного апарата при бруцеллезе // Врачебное дело. 1957. № 8.

3. Гелис И. Х. К вопросу о клинико-рентгенологической картине бруцеллезных сакроилеитов // Вестник рентгенологии и радиологии. — Москва. 1960. № 2.

4. Кравченко А. А. Болезнь Бехтерева (диагностика и лечение). — Киев. 1983.

5. Мергольд Д. П. Клиника и диагностика поражений позвоночника бруцеллезной этиологии в фазе исходов заболевания // Советская медицина. — Москва. 1964. № 10.

6. Михайловский Б. Г. Рентгенодиагностика заболеваний позвоночника. — Москва. 1963.

7. Прозоров А. Е., Тагер И. Л. Рентгенологическое исследование при некоторых инфекциях. Москва. 1950.

8. Рейнберг С. А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. — Москва. 1964.

9. Тагер И. Л. Рентгенодиагностика заболеваний позвоночника. Москва. 1983.

10. Шувалова Е. П. Инфекционные болезни. — Москва. 1990.

The article deals with new data on the incidence of brucellosis in the medieval Bosporus using the paleoanthropological material from the medieval burial ground of the Myrmekion, the territory of Kerch city (the author of the excavation is A. M. Butyagin, State Hermitage Museum, St. Petersburg). Two men aged 40-50 infected with brucellosis and had the chronic embodiment of the disease were identified. The discovery of the disease confirms the important role of cattle breeding in the agricultural structure of the population.

Key words: *Brucellosis; Bang's disease; Bruce's disease; Maltese Mediterranean Fever; cattle; Myrmekion.*

УДК 91.908 (477.75) “17”

Т. А. Прохорова

Несостоявшаяся поездка Иоганна Кристиана фон Струве в Керчь в 1792 г. (к вопросу изучения полуострова в конце XVIII века)

Изучение прошлого невозможно без анализа свидетельств минувших эпох. Огромный блок мемуарной и путевой литературы о Крыме не изучен в полном объеме. Среди них — путевые записки Иоганна Кристиана фон Струве, который посетил полуостров в конце XVIII в.

Ключевые слова: *путешествие; мемуары; Крым; Иоганн Кристиан фон Струве.*

В конце XVIII века политическая карта Европы менялась несколько раз. Россия, уверенно продвигаясь на юг, окончательно закрепилась на берегах Черного моря, а новым форпостом на южных границах империи стал Крымский полуостров. Таврика вызывала неподдельный интерес у чиновников, дипломатов, ученых и исследователей, осваивавших природный потенциал и ресурсы нового края, изучавших его историю и культуру крымских народов. Образованные и любознательные путешественники знакомились с богатейшим историческим прошлым полуострова и становились очевидцами того, что время пощадило, а завоеватели не успели разрушить. Сочинения путешественников, написанные во время или после визита в Крым, для современных исследователей бесценны, поскольку их независимый взгляд «извне» способен не только заполнить белые пятна в знаниях о Крыме, но и прояснить некоторые аспекты его истории. Многие сочинения до сих пор не переведены на русский язык, либо переведены не полностью, поэтому всестороннее изучение и введение их в научный оборот является основой дальнейшего развития науки о полуострове. Одному из таких сочинений, принадлежащее перу И. К. фон Струве, посвящено настоящее исследование.

После заключения между Россией и Турцией Ясского мира (29 дека-

бря 1791 г.) была подведена черта под длительным противостоянием двух держав в Черноморском регионе. Правила дипломатического этикета требовали от участников обмена ратификациями — для этой миссии со стороны России были назначены генерал-поручик М. И. Голенищев-Кутузов и белорусский генерал-губернатор Б. В. Пассек [Китицын, 1877, с. 504]. В составе экспедиции оказался и Иоганн Кристиан фон Струве (1768–1812), сын российского и немецкого дипломата при императоре Петре III — Антона Себастьяна фон Струве (1727/1729–1802) и Софии Фредерики Реймерс. Из числа их девяти детей сыновья Иоганн Кристоф Густав (1763–1828), Георг фон Струве (1766–1831), а также интересующий нас Иоганн Кристиан, как и отец, занимали дипломатические посты.

Российский мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786–1856) отмечал, что выходцы из рода Струве «исключительно и беспрерывно служат в дипломатической части России»; их «плодущая» и «многочисленная» династия состояла, по его словам, из людей «самых обыкновенных, никогда ниже, никогда выше посредственности, употреблять которых не бесполезно, а возвышать трудно» [Вигель, 1892, с. 114]. По словам Вигеля, Христиан Андреевич был маленького роста, худощавым, «тих нравом, нежен сердцем и пылок воображением». В 1805–1806 гг. он был переводчиком латинского языка в посольстве Ю. А. Головкина (1762–1846) в Китай, о чем также упомянул острослов Ф. Ф. Вигель в своих «Записках», приписав коллежскому асессору Христиану Струве отчество Андреевич. Автор считает его по-детски простодушным, исполненным религиозными чувствами, мечтательным, что может вызывать только сострадание [Вигель, 1892, с. 115]. Однако же фон Струве имел европейское образование, учился в Германии, в 1788 г. окончил университет Эберхарда-Карла (город Тюбинген), а через год — университет Эрлангена-Нюрнберга. Китайская миссия была для молодого человека не первой: в 1793 г. Струве отправился секретарем русского посольства М. И. Кутузова в Константинополь, тогда и родились его заметки о путешествии в Крым. В 1801 г. сочинение вышло на немецком языке [Struve, 1801], а в 1802 г. было переведено на английский [Struve, 1802] и французский языки. Струве решил скрыть свое авторство, а потому все издания были анонимными.

Миссия Иоганна фон Струве уже изучалась крымоведами. В 2012 г. Н. И. Храпунов выполнил аннотированный перевод отрывка из сочинения путешественника о Крыме и опубликован в сборнике «Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму» (Симферополь, 2012) [Храпунов, 2012]. Параллельно независимая работа велась автором настоящей статьи, результаты исследования были напечатаны в сборнике Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина «Актуальные проблемы отечественной и всемирной истории» (Харьков, 2012) [Прохорова, 2012].

Экспедиция, в которой участвовал фон Струве, действовала в Константинополе с 26 сентября 1793 г. по март 1794 г. Еще до начала миссии фон Струве побывал в Крыму. Путешественник выехал из Вены 30 августа 1791 г. и проследовал через Львов, Молдавию, Яссы, где пробыл до 9 (20) января 1792 г., а затем отправился в Крым. Маршрут пролегал через Перекоп, где в ожидании рекомендательных писем путешественник успел осмотреть окрестности. Автор ничего не говорит о крепости, вероятно, она осталась в стороне (по словам П, с. Палласа, побывавшего в Крыму двумя годами позже, она располагалась к востоку от ворот, устроенных на мосту через ров на перешейке), такое грандиозное сооружение наверняка бы привлекло внимание путников [Паллас, 1999, с. 21].

Далее дорога шла к Симферополю — резиденции губернатора. Путешественник называет его прежнее имя в несколько иной манере — Ахмет-чет (Achmet-schet) — вместо общепринят-

того Ак-Мечеть; вероятно, он подозревал, что город назван в честь одного из прежних турецких правителей. Там Струве был встречен генералом Чигулиным (Tschigulin), который разместил его в соседнем со своим доме. Речь идет о Семене Семеновиче Жегулине, о котором известно немного: генерал-майор (5 февраля 1790 г.), тайный советник, в 1789–1796 гг. был вторым правителем Таврической области (после В. В. Каховского в 1784–1788 гг.). Ему принадлежит авторство карты Симферополя 1795 г., которая была высочайше утверждена А. В. Суворовым. Путешественники остановились в центре Симферополя рядом с домом губернатора, так что Струве мог «видеть его часто, при каждой необходимости». Дом, о котором говорит автор, должен был располагаться в районе улицы Ленина г. Симферополя (дом губернатора локализуют по адресу ул. Ленина, 15) [Широков, 1983, с. 55].

Фон Струве решил воспользоваться представившейся возможностью и познакомиться с землями, которые «до сих пор имели слабое сообщение с другими регионами», и отправился в путешествие по Крыму [Struve, 1802, p. 21].

Из Симферополя, который произвел на него впечатление большой деревни, нежели города со статусом правительственного центра, фон Струве направился в Севастополь. Он выехал в сопровождении русскоязычного гида, проехал через долину реки Альма и прибыл в Бахчисарай, древнюю резиденцию крымских ханов. Путешественник посетил «еврейскую крепость» (Чуфут-кале), предположив, что евреи уединились в этой долине, чтобы избежать нетерпимости, которую демонстрируют все без исключения по отношению к их расе [Struve, 1802, p. 28]. К вечеру фон Струве вернулся в Бахчисарай, где для него уже была подготовлена комната в Ханском дворце. Автор отметил, что здесь «путник встречает контраст»: дворец имеет экстерьер крепости, окруженной рвами, но внутреннее убранство напоминает превосходные апартаменты, с турецким дамаском на диванах, бассейнами ханского Сераля (гарема), окнами с витражами. Рядом располагалась главная мечеть татар, а за ней — «место, где все древние ханы были похоронены» [Struve, 1802, p. 29].

Увлеченный поездкой, фон Струве на следующий день отправился вглубь полуострова, наблюдая множество татарских деревень, «следуя за многочисленными ручейками и разыскивая стада на яйлах Крыма». Прогулявшись по окрестностям Бахчисарая, которые он окрестил «крымской Аркадией», путешественник решил продолжить путь в Севастополь, но прежде осмотрел внушительные руины селения в окрестностях, некоторые «древние замки и прочие памятные места, которые свидетельствуют о процветании этих мест во время генуэзского владычества». Неслучайно фон Струве говорит о «прочих памятных местах», поскольку местность эта богата памятниками истории — там расположены пещерный город Мангуп и пещерный монастырь Челтер-Коба. Расцвет генуэзского владычества в Крыму приходится на XIII–XV вв., когда сформировались крупные итальянские торговые центры в Каффе, Солдайе, Керсоне и Чембало. В окрестностях Бахчисарая, о которых пишет автор, существовали селения, история которых также имеет страницы генуэзского присутствия. Это села Сююр-таш и Фоти-сала (с 1945 г. — Белокаменное и Голубинка, соответственно), в них после турецкого завоевания 1475 г. жили потомки итальянцев, получивших здесь земельные владения от Менгли-Гирея. Будучи дипломатами при ханском дворе, генуэзцы имели ряд привилегий, в том числе право на свободное вероисповедание и строительство храмов. В Сююр-таше был построен храм во имя Святого Апостола Иоанна [Гайворонський, 2012; Гайворонский, 2008]; в нем служил монах-францисканец, о котором писал М. Броневский [Броневский, 1867, с. 345].

Далее дорога фон Струве пролегла через горы вдоль «ручейка» Бельбек.

Через несколько часов пути он добрался до Севастополя. Автор, как и прочие визитеры, пророчил городу славу величайшего порта во всей Европе. Ему посчастливилось застать несколько военных кораблей на рейде и даже подняться на борт одного их них. Одна часть Севастополя находилась на холме, что напомнило путешественнику Неаполь, остальной город лежал у подножия этого холма, усеянного виноградниками и загородными имениями. Древности Херсонеса, Инкермана и Балаклавы остались без внимания вояжера.

Вернувшись в Симферополь, фон Струве просил у губернатора разрешение организовать для него еще одну экскурсию по Крыму. Жегулин не мог отказать путешественнику в этом удовольствии, и фон Струве отправился в Судак. Переночевав в Зуе, путники прибыли в Карасубазар. Интересно, как автор изменяет названия селений — по аналогии с Ахмет-четом Карасубазар превращается у него в Карабазар, меняя смысловую нагрузку своего названия (Карасубазар — «базар у черной воды», Карабазар — «черный базар»). В Судаке путешественника поразила крепость, которую он относит к генуэзскому времени (по его оценкам, «несколько столетий назад») [Struve, 1802, p. 36–37]. На следующий день путники отправились в Старый Крым, от которого, как считает автор, происходит название всего полуострова. Здесь располагалась резиденция архиепископа Тавриды, который жил во дворце, выстроенном для царицы, когда она совершила вояж на юг. В Старом Крыму автор сочинения видел дом «преосвященного Моисея», феодосийского и мариупольского епископа. Моисей Гумилевский служил на кафедре в Феодосии, которая была выделена еще в 1775 г. из епархии Словенской и Херсонской. Небольшой заштатный городок, население которого состояло из татар, — таким рисуют исследователи Старый Крым, в котором резиденция главы Феодосийской кафедры могла располагаться в миссионерских целях [Сергеев, 1909, с. 214]. Из Старого Крыма путешественники отправились в Феодосию, которая в прежние времена была цветущей колонией: она располагалась на берегу моря, имела удобный маленький порт, укрепленный строениями, часть которых сохранилась [Struve, 1802, p. 38]. Из Феодосии путешественник вернулся в Симферополь, отмечая, что по пути ему не встретилось ничего примечательного. Завершить свою вторую экскурсию фон Струве решил подъемом на Чатырдаг.

Губернатор предлагал фон Струве осмотреть Керчь и Еникале, и путешественник соблазнился славой Митридата, резиденция и гробница которого находилась именно там. Поездка в Керчь была для него заманчивой, его привлекали курганы, разбросанные по степи. Насыпи их он посчитал остатками языческих храмов, посвященных римским божествам Нептуну и Диане, которые были прототипами греческих Посейдона и Артемиды и имели особую силу в Крыму. Связь курганов, как ритуальных сооружений, с этими божествами легко можно проследить по аналогиям: Нептун, берущий корни в этрусском пантеоне, первоначально почитался как покровитель подземных вод, плодородия и подземного царства. Ввиду этого связь курганов с Нептуном вполне очевидна [Наговицын, 2000]. Роль Дианы в пантеоне Тавриды является если не основной, то центральной: она была верховным божеством херсонеситов, которые называли богиню Девой. Жители каждой древнегреческой области наделяли одно и то же божество различными функциями: в Аркадии Диана была покровительницей гор, лесов и ручьев, в Херсонесе — кровожадной и беспощадной охотницей, которая появилась в результате синкретизма культов Артемиды, Ифигении и местной таврской богини. Херсониты построили ей святилища и храм, поиски которого ведутся учеными с XIX века. Его остатки, как полагают, расположены на мысе Фиолент в окрестностях Георгиевского монастыря; его искали также возле поселка Партенит и в Херсонесе. Храмы

божествам часто строили на возвышенностях: первый в истории храм Диане был возведен этрусским царем Сервием Туллием на Авентинском холме (т. е. возвышенности); в греческой Аркадии стоял храм Диане на холме Артемисион, который описан у Павсания [Павсаний, 2002, т. 2, с. 161]. В сущности, автор «Описания Эллады» Павсаний упоминает несколько храмов Артемиде-Диане в Аркадии, в том числе на могиле Каллисто, где был высокий курган (благодаря этим аналогиям предположения фон Струве видятся вполне рациональными и небезосновательными) [Павсаний, 2002, т. 1, с. 135–136].

Однако третья поездка так и не состоялась — путешественнику надлежало возвращаться в Польшу, дабы возглавить русскую армию, расквартированную там. Единственное место, которое ему удалось напоследок посетить, было имение барона Карла Яковлевича Бюлера (1749–1811) недалеко от Симферополя [Половцов, 1908], а по дороге к нему — Карасубазар и имение Станислава Францевича Годлевского (1755–1806) в Кишлаве [Struve, 1802, p. 45] (несуществующее ныне селение на территории современного Белогорского района). Название села встречается в «Камеральном Описании Крыма» 1784 г., в котором упоминается Кышлав-Баши в составе Карасубазарскго кадылыка Карасубазарского каймаканства [Лашков, 1888, с. 48]. После присоединения Крыма к России деревня была приписана к Левкопольскому уезду Таврической области. В таком статусе его застал Франсиско де Миранда, путешествовавший по России в 1786–1787 гг. С 1792 по 1802 г. селение входило в Акмечетский уезд Новороссийской губернии и окончательно опустело вследствии эмиграции татар в Турцию. На военно-топографической карте 1817 г. деревня не значится, а на карте 1842 г. обозначена как «малая деревня», то есть, менее 5 дворов.

Из Симферополя путники выехали в Польшу 12 (23) июня 1792 г., завершив 4-х месячное пребывание в Крыму.

Конец XVIII в. ознаменован для Крыма рядом изменений — политических, экономических, социальных. Главным событием, несомненно, было то, что из вассала Османской империи Крымское ханство превратилось в независимое, что, в свою очередь, сменилось подданством Российской империи. Это активизировало деятельность тайных дипломатических миссий, как иностранных, так и отечественных. Изучая политическую обстановку, послы фиксировали облик Крыма того времени, в том числе и памятники древности.

Иоганн Кристиан фон Струве, посетивший полуостров в 1792 г., совершил три поездки вглубь Крыма и описал исторические места в Бахчисарае и его окрестностях, Судаке, Феодосии. Несмотря на то, что его сведения поверхностны и могут «почитаться более как упоминания, нежели описания», они все же составляют важный комплекс свидетельств, которые пополняют копилку знаний о Крыме.

---

1. [Броневский М.]. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. 6. 1867. С. 333–367.

2. Вигель Ф. Ф. Посольство в Китай // Записки Филиппа Филипповича Вигеля: В 2 ч.: Издание «Русского Архива» (с подлинной рукописи). Ч. 2. М., 1892, с. 102–122.

3. Гайворонський О. Колонія Ґенуезьких біженців у Кримському Ханаті // Майдан: Статті: [Электронный ресурс]. Точка доступа: http://maidan.org.ua/static/krymmai/1171104446.html. (Дата обращения: 23.05.2012).

4. Гайворонский А. Генуэзцы в Крымском ханстве // Qasevet: Историко-этнографический журнал. № 33. 2008, с. 8–13.

5. Китицын П. Проезд через Екатеринославское наместничество турецкого посольства в 1793 году // ЗООИД. 10. 1877. Отд. 3, с. 504–506.

6. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма 1784 г. // ИТУАК. 6. 1888, с. 36–63.

7. Наговицын А. Е. Мифология и религия этрусков. М., 2000. 496 с.

8. Павсаний. Описание Эллады: В 2 т. / Пер. с древнегреч, с. П. Кондратьева. М., 2002. Т. 1; 2.

9. Паллас П, с. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничества Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. 246 с.

10. Половцов А. А. Бюлер // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 3. СПб., 1908, с. 694–696.

11. Прохорова Т. А. Дипломатическая миссия Иоганна Кристиана фон Струве в Крым: К вопросу изучения полуострова в конце XVIII века) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вып. 15. Харьков, 2012, с. 142–150.

12. Сергеев А. Н. Смерть Моисея (Гумилевского), епископа феодосийского и мариупольского // РС. 137. 1909, с. 213–217.

13. Храпунов Н. И. Крым в 1792 году в описании Иоганна-Кристиана фон Струве // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Серия: Межкультурный диалог: История и современность. Вып. 2. Симферополь, 2012, с. 34-50

14. Широков В. А., Широков О. В. Симферополь: Улицы рассказывают. Симферополь: Таврия, 1983. 204 с.

15. Struve J. Ch., von. Reise eines jungen Russen von Wien uber Jassy in die Crimm und ausfuhrliches Tagebuch der im Jahr 1793 von St. Petersburg nach Constantinopel geschickten Russisch-Kaiserlichen Gesandtschaft. Gotha, 1801. 314 p.

16. Struve J. Ch., von. Travels in the Crimea: a history of the Embassy from Petersburg to Constantinople in 1793, including their journey through Krementschuck, Oczakow, Walachia & Moldavia with their reception at the court of Selim the Third. London, 1802. 393 p.

Список сокращений

ИТУАК — Известия Таврической ученой археографической комиссии (Симферополь)

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)

РС — Русская старина (Санкт-Петербург)

Studying of the past is impossible without an analysis of past evidences. A huge block of memoir and travel literature about the Crimea has not been studied yet. Among them are the travel notes of Johann Christian von Struve, who visited the Crimea in the late XVIII century.

Key words: *travel; memoirs; the Crimea; Johann Christian von Struve.*

УДК 904

П. Г. Столяренко, А. М. Михайлов

К топографии некрополя Парфения

В статье приведен обзор археологических работ, проводимых в различные годы на территории некрополя у пос. Опасное, в том числе работы последних лет одного из авторов. Рассматриваются основные типы и хронология выявленных погребений, уточняются границы некрополя, его характер.

Ключевые слова: *некрополь; городище Парфений; грунтовое погребение; склеп; гряда у поселка Опасное.*

Парфений считается одним из наименее изученных городов Европейского Боспора. Еще меньше нам известно о некрополе городища. Достаточно сказать, что целенаправленно могильник никогда не исследовался, более того, его локализация по сей день остается малоизвестной и спорной. Систематизация материалов исследований прошлых лет, а также исследований, проведенных в последние годы, позволяют уточнить место расположения некрополя и прийти к определенным выводам относительно топографических особенностей его расположения, пространственного развития, границ и хронологии.

Первым из исследователей о Парфении[1] и его некрополе упоминает К. Э. Гриневич, проводивший разведки в северо-восточной части Керченского полуострова в 1920-е гг. [Гриневич, 1927, с. 51]. Описывая развалины городища, он лишь отмечает: «С запада городище граничит с некрополем, непосредственно к нему примыкающем». В последние годы были проведены исследования территории, расположенной западнее городища, в результате которых это свидетельство не нашло подтверждения. В ходе разве-

[1] Имеется в виду место традиционной локализации Парфения у северной окраины пос. Опасное.

док 2009 г., в непосредственной близи от городища, к западу и северо-западу, выявлено обширное скопление керамики конца V — III вв. до н. э. [ВКИКМЗ. Оп. 2, № 2001, с. 9-10]. Охранными исследованиями экспедиции 2011 г., под руководством Ю. Л. Белика, на этой территории выявлены культурные остатки обширного поселения, являющегося ближайшей сельскохозяйственной округой Парфения [ВКИКМЗ. Оп. 2, с. 14-15]. Хотя культурные горизонты поселения были уничтожены плантажной распашкой под виноградники в 1970е гг., данное обстоятельство исключает возможность существования на этом месте некрополя городища в конце V — III вв. до н. э. Впрочем, захоронения других периодов здесь также не выявлены.

Спустя два с небольшим десятилетия, в 1948 г., городище повторно было открыто В. В. Веселовым, который также идентифицирует его как Парфений [Веселов, 2005, с. 15]. Еще через год на городище впервые проводятся исследования отрядом Боспорской археологической экспедиции под руководством Е. Г. Кастанаян [Кастанаян, 1958]. Никаких сведений о некрополе, который можно было бы соотнести с городищем, автор не приводит.

Первые находки, отождествленные с некрополем Парфения, были сделаны В. В. Веселовым во время строительства Комсомольского резервуара для воды в начале 1950-х гг. Место находки расположено в 700 м к северо-западу от крепости Ени-Кале, на гребне хребта, возвышающегося над пос. Опасное, к юго-западу от городища Парфений. В ходе закладки котлована под резервуар и траншеи водопроводной линии, здесь в период с 1950 по 1953 г., В. В. Веселовым были найдены две фрагментированные известняковые стелы первого века н. э. [Веселов, 1959, с. 231; Чуистова, 1959, с. 247-248; КБН, 1965. № 896]. Он предполагал, что стелы использовались вторично, для обкладки или перекрытия могилы, и что вблизи места находки располагался и более древний участок могильника, отнесенный им к Парфению. Кроме того, им описано еще одно, происходящее с этой же гряды надгробие, сданное в музей в 1950 г. [Веселов, 1959, с. 231]. В пределах этого же гребня найдены обработанные известняковые плиты могил и склепов, фрагмент сосуда с краснофигурной росписью в виде головы и передней части туловища быка и Посейдона с трезубцем, золотая серьга и фрагменты костей черепа [Веселов, 1959, с. 231-232]. Тут же он описывает несколько небольших курганов, частично разрушенных во время Великой Отечественной войны, высеченную в скале могилу и «пещерообразное» углубление в нескольких десятках метров к юго-востоку от строящегося резервуара [ВКИКМЗ Оп. 5. № 34-2, с. 27].

Описанные В. В. Веселовым частично разрушенные курганы отмечены на ряде топографических карт, например, карте 1775 г.[2] (рис. 1), также они видны на рисунке Г. Дякина, опубликованном в 1960-1970-х гг. в одной из керченских газет, с заметкой о благоустройстве пос. Сипягино (рис. 2).

Выявленные остатки В. В. Веселов соотносил с некрополем «позднего» Парфения, который, по его мнению, в первых веках н. э., после обмеления Еникальского лимана, «постепенно смещался в сторону Еникальского мыса [ВКИКМЗ Оп. 5. № 34-2, с. 27].

Другой участок, вероятно, того же некрополя, обнаружен В. В. Веселовым в 1952 г. в западной части этого хребта, «в 400 м к западу от северной окраины поселка Опасное, у небольшого разрушенного кургана вблизи территории поселения эпохи бронзы» [Веселов, 2005, с. 15, № 20]. Описывая собранный подъемный материал, он упоминает фрагменты чернолаковой посуды и фрагмент горла гераклейской амфоры

[2] Авторы выражают признательность Ю. Л. Белику за предоставленный картографический материал.

Рис. 1. Карта с показанием границы, отведённой к Еникале и Керчи. 1775 г. (РГВИА СССР. ф. 349, оп. 18, № 10)

Рис. 2. Вид на поселок Опасное и гряду над ним с северо-востока. Рисунок Г. Дякина, 1970-е годы

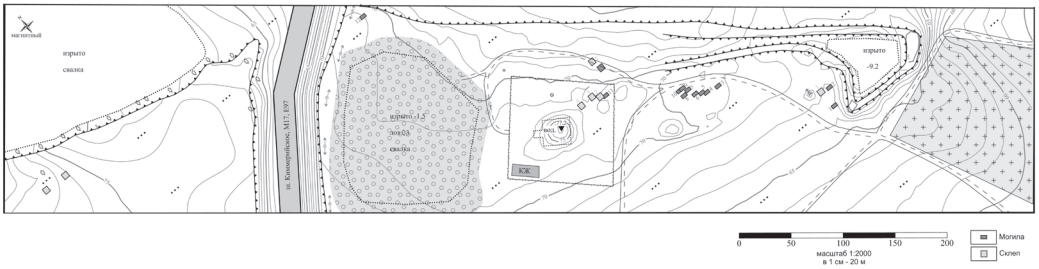

Рис. 3. Топографический план некрополя Парфений

с клеймом. Веселовым было высказано предположение, что этот некрополь «сливается» с некрополем, выявленным им у Комсомольского резервуара для воды [Веселов, 2005, с. 16]. Позже, в 1970-е гг., гряда была прорезана трассой автодороги, ведущей к переправе (Киммерийское шоссе), разделившей могильник на 2 участка глубокой врезкой в материковую скалу. Гребень и северный склон части хребта, примыкающей к автодороге с запада, был срезан карьером, вероятно, уничтожившим погребения в этом месте. Уцелевшая часть некрополя, расположенная у высоты 79.6 в западной части хребта, в силу этих обстоятельств оказалась на удалении 300 м от основной восточной и центральной его частей. В первой половине 1990-х гг. этот западный участок подвергся активному разграблению, полностью или частично было вскрыто около 20 погребальных сооружений, в том числе и склепов.

В 1995 г. экспедицией Керченского музея под руководством А. Е. Кислого, были проведены небольшие охранные исследования этого участка [Кислый, Куликов, 1997, с. 67], получившего наименование «некрополь Каменка». Этими работами исследованы два нарушенных плитовых склепа и два грунтовых погребения позднеэллинистического времени, а также доследованы остатки нарушенной грабителями тризны.

В 1991 г. в восточной части этого же возвышения над пос. Опасное С. А. Шестаковым исследован подбойный склеп [ВКИКМЗ. Оп. 5. № 137, с. 5-8]. Склеп был выявлен на территории воинской части при проведении земляных работ по устройству площадки для стоянки самолетов. При расчистке бульдозером площадки до уровня скального материка произошло обрушение кровли склепа, однако, до начала археологического исследования, в склеп проникли неизвестные, нарушившие кости, вероятно, похитившие часть инвентаря.

По свидетельствам, до проведения работ над склепом существовала курганообразная насыпь высотой 0,5 — 1 м. Камера склепа устроена в породе мягкого ракушечника, дромос примыкает к ней с юга. Погребальная камера, прямоугольная в сечении, ориентирована перпендикулярно по отношению к дромосу. В западной, северной и восточной стенах камеры имелись лежанки, высота камеры достигала 1,75 м.

Функционирование склепа датировано исследователем в пределах II-III — IV-VI вв. н. э. Основанием для датировки послужили остатки погребального инвентаря — два фрагментированных стеклянных бальзамария II-III вв. н. э., а также фрагменты стенки ребристой круглодонной амфоры типа 98 [Зеест, 1960, с. 120] IV-VI вв. н. э., найденной на поверхности пола дромоса.

В начале 1990-х гг., при устройстве расположенной здесь воинской частью площадки для размещения самолетов, на отдельных участках хребта, в пределах его центральной и особенно восточной частей, культурный слой некрополя был снят до уровня материковой скалы. В результате этих работ оказались нарушены как рядовые захоронения, так и склепы различных конструкций.

Разведывательные работы на этой территории проводятся под руководством одного из авторов с 2009 года. В ходе визуального осмотра площади некрополя, выявлен ряд новых погребальных сооружений (рис. 3), среди которых более десятка грунтовых вырубленных в скале могил, 3 склепа с пещеровидными камерами и 2 склепа, сложенных из блоков. Также обследовано несколько десятков оплывших грабительских ям, которые, судя по фрагментам плит перекрытия, выбросам керамики и костных остатков на отвалах, можно с большой долей вероятности связать с погребениями.

В результате сбора подъемного материала и нанесения его на общий план территории некрополя удалось установить, что в центральной и восточной частях гряды, на участке между врезкой автодороги «Киммерийское шоссе» и карьером в восточной части хребта,

концентрируются, в основном, захоронения классического и эллинистического времени. Среди прочего подъемного материала этих периодов в 2009 году в центральной части некрополя собраны остатки нарушенной грабительским перекопом тризны. Она представлена фрагментами чернолаковых и буролаковых канфаров, рыбных блюд, тарелок и мисок, а также красноглиняной посуды открытых форм.

В 2010 г. на этом же участке, в 50 м к северу от насыпи резервуара, был исследован один из двух, выявленных в полотне грунтовой дороги, блочных склепов. Несмотря на плохую сохранность, установлено, что склеп имел двухкамерную конструкцию. Основания его нижних блоков были установлены на уровень материковой поверхности. Судя по всему, склеп должен был иметь курганную насыпь, которая могла быть срезана вместе с верхней частью склепа в ходе устройства резервуара воды или площадки для стоянки самолетов. Общий анализ материала и конструкции склепа позволяет датировать его постройку концом IV — первой половиной III в. до н. э., а время его функционирования — до начала — середины II в. до н. э.

Погребения римского периода, судя по подъемному материалу с отвалов грабительских ям, сосредоточены в юго-восточной части гряды, вблизи карьера и на территории поселкового кладбища. Исключение составляют 3 склепа с пещеровидными, частично обрушенными камерами, видимыми в 15 — 30 м восточнее насыпи резервуара.

Из приведенного выше описания обширного некрополя, выявленного на хребте гряды над поселком Опасное, с разновременными курганно-грунтовыми захоронениями можно сделать заключение, что он должен принадлежать значительному поселению, существовавшему на протяжении почти всей античной эпохи. Некрополь располагается приблизительно в 750 — 1000 м в юго-западном направлении от городища, отождествляемого с Парфением. Между городищем и некрополем существует безымянная пересыхающая балка, выполнявшая в представлениях древних функцию водной преграды и отделявшая Парфений от «города мертвых». Общая площадь некрополя вытянута узкой полосой по гребню возвышенного хребта более чем на 900 м, ориентированного по направлению ВЮВ–ЗСЗ. Гребень имеет довольно крутой северо-восточный склон, обращенный к городищу и пологий южный, переходящий, практически, в плато. С территории городища гребень этой гряды, на котором некогда располагалась группа курганов, является видимым горизонтом, ограничивая с юго-запада ближайшую сельскохозяйственную территорию Парфения.

1. Веселов В. В. Древние городища в районе Сипягино (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // АИБ т. I. Симферополь, 1952, с. 227-238.

2. Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова. // СА. М., 1959, с. 227-244.

3. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Suppl. II. М., 2005. 264 с.

4. Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова. // ИТОИАЭ. Т. I (58). Симферополь, 1927, с. 47-52.

5. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА № 83. М. 1960. 180 с.

6. Кастанаян Е. Г. Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА № 85. М-Л., 1958, с. 254-265.

7. Кислый А. Е., Куликов А. В. Работы Керченской экспедиции. // Археологические исследования в Крыму. 1995 год. Симферополь 2007, С. 67.

8. Корпус боспорских надписей. Л., 1965. 951 с.

9. Чуистова Л. И. Новые находки из некрополей Керченского полуострова // МИА 69. Некрополи боспорских городов. М-Л., 1959, с. 239-250.

Список сокращений

АИБ — Археология и история Боспора
ВКИКМЗ — ГБУ «Восточно-крымский историко-культурный музей-заповедник»
ДБ — Древности Боспора
ИТОИАЭ — Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология

The article provides an overview of archaeological work conducted in different years in the territory of the necropolis near the village of Opasnoye, including the works of recent years, carried out by one of the authors. The basic types and chronology of the discovered burials are described as well as specified borders and the nature of the necropolis.

Key words: *necropolis; Parthenium; ground burial; crypt; a ridge near the village of Opasnoye.*

УДК 904

В. Л. Строкин

Несколько штрихов к нумизматике Пантикапея IV в. до н.э.

Автор высказывает несколько критических замечаний в адрес статьи А. Е. Терещенко [2013] и приводит доводы в пользу существования I периода меди в чеканке Пантикапея (ок. 405–390 гг. до н.э.), который был спровоцирован тяжёлым финансовым кризисом на Боспоре в конце V в. до н.э. и аналогичными денежными реформами Афин 406/5 и 393/2 гг. до н.э.

Ключевые слова: *Боспор; Пантикапей; монетная чеканка; Сатир; Левкон.*

Настоящие тезисы во многом являются ответной реакцией на недавнюю статью А. Е. Терещенко [Терещенко, 2013], где была предпринята попытка «по-иному взглянуть на… абсолютную и относительную датировки пантикапейской чеканки IV в. до н. э., а также состав монетных серий» [Терещенко, 2013, с. 102–103]. Однако эту попытку трудно назвать удачной, поскольку целый ряд воззрений исследователя и предложенная им хронология монетных серий представляются либо ошибочными, либо, как минимум, дискуссионными.

Уже в первом абзаце А. Е. Терещенко коренным образом пересматривает общепринятую периодизацию: монеты IV в. до н. э. он относит «к первому этапу пантикапейской чеканки классического периода (sic!). По принятой на сегодняшний день в отечественной нумизматике хронологической шкале данный период охватывает довольно значительный временной промежуток, длившийся с рубежа 90-х годов IV в. до н. э. вплоть до последнего десятилетия II в до н. э.» [Терещенко, 2013, с. 103]. Для справки: до сих пор во всём мире принято отсчитывать классический период «от битвы при Марафоне (в 480 г. до н. э. — В. С.) до завоеваний Александра Македонского» [Зограф, 1951, с. 95].

В первую серию («Пан-1») А. Е. Терещенко включает две разнотипные монеты из разных металлов: серебряный диобол с «головами бородатого сатира в венке

и барана» (Рис. 1. 7) и медную монету с «головами бородатого сатира в венке и осетра» (Рис. 1. 14) [Терещенко, 2013, с. 103]. Если В. А. Анохин оставил аналогичный шаг без комментариев [Анохин, 1986, с. 139, № 80–81], то А. Е. Терещенко ссылается на «идентичность аверсного рисунка», а также на то, что «реверсы серебряных и медных монет серии Пан-1 представляют собой, по сути, копию реверса… серии с изображением головы барана и осетра, разбитую на две части» [Терещенко, 2013, с. 103].

Между тем, сам факт наличия (или отсутствия) венка не может служить хронологическим индикатором — достаточно указать на близкую по времени серию монет Пантикапея с «озирающимся львом» на реверсе (Пан-4, по А. Е. Терещенко [Терещенко, 2013, с. 111–112]), где представлены головы сатиров как с венком (гемидрахма, обол — Рис. 1. 19), так и без оного (гемиобол — Рис. 1. 20, 21[1]). Кстати, эта серия наглядно демонстрирует бытовавшие на Боспоре в конце VI — первой половине IV вв. до н. э. базовые принципы разграничения денежных эмиссий: монеты различных номиналов, входившие в одну серию, наделялись идентичными (вплоть до начала IV в. до н. э.), или аналогичными реверсными сюжетами: фигура животного, его протома[2]. Этот факт прямо указывает на то, что в лице серебряных монет с «головами сатира и барана» — гемидрахмы (Рис. 1. 6)[3] и диобола (Рис. 1. 7) — и медной монеты с «осетром» мы имеем две самостоятельные эмиссии серебра и меди, чем, к слову сказать, обессмысливается второй «довод» А. Е. Терещенко. Что до хронологии, то, как метко подметил Д. Б. Шелов, диоболы выпускались только в V в. до н. э., тогда как в следующем столетии основным номиналом серебра становится триобол / гемидрахма вследствие произошедшего около рубежа веков перехода монетной системы Пантикапея с шестеричного деления серебряного статера / дидрахмы на четверичный [Шелов, 1956, с. 115]. Отсюда следует, что серебряные монеты с «головами сатира и барана» (Рис. 1. 6, 7) выпускались в конце V в. до н. э.

Сказанное равным образом касается и серии «Пан-2», где А. Е. Терещенко вновь сводит воедино разнотипные серебро с «головами сатиров и льва» (где опять же есть диобол — Рис. 1. 5) и медь с «головами сатира и барана» и «головами сатира и коня» (Рис. 1. 10–12) [Терещенко, 2013, с. 108]. Похоже, исследователю неизвестен и тот факт, что монеты с «конём» выпускались в двух номиналах, причём метрологические параметры младшего из них и медных монет с «бараном» (как, впрочем, и с «осетром») практически идентичны (ср.

---

[1] А. Е. Терещенко по ошибке «увенчал» плющом головы сатиров на гемиоболе и «тетартемории», и, вслед за В. А. Анохиным [Анохин, 1986, с. 140, № 107], считает гемиоболами монеты с протомой озирающегося льва и буквами ΠΑΝ под чертой на реверсе, а без черты — тетартемориями [Терещенко, 2013, с. 112]. Однако с последним тезисом нельзя согласиться. Дело в том, что для надежного визуального определения мельчайших номиналов на Боспоре издавна существовала практика наделения тетартемориев особым лицевым типом: муравей или ворон. Поэтому в данном случае перед нами, очевидно, — две разновидности гемиоболов.

[2] Единственное исключение из этих правил дают золотые статеры Пантикапея, сохранившие свой первозданный облик (не считая мелких деталей) до конца их чеканки. По мнению А. Е. Терещенко, выпуск золота I группы («серия Пан-3») «приходится на начало 70-х годов IV в. до н.э., завершение — приблизительно на конец 70-х годов IV в. до н.э. (может быть, 378–372/1 гг.)», а «начало чеканки 2-й серии статеров («серия Пан-5» — В.С.)… примерно на 358/357 г. до н.э. или даже чуть позже» [Терещенко, 2013, с. 111, 114]. Здесь возникает резонный вопрос о причинах длительного (почти 15-летнего!) перерыва в золотой чеканке Пантикапея, приходящегося как раз на «золотой век», т.е. на период величайшего расцвета Боспорского государства [см.: Завойкин, 2004, с. 65–66]. Причем и без того мизерную вероятность существования тогда какого-либо перерыва фактически сводит к нулю наличие общего реверсного штемпеля у статеров I и II групп [Зограф, 1951, с. 176].

[3] Оставшейся незамеченной А.Е. Терещенко и другими нумизматами. Вес данного полностью очищенного от патины экземпляра 1,91 г [bosporan-kingdom.com]. Кроме того, А. Е. Терещенко известен экземпляр весом 2,01 г [Терещенко, 2013, с. 103], что позволяет уверенно усматривать в обеих монетах гемидрахмы.

Рис. 1. 10, 12, 14) [см.: Строкин, 2011, с. 86; Терещенко, 2013, с. 103, 108]. Если учесть, что из трёх видов ранней меди Пантикапея (признаваемых таковой А. Е. Терещенко [Терещенко, 2013, с. 103, 108]) два не имеют аналогов в его серебряной чеканке, а параллельный выпуск разнотипных монет одного и того же достоинства полностью исключён, то получается, что медные монеты с головами сатира на аверсе и с головами барана, коня и осетра на реверсе выпускались *последовательно* и, стало быть, традиционную их классификацию (вместе с разнотипным серебром), поддержанную А. Е. Терещенко, следует признать ошибочной. Если сюда присовокупить наличие длительного перерыва в медной чеканке Пантикапея, имевшего место ориентировочно во второй половине правления Левкона I [Шелов, 1956, с. 103], а также две заведомо боспорские (очевидно, аполлонийские) медные монеты — с «головой льва в фас и буквами А-П» и с «муравьём» на аверсе [Фролова, 1996, с. 67, табл. XII. 18, 19] (которые А. Е. Терещенко упорно игнорирует, невзирая на то, что последний лицевой тип бытовал только на Боспоре [Шелов, 1956, с. 16]), — этим выявляется факт эпизодического существования здесь при Сатире I (когда выпускались последние серии монет с головой льва в фас и с муравьём) [Шелов, 1956, с. 23] сугубо медного эмиссионного периода.

Здесь как бы сам собой напрашивается вывод о тяжёлом финансовом положении Пантикапея в конце V в. до н. э., выразившемся в остром дефиците серебра, причём, делая его, я «апеллирую» отнюдь не к работе Ф. В. Шелова-Коведяева (как утверждает мой оппонент [Терещенко, 2013, с. 106], а предлагаю лишь сравнить: «(ср.: Шелов-Коведяев. 1985, с. 117–119)» [Строкин, 2011, с. 86]), но к вполне обоснованному мнению А. А. Завойкина о предпринятой тогда Сатиром масштабной военной экспансии на обеих сторонах Керченского пролива [Строкин, 2011, с. 85]. Если также учесть агрессивные действия Спартокидов в Синдике и Феодосии в начале IV в. [см.: Завойкин, 2004, с. 64], то вряд ли нуждается в дополнительной аргументации то, что эта длинная череда военных конфликтов, с одной стороны, быстро опустошила казну Пантикапея, а с другой — надолго привела к значительному сокращению его бюджетных доходов вследствие упадка хозяйственной и внешнеторговой деятельности. Судя по вышеозначенным нумизматическим данным, выход из этого финансового кризиса Сатиру подсказала радикальная денежная реформа Афин — главного внешнеторгового партнёра Пантикапея той поры, — где в 406/5 г. до н. э. были временно (вплоть до 393/2 г.) введены в обращение медные монеты (взамен серебряных), официально приравненные к старому серебру [Head, 1911, p. 373]. Понятно, что введение в оборот заведомо неполноценных монет, а по сути дела, дензнаков предоставляло редкую возможность для решения многих хозяйственных проблем минимальными средствами, и в то же время направлять львиную долю поступавшего извне серебра на военные нужды. Совокупность этих сведений позволяет прийти к следующему категорическому заключению: около 405 и 390 гг. до н. э. на Боспоре имели место денежные реформы, проведенные по афинскому «сценарию», соответственно Сатиром I и Левконом I, правда, с той лишь разницей, что быстро девальвировавшая медь не изымалась из денежного обращения и в дальнейшем исполняла роль мельчайших номиналов серебра (тетартемориев и гемитетартемориев). Об этом красноречиво свидетельствует отсутствие этих номиналов серебра в эмиссионной практике Пантикапея при Левконе I и его преемниках. Отсюда вытекает, что старший номинал монет с «конём» является гемидрахмой, а младший — диоболом. И соответственно, диоболами являются все прочие типы ранней меди Пантикапея (и Боспорской Аполлонии с «головой льва и буквами А-П»), за исключением обола с «луком тетивой вверх» (и тетартемория Боспорской Аполлонии с муравьём на аверсе).

Рис. 1. Монеты конца V — первой половины IV вв. до н.э. (увеличены вдвое); Пантикапей: 1, 2, 4–21. Саммас (Нимфей): 3; серебро: 1–8, 18–21; медь: 9–17

С весьма неординарной критикой приведённых соображений выступил А. Е. Терещенко: «…все построения В. Л. Строкина выглядят как игры праздного ума, чрезвычайно далекие от существовавших реалий. Вместе с тем предположение о возможной корреляции пантикапейского монетного дела с афинским… представляется вполне перспективным» [Терещенко, 2013, с. 106]. Поскольку перед нами — два взаимоисключающих вердикта, то, «по законам жанра», их автору следовало бы определиться в оценках. Суть предъявляемых мне претензий состоит в том, что «В. Л. Строкин совершенно произвольно приписывает к трём ранним типам медных монет ещё два, «выдернув» последние из эмиссии второй половины IV в. до н. э… Если всё обстояло так, как предполагает исследователь, то почему до сих пор неизвестно ни одного, даже небольшого клада, который бы состоял из меди указанных типов, тем более, что на их чеканку В. Л. Строкиным отводится целых пятнадцать лет?» [Терещенко, 2013, с. 106]. Что ж, попытаемся оценить, насколько оправданы эти претензии и приложенный к ним вопрос.

Не секрет, что клады располагаются на хронологической шкале весьма неравномерно — это, во-первых. Во-вторых, клады далеко не всегда способны внести желаемую ясность в вопрос о

датировке входящих в них монет — так, из самого факта присутствия вышеупомянутых монет с «конём» (датируемых А. Е. Терещенко «387 г. или 384–378 гг.» [Терещенко, 2013, с. 110]) в кладах времени Митридата VI Евпатора (2003 г. с п. Соленый 3 и 2007 г. из «Аллеи курганов» близ Фанагории) отнюдь не следует вывод об их чеканке в конце II — начале I вв. до н. э. В-третьих, именно эта эмиссия занимает основную часть примерно 15-летнего I периода меди [Строкин, 2012, с. 401–402], тогда как все прочие виды ранней меди Пантикапея (см. ниже) отличаются значительной редкостью, притом, что даже гораздо менее редкие монеты отсутствуют во всех известных ныне кладах — взять хотя бы любые образцы феодосийской чеканки, серебро Пантикапея с головами сатиров в «фас» или монеты Фанагории IV в. до н. э.

Что до двух якобы произвольно «выдернутых» мною «из эмиссии второй половины IV в. до н. э.» монет с «головами сатира и быка в профиль» (Рис. 1. 16) и с «луком тетивой вверх» (Рис. 1. 13), то напомню, что с последней это проделали также В. А. Анохин («около 379–369 гг.» [Анохин, 1986, с. 140, №96]) и О. Н. Мельников («380–370 гг.» [Мельников, 2002, Табл. II, №96]), причём с полным на то основанием — глубокий оттиск верхнего штемпеля с плоской рабочей поверхностью и сравнительно высокий рельеф изображений (реверс см.: [Терещенко, 2013, Табл. II. 5]) красноречиво свидетельствуют о принадлежности этих монет древнейшей группе меди Пантикапея. «Выдернуть» другую монету (с «быком») я и подавно не мог, поскольку ввёл её в научный оборот [Строкин, 2011, с. 85, 86. Рис. 1. 1] и отнёс к концу I периода меди (ок. 405–390 гг.) по той простой причине, что, помимо вышеуказанной «ранней» фактуры, она демонстрирует уникальную схему расстановки букв в монетном поле, тем самым ясно давая понять, что этот тип «треугольных» легенд находится здесь в стадии формирования, и, соответственно, открывает длинный ряд несущих его монет (ср. Рис. 1. 16 и Рис. 1. 17) [Строкин, 2011, с. 85]. Однако, невзирая на эти факты, а также на то, что монеты второй половины IV в. до н. э. имеют заметно менее глубокий quadratum incusum и слегка выпукло-вогнутый монетный кружок (наподобие часового стекла [Зограф, 1951, с. 95]), А. Е. Терещенко переносит медь данного вида в начало 320-х гг., причём без комментариев, а в довершение ко всему, синхронизирует её с серебряным оболом с «протомой грифона» (Рис. 1. 18) [Терещенко, 2013, с. 121–122]. Примечательно, что столь решительное «омоложение» последней монеты, надёжно датирующейся (по вышеуказанным фактурным признакам) временем Левкона I[4], исследователь опять же не счёл нужным хоть как-то обосновать.

К этому стоит добавить, что, по всей видимости, в самом конце I периода меди (ок. 405–390 гг.), вслед за первым вариантом монет с «головами сатира и быка», выпускалась, пожалуй, столь же редкая и, очевидно, первая по счёту разновидность «стандартных» монет этого типа (Рис. 1. 17), а также наиболее редкий вариант монет с «головой юного сатира и луком в горите» (Рис. 1. 15) — об этом наглядно свидетельствует стилистика аверсных миниатюр, очевидно, принадлежащих руке одного и того же мастера (ср. Рис. 1. 13 и Рис. 1. 15–18).

В той же статье А. Е. Терещенко развивает высказанную А. А. Завойкиным [Завойкин, 2009, с. 140] и им самим [Терещенко 2010, с. 66 сл.] идею о причастности вышеупомянутого серебра Пантикапея с «головами сатиров и льва», надчеканенного круглым клеймом с изображением головы Аполлона, к так называемой «денежной реформе Левкона» (Polyaen. VI. 9. 1) [Терещенко, 2013, с. 108, 110]. Ввиду того, что этот сюжет детально рассмотрен мною

[4] Зограф, 1951, с. 245, табл. XL. 16; Шелов, 1956, с. 215, № 43; Анохин, 1986, с. 140, № 95; Мельников, 2002, табл. II, № 95.

ранее [Строкин, 2014а, с. 349 сл.; 2014б, с. 137 сл.], ограничусь кратким резюме.

Руководствуясь контекстом этой новеллы Полиена (VI. 9. 1), Д. Б. Шелов [Шелов, 1953, с. 31] сделал закономерный вывод о проведенной Левконом массовой надчеканке монет, находившихся тогда в обращении. Однако в нашем случае наблюдается нечто совсем иное: маркировке подверглись *только* монеты с «головами сатиров и льва», да и те — лишь отчасти (вряд ли более 10 %), притом, что возможность монопольного их хождения на денежном рынке заведомо исключена. Таким образом, совокупность приведённых обстоятельств выявляет *внеэкономический* характер этой операции и, соответственно, несостоятельность версии А. А. Завойкина — А. Е. Терещенко. Для прояснения мотивов этой операции необходимо принять во внимание несколько моментов.

Во-первых, дугообразные легенды демонстрируют только анализируемые монеты (которые, судя по наличию диобола, чеканились в конце V в. до н. э.) и, очевидно, предшествующие им монеты Пантикапея с дифферентами «звезда» и «осётр» (ср. Рис. 1. 1, 2 и Рис. 1. 4, 5, 8). Во-вторых, такой же реверсный сюжет несут лишь монеты Нимфея (с легендой ΣΑΜΜΑ) опять же конца V в. до н. э. (ср. Рис. 1. 3 и Рис. 1. 4, 5, 8). В-третьих, имеется уникальная медная монета с «головами Аполлона и льва, ΠΑΝΤ(Ι)», где сведены воедино типы надчеканки и оборотной стороны несущих её монет (ср.: Рис. 1. 8 и Рис. 1. 9). Ввиду того, что она логически завершает анализируемую операцию и, вместе с тем, открывает I период меди в чеканке Пантикапея (ок. 405–390 гг.), это позволяет датировать обе эмиссии примерно 405 г. и усматривать в них нумизматическую реакцию Спартокидов на повторное взятие Нимфея (после событий при Эгоспотамах)[5].

Наконец, явным нонсенсом являются три другие серии А. Е. Терещенко: Пан-8, Пан-9 и Пан-10; в каждую из них он опрометчиво включил (вопреки базовым принципам классификации) монеты с головами сатиров как в «фас», так и в профиль [Терещенко, 2013, с. 119–121]. Поистине курьёзной выглядит ссылка исследователя на две из них, как на некий постулат: «…довольно показательным представляется и тот факт (sic!), что на самых крупных номиналах следующих серий Пан-9 и Пан-10 также присутствует изображение головы сатира в три четверти (см. табл. II, 7, 9), как бы санкционирующее их главенствующее положение в счётном ряду» [Терещенко, 2013, с. 120]. Поскольку А. Е. Терещенко датирует серию Пан-10 второй половиной 330-х гг. до н. э. [Терещенко, 2013, с. 121], то уместно напомнить, что «фасовые» головы божеств бытовали в нумизматике городов Причерноморья в 360–340-х гг. до н. э. [Шелов, 1956, с. 95], а значит столь «поздняя» датировка «фасовой» монеты Пантикапея нуждается в убедительной аргументации (которую исследователь не предоставил). Кстати, в ту же серию А. Е. Терещенко (вслед за В. А. Анохиным [Анохин, 1986, с. 141, №123]) ошибочно включил диобол с «головами Аполлона и быка» [Терещенко, 2013, с. 121] — как уже неоднократно отмечалось, в IV в. до н. э. этот номинал серебра Пантикапей не чеканил. Судя по всему, эта монета выпускалась во II в. до н. э., причём, скорее всего, совместно с пентоболом (?) с «головой Аполлона и протомой грифона» [Анохин, 1986, с. 143, №162].

Всё это, а также ряд других негативных моментов (на которых здесь нет места останавливаться) не могло не сказаться на качестве предложенной А. Е. Терещенко реконструкции монетного дела Пантикапея IV в. до н. э.

---

[5] На мой взгляд, скандальная история с Гилоном о преступной сдаче им Нимфея тиранам Боспора (Aeschin. III. 171–172) имела место в самом конце 410-х гг. до н.э. Однако после победы Алкивиада над спартанским флотом в битве под Кизиком в марте 410 г. афинянам удалось вернуть себе Нимфей и удерживать его вплоть до 405 г. до н.э., когда город вновь перешёл под контроль Спартокидов [Строкин, 2014а, с. 353–354].

1. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. 174 с.
2. Зограф А. Н. Античные монеты. М.-Л., 1951. 248 с.
3. Завойкин А. А. Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. XIV. 2004, с. 58–93.
4. Завойкин А. А. Взлеты и падения искусства боспорских резчиков монетных штемпелей в IV в. до н. э. (на примере образа сатира) // БФ. 2009, с. 135–142.
5. Мельников О. Н. К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV–III вв. до н. э. // III Боспорские чтения. Материалы конференции. Керчь, 2002, с. 165–180.
6. Строкин В. Л. Афины и финансовая политика Спартокидов // БФ. 2011, с. 82–87.
7. Строкин В. Л. Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. 16. 2012, с. 379–413.
8. Строкин В. Л. NYN–ΣAMMA, АПОЛ–ФАNА: P.S. // ДБ. 18. 2014а, с. 342–371.
9. Строкин В. Л. Античные загадки Черного моря. Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2014б. 254 с.
10. Терещенко А. Е. Серебряные монеты Пантикапея с надчеканкой // АВ 16. 2010, с. 66–71.
11. Терещенко А. Е.. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н.э. // ВДИ. 2. 2013, с. 102–125.
12. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 2. 1996, с. 34–69.
13. Шелов Д. Б. Денежная реформа Левкона II / ВДИ. 1. 1953, с. 30–39.
14. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 1956. 221с.
15. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора VI–IV вв. до н. э. // ДГ СССР за 1984 г. 1985, с. 5–186.
16. Head B. V. Historia numorum. Oxford, 1911. 964 p.

Список сокращений

АВ — Археологические вести. СПб.
БФ — Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб.
ВДИ — Вестник древней истории М.
ДБ — Древности Боспора. М.
ДГ СССР — Древние государства на территории СССР. М.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.- Магнитогорск.
РА — Российская археология. М.

The author suggests some critical remarks about the article by A.E. Tereshchenko [Терещенко, 2013], and adduce argumentation for existence of the First copper period in the coinage of Panticapaeum (c. 405–390 BC), which was provoked to severe financial crisis in the Bosporus at the end of the 5th century BC and similar Monetary Reforms of Athens of 406/5 and 393/2 BC.
Key words: *Bosporus; Panticapaeum; coinage; Satyr; Levkon.*

УДК 904

А. А. Супренков

Эллинистическое поселение Стройгородок 1 на востоке Керчи*

В статье изложены результаты работ автора совместно с П. Г. Столяренко на эллинистическом поселении Стройгородок 1 в 2014 г. Эти работы являлись частью масштабных разведок на востоке г. Керчь, связанных с проектированием Жуковского варианта строительства транспортного перехода через Керченский пролив.

Ключевые слова: *охранные археологические разведки; Керчь; эллинистические поселения.*

Восточная окраина Керченского полуострова была заселена в течение длительного исторического периода, начиная с первобытной эпохи. Этот район обследовался археологами и краеведами ещё со второй половины XIX в. Сегодня здесь известно не менее сотни памятников археологии. При этом, значительное их число относится к античному периоду, в том числе и к эллинистическому, представленному здесь множеством некрополей и поселений.

Поселение Стройгородок 1, наряду с другими, обследовано автором совместно с П. Г. Столяренко (сотрудником Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника) в 2014 г. в рамках охранно-спасательных разведок в зоне проектирования транспортного перехода через Керченский пролив. Это поселение расположено в 150 м к северу — северо-востоку от северо-восточной окраины микрорайона Стройгородок (рис. 1). Оно было выявлено П. Г. Столяренко в 2010 г. На территории поселения им был заложен шурф площадью 2х2 м. Археологический материал, происходящий из него, представлен фрагментами строительной, транспортной и столовой керамики IV — III вв. до н. э.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №13-31-01280 «Хронология и эволюция сельских поселений Боспора эпохи эллинизма — римского времени».

Поселение занимает часть пустующей территории, замусоренной бытовыми и строительными отходами, ранее отведённой под распашку. В пределах его площади расположен небольшой карьер.

В 2014 г., в ходе работ, нами собран немногочисленный подъёмный материал, распространённый на участке размером около 100 м с севера на юг и около 100 м с запада на восток. Он представлен двумя ручками синопских амфор фрагментом ручки оранжевоглиняной амфоры с белыми включениями, близкой по форме к типу 73 по Зеест; фрагментом ручки причерноморской амфоры средневекового времени; фрагментом ножки пепаретской амфоры и фрагментом ножки синопской амфоры.

На участке скопления подъёмного материала заложено 7 шурфов.

Шурф 1 (N 45°21’25.44», E 36°35’22.55») площадью 2×2 м был разбит у южной обочины грунтовой дороги. За условную «0» отметку была принята дневная поверхность у северо-восточного угла шурфа. Выявленные стратиграфические напластования представлены следующими слоями:

Дерновый слой имел мощность до 0,1 м. Его подстилал слой 1 — гумусированный суглинок темно-серого цвета, мощностью до 0,17 м. В нём найдены фрагмент венчика и ручки «причерноморской» амфоры средневекового времени, а также керамические стенки.

Ниже него залегал слой 2 — плотная супесь светло-серого цвета, достигающая мощности 0,22 м. Он содержал фрагмент венчика красноглиняной миски, фрагмент поддона красноглиняного закрытого сосуда, фрагмент венчика буролаковой тарелки и несколько стенок.

На уровне подошвы слоя 2 вдоль северного борта шурфа был прослежен уровень древней поверхности, маркированный слоем мелких (0,13×0,1×0,08 м) камней. Они зафиксированы на глубине -042 от условного «0» и распространялись от северного борта к югу на 0,73 м.

Под слоем 2 и подстилающим его уровнем мелких камней выявлен слой 3 — супесь светло-коричневого цвета, мощностью до 0,2 м. В его нижней части найден фрагмент синопского клейма:

[Ἀστυνόμου]

[Μαντιθέου] сфинкс вправо.

[του Πρωταγόρου],

датирующегося 240-230 гг. до н. э.[1] Другие находки представлены венчиком родосской амфоры, фрагментом венчика и ручки красноглиняных кувшинов, фрагментом венчика красноглиняной чаши, фрагментами венчиков красноглиняных мисок, фрагментом венчика красноглиняной тарелки. Среди столовой керамики с покрытием выделим фрагменты чернолаковых ручек канфаров. Отдельно отметим фрагмент железного ножа.

Под слоем 3, на глубине -067 — 079 от условной «0» отметки, выявлен плотный завал камней мелких размеров. Работы были остановлены на уровне этого завала, глубина шурфа достигла отметки -079 от условной «0» отметки.

Шурф 2 (N 45°21’26.28», E 36°35’24.69») площадью 2×2 м заложен в 55 м к северо-востоку от шурфа 1. За условную «0» отметку принята дневная поверхность у северо-западного угла шурфа. Выявленные в шурфе стратиграфические напластования представлены следующими слоями.

Под дерновым слоем, мощностью до 0,1 м выявлен слой 1 — плотный

[1] Определения клейм осуществлены Н. Ф. Федосеевым. *Мне уже доводилось устно объяснять А. А. Супренкову по поводу его публикации (Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ В 2010-2013) // Древности Боспора. 2014. Т. 18. С. 376-397) разницу между определением клейм для Отчета и для публикации. Не помогло. Поскольку у читателя может возникнуть ошибочное представление о моих чтениях клейм, то я вынужден прокомментировать восстановления: если в первом клейме чтение определено по эмблеме (А. А. Супренков не учел наличие четвертой строки), то закавыченный текст второго клейма (см. ниже) — ошибка. Следует читать: [ʼΑστυνομοῦ]ν | [το]ῦ ʼΙστιαίου. канфар | Πυθέω.. Для публикации следует добавить еще фото 1:1 и ссылку на 35 аналогичных оттисков. Диакритика не моя (Н. Федосеев).*

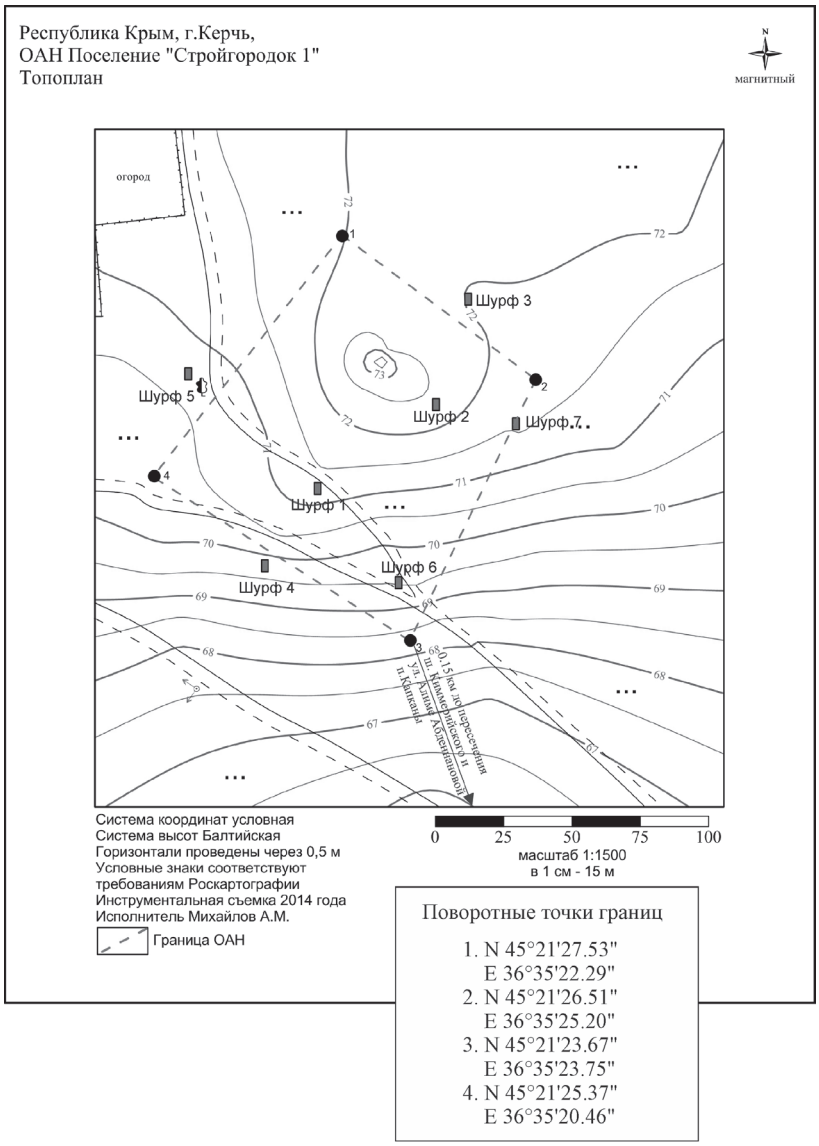

Рис. 1. Стройгородок 1, эллинистическое поселение. Топоплан

Рис. 2. Стройгородок 1, эллинистическое поселение. Разбор шурфа 2. Справа кладка стены

суглинок светло-коричневого цвета, насыщенный мелкими камнями и щебнем. Его мощность достигала 0,23 м. В нём найдены фрагмент синопской керамиды, фрагмент венчика мендийской амфоры, фрагмент ручки и ножки синопских амфор и несколько стенок красноглиняных столовых сосудов.

Вдоль северного борта шурфа, на глубине -014 от условной «0» отметки, в слое 1 выявлена кладка стены, ориентированная по линии ВЮВ — ЗСЗ. В центральной и юго-восточной части шурфа, на отметке -015 от условного «0», расчищен каменный завал из мелких и средних камней (0,17×0,15×0,09 м). Подошва завала была расположена на уровне подошвы слоя 1, ее подстилала прослойка щебня и мелких камней.

Ниже нее выявлен слой 2 — супесь светло-коричневого цвета мощностью до 0,25 м. Он содержал фрагмент синопской кровельной черепицы, фрагмент венчика родосской амфоры, по два фрагмента венчиков и ручек синопских амфор, фрагмент венчика красноглиняной миски, фрагмент чернолакового канфара с остатками росписи в стиле «гнафия» и фрагмент пирамидального керамического грузила. Отдельно отметим происходящее из слоя клеймо на ручке синопской амфоры,

[Ἀστυνόμουντος]
[Ἱστιαίου] канфар
[Πυθέω],

датирующееся периодом около 290 г. до н. э.

Слой 2 лежал на скальном материке, выявленном на глубине -056 — -0,71 от условной «0» отметки. У южного борта шурфа в скале расчищено углубление округлой формы, возможно являющееся заготовкой под хозяйственную яму. Диаметр углубления по линии восток — запад около 1,3 м, глубина его достигает лишь 0,11 м, в центральной части дна углубления имелась бесформенная яма размером 0,53×0,26 м, заглубленная на 0,13 м от уровня дна углубления. Над его западной частью расчищены 3 камня средних (0,37×0,24×0,14 м) размеров, уложенных в ряд.

Что касается вышеуказанной кладки стены (рис. 2), то её протяженность по южному фасу составляла 2,18 м. Часть поверхности и северный фас были скрыты бортом шурфа, вследствие чего её толщину и количество рядов в плане определить не удалось. Она сложена из грубо обколотых и слегка подтесанных камней плотного известняка, размерами 0,51×0,38×0,24 м и 0,44×0,42×0,33 м, щели между которыми заложены мелкими камнями. В высоту кладка сохранилась на 1 — 2 ряда. Камни нижнего ряда уложены местами на скалу, местами от скалы их отделял слой супеси и щебня мощностью до 0,07 м. Характер кладки — постелистый, рядность определить затруднительно.

Шурф 3 (N 45°21’27.44», E 36°35’25.45») площадью 1×1 м заложен в 40 м к северу от шурфа 2. За условную «0» отметку принята дневная поверхность у юго-западного угла шурфа. Выявленные в шурфе стратиграфические напластования представлены следующими слоями: под слоем дерна, мощностью до 0,10 м выявлен слой 1 — гумусированный суглинок светло-коричневого цвета, мощностью до 0,21 м. В нём найдены два мелких фрагмента амфорных стенок и фрагмент стенки красноглиняного столового сосуда. Под ним выявлен слой 2 — супесь светло-серого цвета мощностью до 0,23 м, не содержавшая находок. На глубине -051 от условного «0» была зачищена материковая скала.

Шурф 4 (N 45°21’24. 65», E 36°35’21.51») площадью 1×1 м заложен в 30 м к юго-западу от шурфа 1. За условную «0» отметку принята дневная поверхность у северо-восточного угла шурфа. Выявленные в шурфе стратиграфические напластования представлены следующим образом: под слоем дёрна, мощностью до 0,1 м залегал слой 1 — плотный суглинок коричневого цвета, мощностью до 0,35 м. В нём найден фрагмент профильной части керамической трубы нового (?) времени. Ниже него выявлен слой 2 — супесь светло-серого цвета с мелким камнем и щебнем мощностью

до 0,23 м, В нём обнаружен ещё один фрагмент керамической трубы. На глубине -077 от условного «0» выявлена материковая скала.

Шурф 5 (N 45°21’27.01», E 36°35’20. 62») площадью 1×1 м заложен в 90 м к западу от шурфа 1, на территории заброшенного огорода, у обочины грунтовой дороги. За условную «0» отметку принята дневная поверхность у северо-западного угла шурфа. Выявленные в шурфе стратиграфические напластования представлены следующим образом: под слоем дёрна, мощностью до 0,1 м выявлен слой 1 — комковатый суглинок светло-коричневого цвета, мощностью до 0,35 м. Он содержал два мелких фрагмента амфорных стенок. Под ним залегал слой 2 — плотная супесь серого цвета мощностью до 0,07 м, не содержавшая находок. Ее подстилал стерильный слой 3 — плотная супесь светло-коричневого цвета. На глубине -079 от условного «0» выявлена материковая скала.

Шурф 6 (N 45°21’24. 16», E 36°35’23. 72») площадью 1×1 м заложен в 50 м к юго-востоку от шурфа 1, у развилки грунтовых дорог. За условную «0» отметку принята дневная поверхность у северо-западного угла шурфа. В нём выявлена следующая стратиграфия: под слоем дёрна, мощностью до 0,1 м залегал слой 1 — плотный коричневый гумусированный суглинок мощностью до 0,18 м. Под ним выявлен слой 2 — супесь светло-коричневого цвета мощностью до 0,3 м. На отметке -055 от условного «0» его подстилала прослойка щебня ракушечника и мелкой керамики толщиной до 0,05 м. Керамика, происходящая из этой прослойки, представлена фрагментами двуствольных ручек книдских амфор, а также мелкими фрагментами амфорных стенок амфор и столовой посуды.

На глубине -085 — -110 от условного «0» обнаружена материковая скала, имеющая резкое уступчатое понижение к западу.

Шурф 7 (N 45°21’25. 79», E 36°35’25. 97») площадью 1×1 м заложен в 30 м к юго-востоку от шурфа 2, на невысоком кряже, вытянутом по линии восток — запад. За условную «0» отметку принята дневная поверхность у юго-восточного угла шурфа. В шурфе выявлены следующие стратиграфические напластования: под слоем дёрна, мощностью до 0,10 м находился слой 1 — гумусированный светло-коричневый суглинок мощностью до 0,15 м. На глубине -026 от условного «0» проявилась материковая скала. Находок в шурфе не обнаружено.

Результаты шурфовки (шурфы 1, 2) позволили установить, что в центре скопления керамики находятся культурные напластования мощностью до 0,9 м и строительные остатки, относящиеся к эллинистическому поселению. Шурф 6, по всей видимости, расположен на периферии этого поселения, а шурфы 3-5 и 7, почти не содержащие находок, вероятно, маркируют его границы. Площадь обследованного поселения составляет около 6 500 кв. м, а его датировка по результатам разведки — IV-III вв. до н. э. — период расцвета Боспорского государства и роста числа сельских поселений на территории всего Керченского полуострова, в том числе и на востоке Керчи.

Cet article est cosacré aux résultats des travaux de l’auteur avec P.G. Stoljarenko au site hellénistique Stroygorodok 1 en 2014. Ces travaux ont été faits dans les cadres des grandes observations archéologiques, liées avec le projet de construction du pont à travers le détroit de Kerch (variant Joukovski).

Mots clé : *Observations archéologiques préventives; Kerch; sites hellénistiques.*

УДК 902.9

А. Е. Терещенко

К вопросу датировки новой разновидности пантикапейской меди IV в. до н. э.

Предлагаемая статья посвящена вопросу датировки новой разновидности медной пантикапейской монеты типа «голова безбородого сатира — голова быка, П-А-N». Проведя анализ характера монетной легенды и изменения аверсного рисунка, автор предлагает датировать эти монеты рубежом 40/30 гг. IV в. до н.э.

Ключевые слова: *Пантикапей; монетный тип; боспорская чеканка; эмиссия.*

В 2011 г. В. Л. Строкиным была введена в научный оборот ранее неизвестная разновидность медных монет пантикапейской чеканки типа: Л, с. — голова безбородого сатира вправо. О, с. — голова быка в ¾ влево, по контуру буквы П-А-N. Главная особенность нового вида заключается в том, что «пи» расположена под головой быка [Строкин, 2011, с. 86, рис. 1,1; см. табл. I,1,1а[1]]. Номинал монеты определён как халк. На данный момент имеются сведения уже о восьми подобных экземплярах: вес — от 0,85 до 1,23 г; размер — от 9 до 11 мм. (см. http://bosporan-kingdom.com/114-2103). В. Л. Строкин отнёс выпуск монет этого типа на конец 90-х гг. IV в. до н. э. Основания для такой датировки, по мнению автора, заключаются в следующем:

1) «ранняя» стилистика[2], выгодно отличающая данную монету от монет обычного вида [Строкин, 2011, с. 85].

2) «…реверсный сюжет — бычья голова показана в профиль, а буква П

[1] Эта и все другие фотографии монет, за исключением обола Фарсалы взяты на сайте «Монеты Боспора. Каталог-архив» http://bosporan-kingdom.com/

[2] В личной переписке В. Л. Строкин дал более развёрнутую характеристику определения: «глубокий оттиск верхнего штемпеля с плоской рабочей поверхностью и сравнительно высокий рельеф изображений».

находится не слева, как обычно, а под ней. Последний нюанс ясно даёт понять, что одна из самых популярных схем размещения букв легенды на монетах Пантикапея IV в. здесь находится ещё в стадии формирования» [Строкин, 2011, с. 85].

В свою очередь, считаю необходимым обратить внимание на некоторые моменты, не позволяющие безоговорочно принять аргументы уважаемого исследователя.

Так, на сегодняшний день, благодаря интернету, нам стала доступна информация (фотографии, вес, размеры, иногда и район обнаружения) о множестве боспорских монет из частных коллекций, в том числе и об интересующих нас типах. В итоге, среди монеток «обычного вида»[3], по выражению В. Л. Строкина, мы встречаем экземпляры с точно таким же глубоким оттиском верхнего штемпеля поверхностью и высоким рельефом изображения (см. табл. I,2-3а), как и на новой разновидности. Более того, подобное смешение «стилистик» в рамках одного монетного типа характерно для всей пантикапейской меди почти на всём протяжении IV в. до н. э. (см. табл. I,4-11а). Наиболее вероятно, что здесь мы имеем дело не со стилистической, а технологической особенностью, точнее — небольшим производственным браком, когда монетная заготовка оказалась немного сдвинутой с матрицы в процессе чеканки.

Таким образом, в пользу ранней датировки свидетельствует единственный аргумент — положение литеры «П», не характерное для традиционного для этого вида монетной легенды, размещения букв, что позволяет видеть здесь, якобы, её изначальную форму. Но соответствует ли этот вывод действительности?

Прежде всего, обратим внимание на то, что размещение начальных букв названия полиса треугольником — достаточно редкий, можно сказать, уникальный художественный приём. Один из самых ранних примеров такой компоновки можно встретить на оболах фессалийской Фарсалы, датируемых серединой V в. до н. э. (см. табл. II,9). В Пантикапее подобную форму легенды впервые стали использовать при изготовлении золотых статеров (см. табл. II,3). Первая серия этих монет выпущена в середине 70-х гг. IV в. до н. э. [Зограф, 1951, с. 245, №7; Шелов, 1956, с. 213, №29; Анохин, 1986, с. 140, №91; Фролова, 2002, с. 288; Терещенко, 2013, с. 111]. Согласно заключению Ю. А. Виноградова и И. Ю. Шауба, чрезвычайно насыщенный разнообразными элементами реверсный сюжет самых крупных пантикапейских номиналов несёт символику, характерную, прежде всего, для Аполлона Гиперборейского, а вся монета в целом «…должна ассоциироваться с двумя божествами — Дионисом и Аполлоном» [Виноградов, Шауб, 2005, с. 221]. Вторая серия статеров (см. таб. II,4), чеканка которых приходится на вторую треть IV в. до н. э. [Зограф, 1951, с. 245, №8; Шелов, 1956, с. 214, №30; Анохин, 1986, с. 140, №97; Фролова, 2002, с. 289; Мельников, 2003, с. 155, №1; Терещенко, 2013, с. 114], является одним из общепризнанных шедевров античного прикладного искусства. Если принять во внимание высочайшие художественные качества этих монет, то создаётся впечатление, что перед нами нечто большее, чем просто денежный знак. Перед нами — предмет, достойный быть принесённым в качестве подношения божеству [Терещенко, 2012, с. 141]. Конечно, эта оценка субъективна и, что не исключено, излишне эмоциональна, но, как бы то ни было, необходимо воспринимать все детали сюжета, в том числе и надпись, как вполне продуманные и неотъемлемые части представляемого на монетах образа.

Со своей стороны, предполагая главенство сакрального значения монет-

[3] Датируется этот тип в весьма широких пределах: 375-340 гг. до н.э. [Зограф, 1951, 245, табл. XL №21], 340-330 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, №51], 327-319 гг. до н.э. [Терещенко, 2013, с. 124], 314-310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 140, №114].

Таблица I

1-11а. Пантикапей. Медь. IV в. до н.э.

Таблица II

Пантикапей. IVв. до н.э. 1,3,4 – золото. 2,5,6, 8 – серебро. 7 – медь.
Фарсала (Фессалия). Середина V в. до н.э. 9 – серебро.

ных сюжетов, их семантическую многоплановость, рискну предположить, что именно при таком композиционном решении размещения букв легенды, реверсный рисунок приобретает определённую завершённость. Символ божества заключается в священный ограждающий круг именем города, в то же время, подразумевая, что и сам город находится под защитой высших сил. Впрочем, это сугубо личное мнение.

Вместе с тем, нельзя не отметить и то, что только через значительный период времени эта форма легенды стала помещаться на монеты из менее «благородных» металлов. Произошло это в тот момент, когда в арсенале пантикапейских монетариев появился новый сюжет — «голова быка». Ранее я предположил, что триумфальное, хотя и не слишком длительное, шествие этого образа, берёт начало в серии, включающей серебро типа «голова бородатого сатира в ¾ — голова быка в ¾», «голова Аполлона — голова быка в ¾», и медь «голова бородатого сатира в ¾ — голова быка в ¾» (см. таб. II,5-7). Выпуск этих монет, скорее всего, сделан во второй половине 30-х гг. IV в. до н. э. [Терещенко, 2013, с. 121]. Рассматриваемые же здесь халки я, подразумевая определённое сходство в передаче черт головы молодого сатира, синхронизировал с серебряными оболами с протомой орлиноголового вправо на реверсе (см. табл. II,8), и отнёс к 330-327 гг. до н. э. [Терещенко, 2013, с. 122], однако сейчас должен признать свою ошибку.

Учитывая то, что это единственный монетный тип, в котором голова быка повёрнута строго в профиль, то правильнее будет отнести его в самое начало эмиссионного ряда с изображением данного животного. Хочу заметить, что В. Л. Строкин, дабы оправдать свою датировку (конец 90-х гг. IV в. до н. э.), полагает в этом нововведении «…некую причастность данной эмиссии к событиям боспоро-феодосийской войны» [Строкин, 2011, с. 85]. Действительно, главным реверсным сюжетом феодосийских монет является голова быка, но какое отношение это имеет к пантикапейской эмиссии? Тем не менее, автор предпочитает видеть здесь исключительно политическую подоплёку.

На мой взгляд, поскольку рисунок «голова быка» почти всегда идёт в паре с изображением головы сатира, логичнее будет соотнести его появление с расширением круга официальной символики дионисийского культа на Боспоре [см.: Терещенко, 2012, с. 147-148]. Да, истинные причины помещения этого образа на монеты нам не ясны. Тем не менее, вполне очевидна вся бессмысленность хронологического расчленения блока монет, крепко связанных общим реверсным сюжетом, в угоду невнятным и совершенно недоказуемым гипотезам.

Возвращаясь к вопросу о времени выпуска халков типа «голова молодого сатира — голова быка, П-А-N», необходимо учесть следующее.

Во-первых, несмотря на всю свою важность, положение букв в надписи, отнюдь, не являлось каким-то каноном, когда размер и место жёстко регламентированы. И различные варианты компоновки легенды, для достижения лучшего визуального эффекта, вполне допустимы. Этим, скорее всего, и объясняется первоначальный вариант надписи, когда литера «П» находится под головой быка (см. табл. I,1,1а). В дальнейшем было отдано предпочтение «золотому» (т. е., как на статерах) варианту, как наиболее оптимальному.

Во-вторых. Экземпляры, которые, безусловно, завершают чеканку интересующего нас монетного типа, имеют весьма примечательный, элемент — «чубчик» — на голове сатира (см. табл. I,3,3а). Впервые эта деталь причёски появляется в середине 50-х гг. IV в. до н. э. на золотых статерах третьей серии и серебряных гексадрахмах (см. табл. II,1,2) [Терещенко, 2013, с. 114-115]. Казалось бы, этот факт нам мало что даёт, но это только на первый взгляд. Весьма показательно, что точно такую же эволюцию формы причёски мы наблюдаем на халках типа «голова

безбородого сатира вправо, в точечном ободке — горит вправо, сверху и снизу надпись ΠΑΝ–ΤΙ» (см. табл. I,8-9а). На последней разновидности монет этого типа, у сатира также имеется «чубчик». Датируется серия серединой — концом 40 гг. IV в. до н. э. [Терещенко, 2013, с. 118]. Идентичность процесса изменения причёски молодого сатира на этих двух типах халков, однозначно указывает на их хронологическую близость.

Таким образом, начало выпуска медных монет типа «голова безбородого сатира вправо — голова быка влево, П-А-N», и, соответственно, появление новой дионисийской символики можно датировать рубежом 40/30 гг. IV в. до н. э. При этом, ни в коем случае нельзя вырывать из общего хронологического ряда экземпляры с хотя и не характерным, но вполне объяснимым размещением литеры «П» под головой быка.

1. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986. 183 с.

2. Виноградов Ю. А, Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея // Археологические вести. 12. 2005. С.219-223.

3. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 16. 1951. 262 с.

4. Мельников О. Н. К публикации крупнейшей серебряной монеты античного Причерноморья // Stratum plus. 6. 2003. С.146–156.

5. Строкин В. Л. Афины и финансовая политика Спартокидов // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С.82– 88.

6. Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н.э. // ВДИ. 2. 2013. С.102-127.

7. Терещенко А. Е. Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи // Stratum plus. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. 6. 2012. С.119-170.

8. Фролова Н. А. Каталог золотых статеров Пантикапея IV в. до н.э. // Древности Боспора. 5. 2002. С.286-302.

9. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., 1956. 221с.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

The present article examines a problem of dating for a new variety of copper Panticapaeum coins such as "A head of beardless satyr — head of a bull, P-A-N". Having analyzed coins provenance and changes of their obverse pattern the author suggests to date these coins from the turn of 40-30ss of the IV century BC.

Key words: *Panticapaeum; coin type; Bospor's coinage; emission*

УДК 902/904:903.02-023

С. В. Ушаков, Е. В. Струкова

Лепная керамика позднеантичного Херсонеса в контексте античных памятников Северного Причерноморья

Лепная керамика Херсонеса позднеантичного времени рассмотрена в сравнении с материалами из раскопок античных городов Северного Причерноморья. Основные группы (миски, горшки, кувшины) и типы сосудов обладают определенным своеобразием. Аналогии происходят с памятников Европейского Боспора и варварских могильников Крыма.

Ключевые слова: *Северное Причерноморье; Херсонес; Боспор; лепная керамика.*

Кажется, общепризнано, что керамический комплекс античных городов Северного Причерноморья изучен достаточно полно: на память приходят многочисленные публикации по амфорной таре (труды И. Б. Зеест, С. Ю. Монахова, В. И. Каца, Н. Ф. Федосеева, А. А. Завойкина, С. Ю. Внукова, А. П. Абрамова и др.), расписной и чернолаковой посуде (работы А. А. Передольской, В. М. Скудновой, Н. М. Лосевой, К, с. Горбуновой, И. Б. Брашинского, К. И. Зайцевой, Н. А. Сидоровой, О. В. Тугушевой, Т. В. Егоровой, И. И. Вдовиченко), краснолаковой керамике (работs Т. И. Книпович, Т. М. Арсеньевой, Д. В. Журавлева, К. Домжальского). Список этот без труда можно продолжить.

Как представляется, особое место среди всех керамических материалов занимает лепная керамика (ЛК), которая, по мнению многих исследователей [см.: Тарасова, 1998], позволяет судить не только о ремесленных, но и об этнокультурных традициях населения, среди которого она бытовала. Тем не менее, ЛК из античных центров, в нашем случае — Северного Причерноморья, до сих пор изучена не достаточно. Далее речь пойдет преимущественно о херсонесской ЛК, но вначале хотелось бы, пусть и кратко, обозреть наш северный берег Черноморской Ойкумены.

В *Северо-Западном Причерноморье* ЛК распадается на два основных хронологических пласта. Это, во-первых, материалы архаической, классической, эллинистической эпох. Им посвящены работы К. К. Марченко, где лепная керамика рассмотрена как основной источник для решения проблемы присутствия варваров среди населения Березани и Ольвии VII — I вв. до н. э. [Марченко, 1988]. В этом контексте построены и некоторые работы С. Л. Соловьева, посвященные березанскому комплексу находок и особенностями его домостроительства [Соловьев, 1993, 1995]. В этом ключе рассматривает ЛК Тиры Н. А. Гаврилюк [Гаврилюк, 2004]. Во-вторых, это ЛК, в данном случае, Ольвии (и ее округи) римского времени, типологически несколько отличающаяся от более ранних образцов [Ср.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 59-60, рис. 21; 51, 26-48; 52, 10-16; 53; 73; Книпович, 1940; Крапивина, 1993, рис. 39-44; Бураков, 1976, с. 85-87, табл. V, 24-26, 28-31, табл. V, табл. VII, 4-6, 14-17].

Западный Крым. ЛК присутствует здесь, можно предположить, на всех античных памятниках. Однако опубликована пока только ее малая часть. Так, в Калос Лимене зафиксирована ЛК (горшок, миски) из слоя разрушения второй четверти I в. н. э. [Уженцев, 2006, рис. 84], другая (более позднего времени) уже относится к позднескифскому хронологическому горизонту [Уженцев, 2006, рис. 90]. ЛК (горшки, кружка, миски) найдена и в некрополе Прекрасной Гавани [Кутайсов, 2011, рис. 42, 7; 58, 8; 59, 3; 116, 6; 136, 3]. Как в Керкинитиде [Кутайсов, 1987; 2013, рис. 117, 118], так и в Херсонесе [Савеля, 1970; Сенаторов, 2000, 2003], исследовалась прежде всего ранняя (кизил-кобинская) керамика, которая массово присутствует также на «предхерсонесских» или варварских поселениях ближней округи [Кравченко, 2009, 2011; Филиппенко, Кравченко, Ушаков, 2008, с. 199-214, рис. 4-7; Сенаторов, 2011]. Значительно в меньшей степени оказалась опубликованной ЛК римского времени — почти исключительно по материалам некрополя [Зубарь, 1982, с. 79-82, рис. 53, 54; Зубарь, 2004, с. 234, рис. 96].

Боспор Киммерийский. В целом хорошо представлена не только найденными при раскопках, но и опубликованными находками в ставших «классическими» работами Е. Г. Кастанаян, где в развитии представлены основные формы ЛК Мирмекия, Тиритаки и Илурата [Кастанаян, 1952, 1981]; И. Т. Кругликовой, исследовавшей фанагорийскую [Кругликова, 1951] и пантикапейскую [Кругликова, 1954] «местную» керамику. В этом же ряду необходимо упомянуть работы Т. М. Арсеньевой, изучавшей ЛК Танаиса как открытого типа [Арсеньева, 1965], так и закрытого [Арсеньева, 1969], при этом, новые раскопки также дают достаточно большое количество ЛК эллинистического и римского времени, по облику скорее «варварскую» [Арсеньева, Науменко, 2001, рис. 8, 7; 9, 8, 9; 15, 2-7; 20, 1; 22, 3; 24, 2; 35; 36, 4-7; 37; 41, 5, 6; 42, 4; 43, 5; 44; 48, 3, 4].

Эта работа продолжается и по сей день, с. Н. Сенаторов опубликовал находки «варварской» ЛК VI-IV вв. из Порфмия [Сенаторов, 2013], с. Б. Ланцов, и В. Ю. Юрочкин, рассмотрев комплекс лепной посуды Кутлакской крепости (вторая половина I в. до н. э.), пришли к выводу о ее «варварском» (таврском или тавро-скифском) облике и происхождении [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 265]. В их работе представлены не только изображения сосудов, но и таблицы аналогий [Ланцов, Юрочкин, 2001, рис. 13-15]. М. А. Котин опубликовал один из комплексов Тиритаки (яма № 11) с ЛК (горшки, миски, кружки), значительная часть которой, по мнению автора, связана с варварами [Котин, 2013а, с. 420], а также некрополя Джург-Оба [Котин, 2013б]. Н. А. Гаврилюк в ЛК Боспора выделила две группы: «греческую» и «боспорскую» (местную, туземную) [Гаврилюк, 2013]. Представлен комплекс ЛК такого поселения, как Китей [Гаврилюк, Молев, 2013]. Отметим материалы раскопок поселения Белин-

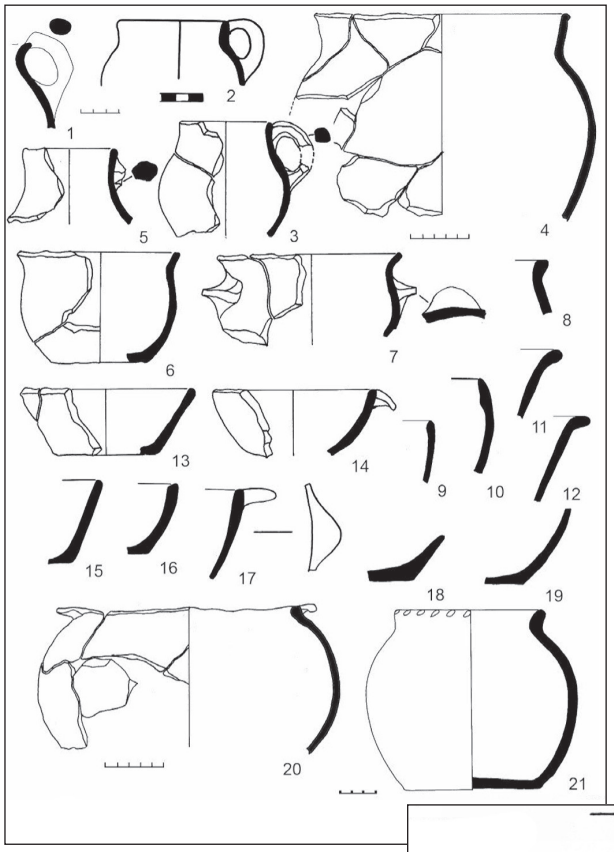

Рис. 1. Лепная керамика из раскопок квартала XCVII

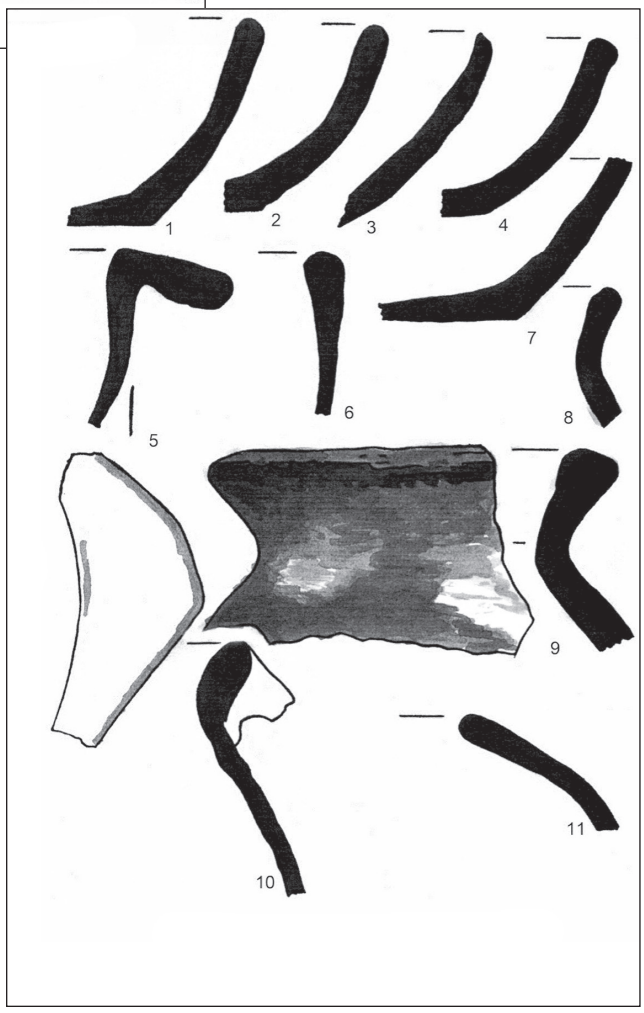

Рис. 2. Лепная керамика из пом. 61 «Казармы»

ское, где представлены все основные находки ЛК по трем периодам истории памятника в хронологических рамках рубежа I-II вв. — первой половины V в. [Зубарев, Масленников, Крайнева, 2004; Зубарев, Крайнева, 2005].

Активно продолжается исследование памятников Азиатского Боспора, в том числе и ЛК. Так, С. В. Кашаев связал ЛК из некрополя Артюшенко-2 с погребениями местных женщин [Кашаев, 2007, с. 213], Г. А. Камелина представила немногочисленные, но характерные образцы находок ЛК второй четверти VI — середины — второй половины III в. до н. э. из раскопок поселения Голубицкая-2 [Камелина, 2009]. Р. В. Стоянов посвятил свою статью классификации и исторической интерпретации ЛК второй половины III — первой половины II в. до н. э. из раскопок поселения Артюшенко-1 [Стоянов, 2009]. Как видим, все эти работы рассматривают ЛК доримской эпохи как отражение варварского влияния.

Наконец-то, «повезло» и Херсонесу: в ходе раскопок в северо-восточном районе Херсонеса (заполнение цистерны в центре квартала XCVII и колодца в пом. 4) получены крупные фрагменты лепных сосудов, которые позволяют реконструировать основные группы (миски, горшки, кувшины) и типы сосудов [Ушаков, Струкова, 2010, с. 251-258, рис. 2-11; Ушаков, Дорошко, Кропотов, Макаев, Струкова, 2006, рис. 10] (рис. 1). Это первый важный момент. Второе — стало возможным (по сопутствующему материалу) определить и хронологические рамки керамических комплексов. Так колодец, по-видимому, был сооружен не позднее эллинистического времени, но засыпан окончательно (как датируется верхняя часть его засыпи) «на финише» поздней античности — не позже начала VI в. [см.: Ушаков, Струкова, 2010, с. 257]. Примерно в это же время (или чуть раньше) засыпана и цистерна [Ушаков Дорошко, Кропотов, Макаев, Струкова, 2006, с. 196].

Аналогичные находки происходят из засыпи еще одного подобного комплекса в этом же квартале — цистерны в помещении 8 [Золотарев, Коробков, Ушаков, 1997, рис. 7, 48-63]. Можно назвать еще находки лепных сосудов (во фрагментах, но характерных) в северном районе (у базилики 1935 г. [Золотарев и др., рис. 115, 1-4]). Из раскопок «Казармы» в Портовом районе реконструируются горшки и миски, почти полностью совпадающие морфологически с описанными выше сосудами [см. напр.: Архив НЗХТ. Д. 3319, рис. 28, 67-74; Архив НЗХТ. Д. 3342, рис. 91] (рис. 2).

На «ближней» хоре Херсонеса (Гераклейский п-в) ЛК постоянно, хотя и эпизодически встречается при раскопках; часть ее относится к позднеримскому времени. Два комплекса (оба из раскопок Л. А. Ковалевской) стоит от-метить особо. Первый из них — из усадьбы 338 — отличается по своим морфо-логическим особенностям (Ковалевская, Суханова, 2005, рис. 3, 4) и относится ко времени не позже конца первой трети I в. н. э. [Ковалевская, Суханова, 2005, с. 219]. Второй показывает значительную долю совпадения — хронологически и по формам [Ковалевская 1998, с. 93, рис. 4, 10-14] — с находками из XCVII квартала. Кроме того, аналогичная керамика, датированная II-III вв. (сковороды, горшки, кастрюли, миски), была найдена В. В. Созник на усадьбе «Близнецы» [Созник, 2005, рис. 7].

Из перечисленных выше комплексов основного массива ЛК античного времени, как видно, некоторую близость к херсонесской керамике позднеантичного времени обнаруживает керамика городов Европейского Боспора (хотя в целом она другая). На Азиатском Боспоре она опять же отличающаяся; впрочем, хронологически одновременная там почти не известна.

В целом, херсонесская ЛК позднеантичного времени обладает определенным типологическим и морфологическим своеобразием[1] (что выражается, в том числе, и отсутствием орнаментации). Мы относим ее к местному греческому производству, на формирование

и развитие которой, по заключению В. П. Власова (известный специалист по лепной керамике Крыма этого времени ознакомился с основной коллекцией *de visu*), определенное влияние оказали поздние скифы, а также переселявшиеся в Крым с Северного Кавказа аланы.

Таким образом, подводя краткий обзор представленных материалов, можно заключить: во-первых, несмотря на кажущуюся функциональную простоту большинства сосудов, комплекс ЛК позднеантичного времени из Херсонеса на фоне находок из античных поселений Северного Причерноморья обладает определенной оригинальностью. Во-вторых, хронологические рамки бытования этой керамики ограничиваются преимущественно IV в. (шире — III-V вв.). В-третьих, наибольшую типологическую близость она обнаруживает с находками с Гераклейского п-ва и, частично, с сосудами Европейского Боспора. В-четвертых, на их морфологии наблюдается некоторое влияние варварского населения Юго-Западного Крыма. Изучение херсонесской лепной посуды необходимо продолжить как в направлении уточнения ее хронологии и этнокультурного происхождения, так и в плане специального исследования технологического аспекта этой проблемы.

1. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1993. 240 с.

2. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса: Древности Нижнего Дона // МИА. 1965. № 127, с. 169-201.

3. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса: Античные Древности Придонья-Приазовья // МИА. 1969. № 154, с. 173-219.

4. Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. 2001. № 4, с. 56-124.

5. Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976. 160 с.

6. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Тиры эллинистического периода // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004, с. 83-89.

7. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Боспора IV-I вв. до н. э. // Боспорский феномен. СПб., 2013, с. 148-155.

8. Гаврилюк Н. А., Молев Е. А. Лепная керамика Китея // Древности Боспора. 2013. № 17, с. 66-110.

9. Дьячков С. В., Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. Отчет о раскопках т. н. «казармы» в портовом районе Херсонеса в 1997 г. // Архив НЗХТ. Д. 3342.

10. Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Портовом районе Херсонеса в 1996 г. (здание т. н. «Казармы») // Архив НЗХТ. Д. 3319.

11. Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса). Севастополь, 1997. 78 с.

[1] Говоря о технико-технологических особенностях большинства лепных сосудов из цистерны и колодца XCVII квартала Херсонеса, отметим следующее. Среди них имеются как сосуды, которые можно принять за гончарные, так и изделия, отличающиеся небрежностью выделки и заметной асимметричностью. Обжиг сосудов неравномерный: преобладают изделия однотонной серой, черной и коричневой окрасок, реже встречаются такие, поверхность которых покрыта серыми, черными и коричневыми пятнами. Возможно также, что это следствие воздействия на них огня в процессе приготовления или разогрева пищи. Стенки многих сосудов носят следы тщательного лощения, хотя имеются и слегка подлощенные, а также нелощенные — или слабо сглаженные, или с грубо обработанной наружной поверхностью стенок изделия. Специальный анализ формовочной массы охарактеризованной посуды не проводился, но при ее визуальном осмотре отчетливо прослеживается одна специфическая черта — обилие в составе измельченной ракушки. Эта черта не встречается в лепной керамике археологических культур Крыма более раннего времени (кизил-кобинской, ранне- и позднескифской). Она впервые появилась в позднеримское время (не ранее IV в. н.э.), став своего рода культурно-хронологическим индикатором памятников, основанных мигрировавшими на полуостров из Центрального Предкавказья аланами. Примечательно, что включение большого количества мелких известковых частиц в керамическое тесто было характерно и для северокавказских изделий сарматской эпохи [Абрамова 1993, с. 39] (примечание В.П. Власова).

12. Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., при участии Е. Олениной. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994-1998 гг. М., Севастополь, 2013. 520 с.

13. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. К., 1982. 142 с.

14. Зубарь В. М. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков. 2004, с. 183-256.

15. Зубарев В. Г., Крайнева А. А. Лепная керамика с городища у села Белинское (общая характеристика) // Древности Боспора. 2005. № 8, с. 197-221.

16. Зубарев В. Г., Масленников А. А., Крайнева А. А. Лепная керамика с городища у села Белинское как источник по этно-исторической характеристике местного населения // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004, с. 158-161.

17. Камелина Г. А. Лепная керамика из раскопок поселения Голубицкая-2 на Таманском полуострове // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009, с. 155-160.

18. Кашаев С. В. Лепная керамика из некрополя Артющенко-2 // Записки Института истории материальной культуры. 2007. № 2, с. 209-214.

19. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1952. № 25, с. 249-288.

20. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981. 177 с.

21. Книпович Т. Н. Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия. Т. 1. Киев, 1940, с. 129-170.

22. Ковалевская Л. А. Керамический комплекс конца II — первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341 // ХСб. 1998. Вып. IX, с. 89-99.

23. Ковалевская Л. А. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь. 2005. Вып. VIII, с. 263-272.

24. Ковалевская Л. А., Суханова И. Ю. Лепная керамика из раскопок сельской усадьбы 338 в округе Херсонеса // ХСб. 2005. Вып. XIV, с. 215-224.

25. Котин М. А. Комплекс лепной керамики ямы № 11 из раскопок Тиритаки // Боспорские исследования. 2013а. Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, с. 417-434.

26. Котин М. А. Лепная керамика из позднеантичного «некрополя Джург-Оба» (к вопросу об этнической принадлежности // Боспорский феномен. СПб., 2013б. С. 417-424.

27. Кравченко Е. А. Матеріали ранньогальштатського часу поселення Уч-Баш // Археологія. 2009. № 1, с. 26-40.

28. Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ, Луцьк, 2011. 271 с.

29. Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н. э. К., 1993. 184 с.

30. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. К., 1989. 284 с.

31. Кругликова И. Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 1951. № 19, с. 87-106.

32. Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. № 33, с. 78-113.

33. Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н. э. Киев, 1987, с. 27-40.

34. Кутайсов В. А. Курганный некрополь Калос Лимена. К., 2011. 240 с.

35. Кутайсов В. А. Античный полис Керкинитида. Симферополь, 2013. 400 с.

36. Ланцов С. Б., Юрочкин В. Ю. «Варварская» посуда Кутлакской крепости // Древности Боспора. 2001. № 4, с. 254-290.

37. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. Л., 1988. 144 с.

38. Савеля О. Я. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА. 1970. Вып. 124, с. 48-50.

39. Сенаторов С. Н. Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе // Археологические вести. 2000. № 7. С. 159-163.

40. Сенаторов С. Н. Кизил-кобинская керамика конца VI — первой половины IV вв. до н. э. из раскопок в Херсонесе // ХСб. 2003. Вып. XII, с. 14-28.

41. Сенаторов С. Н. Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI — первой половины IV вв. // Боспорский феномен. СПб., 2011, с. 354-362.

42. Сенаторов С. Н. Лепная керамика античного Порфмия второй половины VI — начала III вв. // Боспорский феномен. СПб., 2013, с. 411-417.

43. Созник В. В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического (керамические комплексы) // Боспорские исследования. 2005. Вып. VIII, с. 61-74.

44. Соловьев С. Л. Особенности домостроительства Нижнего Побужья VI — начала III в. до н. э. в контексте греко-варварского взаимодействия в Северо-Западном Причерноморье // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III археоло-

гического семинара. Новочеркасск, 1992 (1993). Ч. I, с. 44-52.

45. Соловьев С. Л. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1995. Вып. 32, с. 31–39.

46. Стоянов Р. В. Лепная керамика второй половины III — первой половины II вв. до н. э. из раскопок поселения Артющенко 1 (1999-2006 гг.) // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXII, с. 268-282.

47. Тарасова Н. В. Лепная керамика античных городов Северного Причерноморья (проблемы историографии) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. VI, с. 112-115.

48. Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э — II в. н. э.). Симферополь, 2006. 248 с.

49. Ушаков С. В., Дорошко В. В., Кропотов С. И., Макаев И. И., Струкова Е. В..Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в XCVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV, с. 191-216.

50. Ушаков С. В., Струкова Е. В. Комплекс лепной посуды из засыпи колодца в Северо-Восточном районе Херсонеса // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. № 22. Донецк. 2010, с. 251-258.

51. Филиппенко А. А., Кравченко Э. А., Ушаков С. В. Поселение кизил-кобинской культуры «Трактирный мост» // Праці Науково-дослідного інституту пам'яткоохоронних досліджень. Випуск 4. Киев, 2008, с. 194-217.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования, Симферополь-Керчь
ДБ — Древности Боспора
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЗХТ — Национальный Заповедник «Херсонес Таврический»
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
ХСб. — Херсонесский сборник

Late antique modelled ceramics of Chersonesos are viewed in this article in comparison to materials from the excavations of the ancient cities of the Northern Black Sea region. The main groups (bowls, pots, jugs) and the types of dishes have a certain peculiarity. The analogies are noted to monuments in the European Bosporus and the barbaric burial grounds of Crimea.

Key words: *Northern Black Sea region; Chersonesos; Bosporus; modelled ceramics.*

УДК 904(903.53)

Н. Ф. Федосеев

Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи

В 2013 году были проведены исследования в районе Царского кургана для поиска лапидарных памятников под развалинами разбомбленным во время Великой Отечественной войне навесом. В раскопе 50 м² выявлен фундамент этого навеса. Среди развалин обнаружены самые разнообразные лапидарные памятники, в большей части, фрагментарные. Среди находок выделяется необычный архитрав, украшенный медузами. Архивный поиск привел к выводу, что это архитектурные детали из знаменитого «Львиного кургана». Археологические исследования в районе Царского кургана показали полную бесперспективность дальнейших поисков лапидарных памятников.

Ключевые слова: *Царский курган; Керченский музей; надгробие; лапидарные памятники; архитрав.*

Среди памятников античного мира нет более грандиозного и совершенного погребального сооружения, чем Царский курган. Раскопки насыпи кургана директор Керченского музея А. Б. Ашик начал 3 ноября 1833 г., но лишь в феврале 1837 г. они увенчались открытием замечательной гробницы. В газете «Одесский вестник» 6 февраля 1837 г. (№ 11) была напечатана следующая корреспонденция из Керчи. *«В большом кургане, близ Нового Карантина, названном Царским, раскопка которого начата еще в 1834 г., открыты г. Ашиком огромные, в сажень толщины стены, из больших тесаных камней, украшенных рустиками. Стены эти, по мнению г. Ашика, образуют ход в гробницу, которая должна находиться в центре кургана. Ход этот не имеет свода, и чтобы дойти до предполагаемого места, должно разрыть и вынести покрывающую его огромную массу земли, отчего работы на этом кургане должны продолжаться еще по крайней мере целый месяц. Чтобы иметь понятие о величине этого кургана, важнейшего из всех курганов Боспорского царства, нужно только сказать, что в центре своем он имеет до восьми сажень в вышину. Этот ход почти в самом начале заложен большими тесаными плитами, укрепленными по концам свинцом. Надеялись, что, разломав эту преграду, можно будет войти в гробницу, но позже открылось, как сказано выше,*

что этот ход не имеет свода и забит мелким щебнем, известью и землею». 22 февраля в рапорте, направленном Керченскому градоначальнику, Ашик уже сообщил об открытии склепа.

Грандиозность самого кургана, обнаружение монументального и великолепного в архитектурном отношении дромоса — все это давало исследователю надежды на открытие в гробнице исключительно ценных находок, перед которыми померкнет Куль-Оба. Понятно, что при таких настроениях и ожиданиях, обнаружение пустого, полностью ограбленного склепа не могло не вызвать разочарования. Отсутствие находок внутри склепа побудило Ашика продолжать раскопки насыпи Царского кургана в расчете на возможность обнаружения других гробниц, притом не разграбленных. Он, по-видимому, настолько был уверен в присутствии какой-то боковой гробницы в восточной части кургана, что стал вести раскопки на собственные средства.

Раскопки Царского кургана шли с некоторыми перерывами одиннадцать лет — в 1844 г. он безрезультатно был исследован с западной стороны .

Единственным зафиксированным фактом является находка обломков керамики. Но мы не знаем ни ее характера, ни возможного объяснения присутствия ее в курганной насыпи.

Некоторые дополнительные прокопы в насыпи Царского кургана сделаны в 1853 г. во время обмеров кургана, проводившихся в связи с подготовкой к изданию ДБК.

Осуществление работ было возложено на подполковника корпуса топографов Рябова и «архитектурного помощника» Шмакова. В смете, составленной Шмаковым по Царскому кургану, предусматривались расходы: *«Для раскопки и обратной засыпки колодца сверху кургана до ключа и для очистки ключа... Для прорытия траншеи сбоку кургана... Для разобрания бутовой кладки, которой обложены тесаные стены кургана».*

После открытия склепа в 1837 г. Царский курган не был обеспечен охраной. Не подвергся он тогда и консервационно-реставрационным работам, которые могли бы предотвратить воздействие природных факторов. В результате, памятник стал постепенно разрушаться, чему в немалой степени способствовало отсутствие перекрытий над значительной частью дромоса.

В августе 1863 года Керчь и Царский курган посетил цесаревич Николай Александрович. Его гробница произвела на него впечатление, но жалкий вид кургана (насыпь была изрыта, около основания нагромождены кучи грунта, дромос засыпан землей) вызвал недовольство цесаревича, которое было доведено до руководства ИАК. В результате В. Г. Тизенгаузен незамедлительно отправился в Керчь и обсудил с А. Е. Люценко меры по предотвращению дальнейшего разрушения [Виноградов, 2012, с. 156].

Первоначально планировалось обратиться к «богатым жителям» Керчи, но, убедившись в том, что никаких благотворительных средств на Царский курган собрать не удастся, Археологическая комиссия решила начать раскопки, используя свои финансовые ресурсы. 18 января 1865 г. директору Керченского музея Люценко было послано указание приступить хозяйственным способом к выполнению первоочередных охранно-реставрационных земляных работ на Царском кургане.

[Архив ИИМК РАН, дело Археол. комиссии, 1864, №22, л. 18].

В марте 1865 г. были произведены самые неотложные земляные работы по очистке от завалов дромоса-галереи, *«…на всем ее протяжении, заключающем в себе не 16 1/2 саж. (как показано в Эрмитажном издании), а 17 1/2 саж.»,* — писал Люценко в своем рапорте от 20 апреля 1865 г. Интересно, что в связи с расчисткой дромоса Люценко произвел раскопки «подошвы» кургана, остававшейся нераскрытой, против входа в дромос. Наличие неснятой здесь периферийной части насыпи кургана создавало неблагоприятные условия для дромоса, куда неизбежно

Рис. 1. Фото навеса у Царского кургана. Фото из фондов Керченского музея.

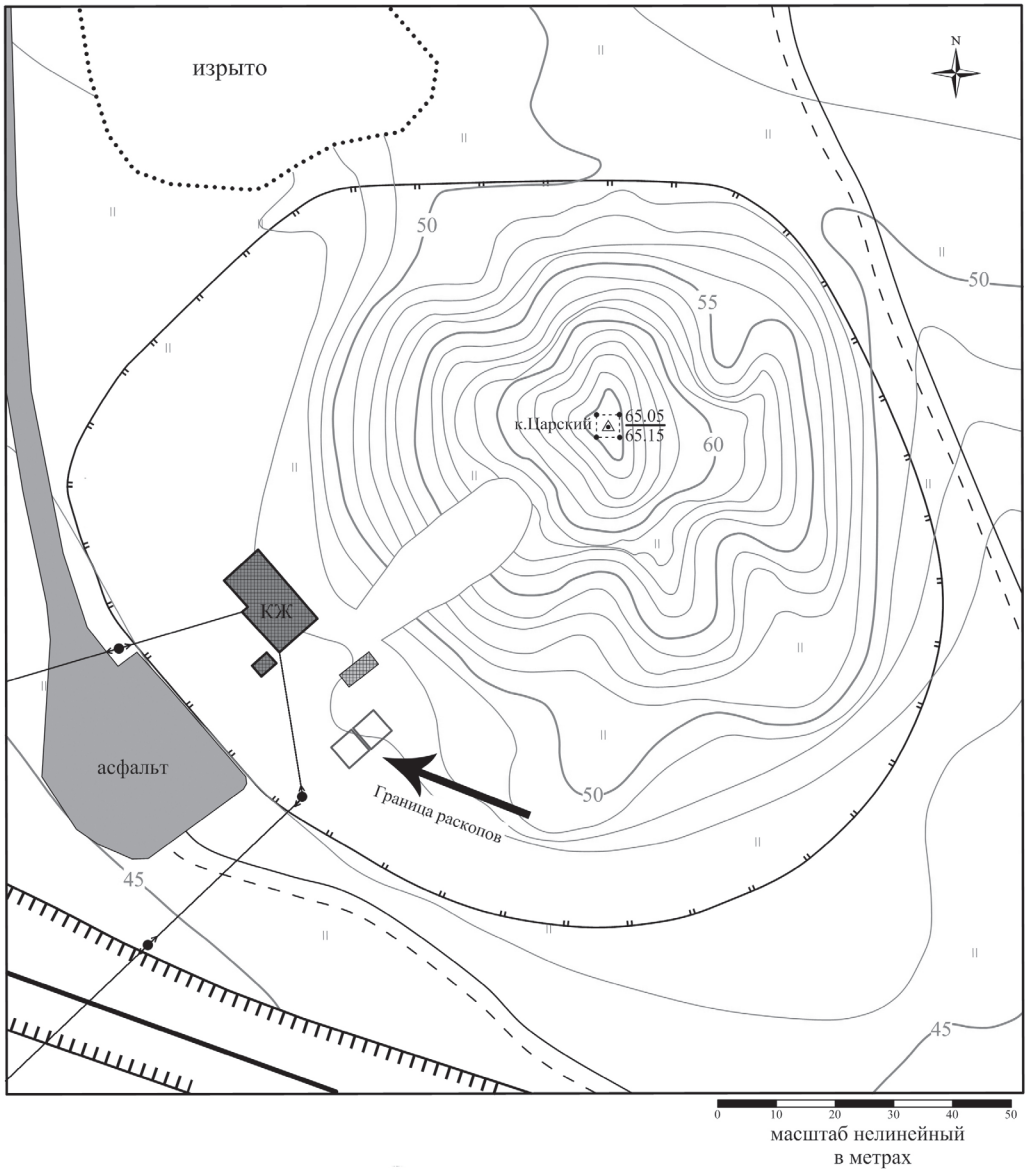

Рис. 2. Схема Царского кургана с указанием раскопа 2013 г.

должны были устремляться потоки дождевых и талых вод. Удалив насыпь, находившуюся на подходе к дромосу, директор сделал любопытное открытие. Он обнаружил *«…на расстоянии 6 саж. от начала галереи род ограды в виде треугольного вала, сложенного из неправильных камней разной величины, между которыми найдено несколько черепков от расписной глиняной амфоры»* [Архив ИИМК РАН, дело Археол. комиссии, 1864, № 22, л. 12].

Почти сразу же Царский курган стал использоваться для хранения памятников (прежде всего, лапидарных). Известно, что рабочие Брянского завода целыми толпами посещали Царский курган, переворачивали находящиеся в галерее памятники. В июне 1898 г. они украли мраморную детскую ступню и фрагмент мраморной детской головки. Все увещевания и запрещения сторожа не имели никакого успеха, вызывали только угрозы со стороны рабочих. Пришлось, на всякий случай, вооружить сторожа револьвером, а перед галерей кургана соорудить массивные деревянные ворота.

Постепенно количество памятников увеличивалось, и перед Великой Отечественной войной встал вопрос о сооружении навеса, где бы они складировались. Такой навес был построен (рис. 1). Помимо фотографии, сохранившейся в фондах Керченского музея, никаких сведений о нем не сохранилось. Он представлял собой крытый навес П-образной формы, длинной стеной вытянутый по оси СВ-ЮЗ. Во время войны навес разбомбили, и памятники оказались погребенными под его развалинами. Большую часть этих памятников удалось отыскать сотрудникам Керченского музея. Многое оказалось фрагментированным. В 1980 г. поиском лапидарных памятников занимался С. А. Шестаков. От них осталась только опись находок из 47 фрагментов [Архив КИКЗ. Оп. 2, д. 880, т. 2, л. 110-115; Бабич, 2014].

В 2013 г. было решено провести экспедицию по выявлению места навеса и поиску оставшихся памятников. В настоящее время дневная поверхность в этом месте заросла кустарником. Микрорельеф сложный, с воронками, траншеями. На рельефе, предположительно на месте разрушенного павильона, выделялось небольшое всхолмление. В 27 м к ЮВ от дромоса кургана был заложен раскоп I (два квадрата по 5х5 м) вдоль предполагаемого расположения павильона (рис. 2).

Верхний слой на всей площади раскопа представлял собой развал каменных стен и ямы выборки. Основные находки были сделаны в верхних слоях, в то время как ниже лежащие слои представляли собой плотный суглинок, в который были впущены фундаменты, без вещественных находок. Раскопками открыт фундамент стены, камень же, годный для строительства, был выбран ранее.

Фундамент павильон обнаружен на глубине около 1 м от условного нуля раскопа. Удалось расчистить центральную часть его длинной стены и внутреннее пространство, в котором находились лапидарные памятники (рис. 3). Кладка регулярная, орфостатная, трехслойная (два лицевых панциря, соединенных каменными перемычками и глинисто бутовое заполнение), сохранилась на высоту двух рядов камней. Строительный материал — пиленый камень семерик 0.70х0.20х0.20 м. Ряды кладки сложены насухо в разбежку. Павильон был построен из камней стены, сложенных насухо, крыша черепичная из «татарки» с использованием известкового раствора.

К сожалению, выборки камня повредили полы павильона и конструкцию проследить не удалось. Нами был зафиксирован шурф размерами 3х3 м, который выкопан в 1980-м г. сотрудником Керченского музея С. А. Шестаковым.

При расчистке территории на дневной поверхности обнаружены фрагменты каменной скульптуры, тарапан, мраморный архитрав. Во время расчистки завала из битого камня обнаружены фрагменты надгробных стел, саркофагов, архитектурных деталей, мраморные фрагменты надписей, а так-

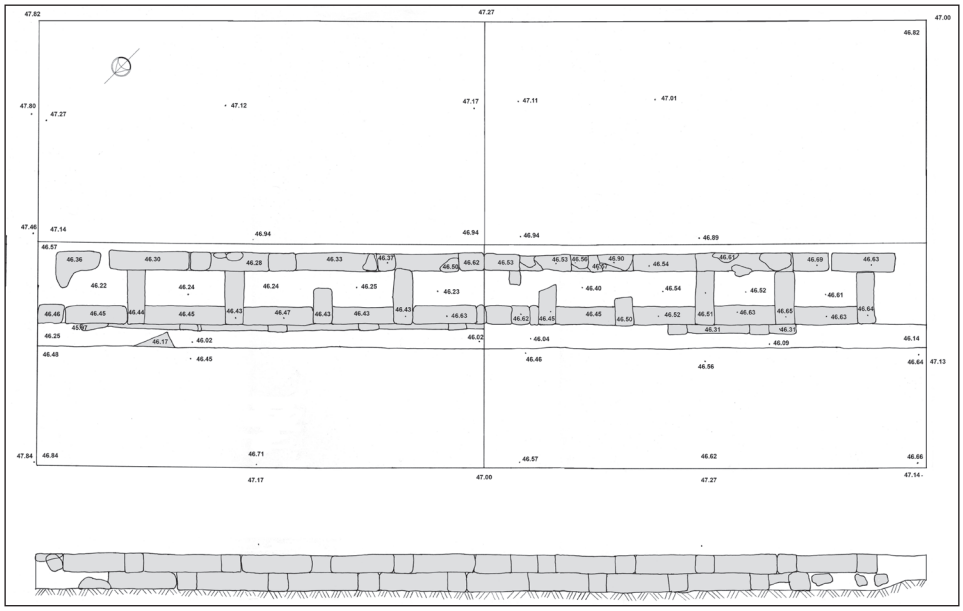

Рис. 3. Раскоп 2013 года.

Рис. 4. 1. Фрагмент головы. 2. Фрагмент капители столба. 3. Фрагмент надгробной стелы. 4. Фрагмент надгробной стелы. Фрагмент надгробной стелы. 6. Фрагмент надгробной стелы. 7. Фрагмент надгробной стелы.

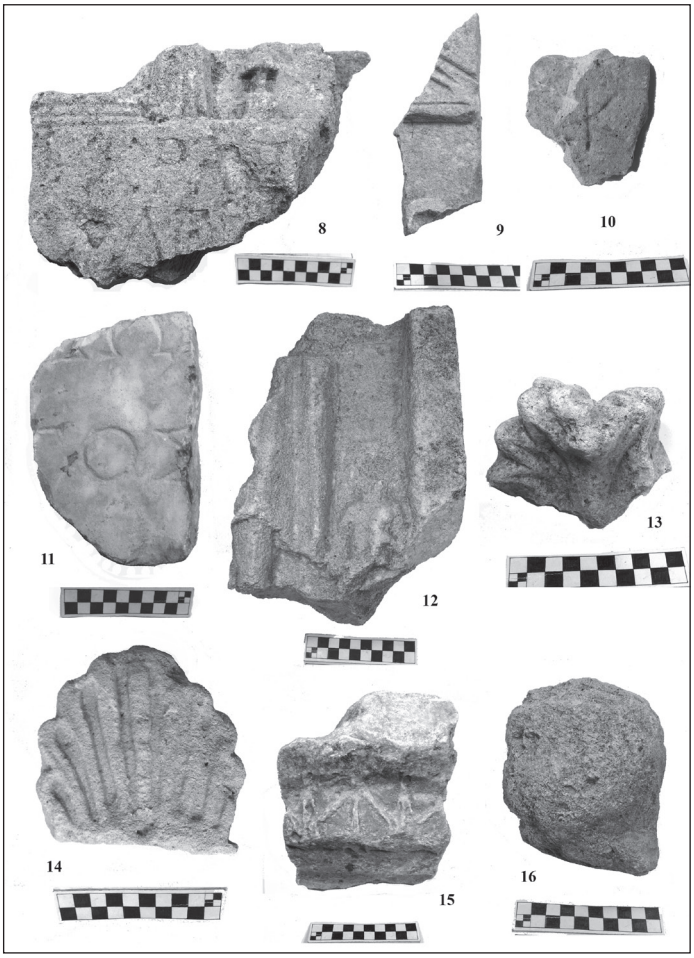

Рис. 5. 8. Фрагмент надгробной стелы. 9. Фрагмент надгробной стелы. 10. Фрагмент плиты с надписью. 11. Фрагмент плиты с надписью. 12. Фрагмент надгробной стелы. 13. Фрагмент листа аканфа. 14. Каменный акротерий от саркофага. 15. Фрагмент цоколя. 16. Фрагмент круглой скульптуры.

Рис. 6. 17. Фрагмент рельефа. 18. Тарапан. 19. Фрагмент архитектурной детали. 20. Антаблемент.

Рис. 7. Фото из архива ИИМК.

же многочисленные мелкие фрагменты чернолаковой керамики, античной черепицы, гильзы, изделия из железа, фарфоровые фрагменты посуды XIX — первой половины XX в.

1. Фрагмент головы. Часть рельефа надгробной стелы. (Рис. 4.1).

Известняк. 0.13х0.12 м.

Отбит снизу и сзади.

2. Фрагмент капители столба (пилястра). (Рис . 4.2).

Известняк. 0.20х0.18 м

Отбит сверху и справа. Сохранилась левая часть, карниз хорошо обработан.

Капитель имела двухфасадную симметричную композицию, Наличие третьего и четвертого фасада не ясно. Профилировка состоит из абаки с выкружкой, трапециевидного эхина и шейки.

Аналог: [Буйских, 2009. №. 113].

Дата — III-II вв. до н. э.

3. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 4.3).

Известняк. 0.16х0.12х0.18 м.

Обработана передняя (?) часть, сложно профилированная часть карниза (?)

4. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 4.4).

Известняк. 0.14х0.14 м.

Нижняя часть надгробного рельефа с изображением ног «служки».

5. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 4.5).

Известняк. 0.21х0.20 м.

Глубина рельефа 0.20 м.

Верхняя часть надгробной стелы с частью рельефа и карниза, поле рельефа пусто, обработана передняя и левая часть стелы. Карниз без акротериев.

6. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 4.6).

Известняк. 0.11х0.10 м

Глубина рельефа 0.39 м.

Сохранился низ рельефа с изображением ножки ложа (?) или ног служки и часть надписи:

[…]ΓΕΙΠ[…]

7. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 4.7).

Известняк. 0.155х0.15х0.08 м. Глубина рельефа 0.01 м.

Неясное изображение.

8. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 5.8).

Известняк. 0.26х0.17х0.12 м. Глубина рельефа 0.02 м.

Сохранилась нижняя часть рельефа с изображением левой колоны, служки

и ножки кресла. Аналог ножки кресла: [Матковская и др., 2009. №146 сл.].

Слева сохранилась база антов. Аналог: [Матковская и др., 2009, с. 56. №21].

По рельефом надпись:

ΧΡΗΣΤ[...]

ΑΓ[…]

……

Дата: первая половина I в. н. э.

9. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 5.9).

Известняк. 0.15х0.06х0.11 м.

Сохранился правый край стелы, фрагмент оформления карниза и часть рельефа неясного содержания.

10. Фрагмент плиты с надписью. (Рис. 5.10).

Известняк. 0.10х0.10 м. Сохранилась часть надписи по линейке, в. б. 0.45 м.

[---]Κ[--]

По букве датировка II в. н. э.

11. Фрагмент плиты с надписью. (Рис. 5.11).

Мрамор, 0.12х0.18 м. Часть многострочной надписи, сохранились две строки:

[…]ΔΩ[…]

[…]ΤΟΣ[…]

В. б. 0.04 м

По характеру письма надпись относится к I в. до н. э. — I в. н. э.

12. Фрагмент надгробной стелы. (Рис. 5.12).

Известняк. 0.26х0.19х0.105 м. Глубина рельефа 003 м.

Сохранилась лишь часть рельефа — часть фигуры стоящего мужчины, одетого в гиматий и служки справа от него.

13. Фрагмент листа аканфа. Возможно, от венчающей декоративной плиты или от капители колоны коринфского ордера. (Рис. 5.13).

Известняк. 0.11х0.08 м

Отбит снизу и сзади.

Аналог: [Буйских, 2009. №71, 169, 171].

14. Каменный акротерий от саркофага (?). (Рис. 5.14).

Известняк. 0.12х0.12х0.12 м.

Низ отбит.

Верхняя часть антефикса в виде плотного блока прямых, расширяющихся к закругленным концам рельефных лепестков пальметты.

15. Фрагмент цоколя. (Рис. 5.15).

Мрамор, 0.16х0. 18х0.15 м.

Профилировка состоит из лесбийского киматия с рельефной порезкой, скоции и полувала в основании фрагмента. Хорошо проработаны верхняя и нижняя поверхности, по лицевой стороне имеются сколы. Тыльная сторона не проработана.

Дата — вторая половина IV — первая половина III в. до н. э.

Аналог: [Буйских, 2009. №23].

16. Фрагмент круглой скульптуры (?). Голова (?). (Рис. 5.16).

Известняк. 0.12х0.12 м.

Сохранность плохая, левая часть практически полностью отбита, сохранилась лишь правая часть с проработкой шеи и глаза.

17. Фрагмент рельефа. Женщина, сидящая в кресле. (Рис. 6.17).

Известняк. 0.25х0.22х0.16 м.

18. Тарапан с площадкой крестовидной в середине. (Рис. 6. 18).

Известняк.

Размеры 0.56х0.54х0.12 м.

Фрагмент борта отбит.

19. Фрагмент архитектурной детали. (Рис. 6.19).

Триглиф, известняк. Размеры 0.43х0.45х0.31 м.

20. Антаблемент. (Рис. 6.20).

Мрамор. Размеры 0.43х111х0.26 м.

Состоит из архитрава и фриза, вырезанных в одной плите. Стилистические признаки характерны для дорического ордера. По длине фасада сохранились три триглифа, между ними маски медузы Горгоны округлой формы.

Архитрав и фриз разделены тенией с регулами. На каждой регуле по шесть небольших гутт трапециевидной в плане формы, вырезанных монолитом вместе с плоскостью архитрава.

Дата IV — III вв. до н. э.

Столь необычный архитрав, украшенный медузами, заставил меня прове-

сти поиск аналогий, и этот поиск увенчался успехом. В архивных документах о «Львином кургане» удалось найти упоминание об этой плите. Известно, что лев, давший название кургану, был специально зарыт в яму, и его прикрывали плита с фризом, украшенного головами медузы [Дело Императорской Археологической комиссии о находках в Керчи на усадьбе полковника Волошкевича мраморной статуи льва / Архив ИИМК АН СССР. Ф. 1 1894 г. Арх. №158. Лист 34]. К делу приложена фотография этого блока (рис. 7). Интересно, что вместе с этой плитой в той же яме были найдены два тарапана — большой и меньших размеров. Среди наших находок также присутствует тарапан (№ кат. 18). Еще один тарапан, более крупный (№КХ93), обнаружен ранее. Следует ли отождествить тарапаны из Львиного кургана с найденными на Царском? В то же время, В. Ф. Гайдукевич отмечает наличие тарапанов до Великой Отечественной войны в лапидарии Царского кургана. Как он справедливо указывал, эти тарапаны, как и плита с медузами, оказались в яме случайно [Гайдукевич, 1958, с. 437].

Таким образом, археологические исследования в районе Царского кургана показали полную бесперспективность дальнейших поисков лапидарных памятников. Единственное место, где могут находиться лапидарные памятники — сторона насыпи к западу от дромоса. Архитектурные особенности навеса ясны.

1. Бабич О. П. Репозиция надгробных памятников из собрания Керченского музея // Научный сборник Керченского заповедника. IV. Симферополь, 2104. С.85-137.

2. Буйских А. В. Античная архитектура. Том IV, книга 1. Киев, 2009.

3. Виноградов Ю. А. Страницы истории Боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859-1917) // Боспорские исследования. Вып. XXVII. Симферополь, 2012. 368 с.

4. КБН — Корпус Боспорских надписей. (Т.Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов). М.–Л., 1965. 950 с.

5. Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // МИА. 58. Москва, 1958, с. 352–457.

6. Матковская Т. Твардецки А., Тохтасьев С., Бехтер А. Боспорские надгробия II в. до н.э. — III в. н.э. Киев-Варшава, 2009.

7. Шалькевич А. А. Архитектурное исследование Царского кургана // ТГЭ. XVII. 1976, с. 138–165.

Список сокращений

ИИМК — Институт истории материальной культуры
КИКЗ — Керченский историко-культурный заповедник
МИА — Материалы по истории и археологии
ТГЭ — Труды государственного Эрмитажа

Surveys completed in 2013 in the area of the Thar's barrow aiming search of the lapidary objects under the bomb-destroyed during the Great Patriotic War. Excavation site of 50 square meters revealed basis of the pavilion. Different lapidary objects mainly in fragments were found. Unusual architrave with Medusas stands out among findings. Archival survey led to conclusion that these details belong to the marble Leo from the famous "Leo's barrow". Archeological survey in the vicinity of the King's barrow revealed total hopefulness of the further search of lapidary objects.

Key words: *Thar's barrow; Kerch museum; grave-stone; lapidary objects; architrave.*

УДК 902.2

В. А. Хршановский

Круглые святилища на илуратском плато. Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности*

Публикация ритуального сооружения с кольцевой кладкой № 230, исследованного на Илуратском плато в 2011-2013 гг., подтверждает сакральное назначение открытых здесь ранее «каменных кругов-святилищ» и их датировку IV — началом V вв. н. э.

Ключевые слова: *Святилище; ритуал; жертвоприношение; хронология; этнокультурная принадлежность.*

В 2013 г. было завершено исследование ещё одного позднеантичного ритуального комплекса (святилища) на Илуратском плато. Оно представляло собой круглую в плане конструкцию диаметром 2,5-2,8 м, глубиной около 1,5 м, вырубленную, в отличие от 9 остальных близких по форме святилищ Илуратского плато, не в скальном массиве, а в материковом суглинке. По окружности котлована шла двухрядная кольцевая кладка (высота до 0,4 м) из небольших (от 0,1х0,1 до 0,2х0,5 м) уплощенных камней, Нижний ряд кладки лежал на слое серо-желтого суглинка (мощность 0,4-0,6 м), перекрывающем предматериковый слой суглинка темно-серого цвета (0,2-0,4 м).

Вход в сооружение находился с восточной стороны. Подводящий к нему коридор был сильно разрушен грабительским шурфом. Форма его (прямоугольник, вытянутый в направлении северо-восток — юго-запад) и размеры (1,5х2,1 м) устанавливаются приблизительно. Невысокий (до 0,2 м) порог-ступенька отделял от него основное (круглое в плане) помещение. Обнаруженная здесь же известняковая плита треугольной формы (1х1 м, толщиной 0,2-0,35 м),

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 14–06–90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки».

могла использоваться в качестве закладной, закрывавшей вход (Рис. 1).

Круглое помещение было перекрыто наброской из камней и щебня. Они заполняли его на глубину до 0,5-0,6 м. Ниже, в северной половине, было зафиксировано скопление камней, примыкающее изнутри к его стенке. Возможно, это были остатки алтарной конструкции, вполне уместной в ритуальном сооружении. После того, как это скопление было разобрано, при окончательной зачистке пола, открыта впущенная в материковый суглинок вымостка из небольших плоских обломков известняка (от 0,1х0,1 до 0,2х0,5 м, толщиной 0,1-0,15 м) вытянутая с юго-востока на северо-запад (длина около 3 м, ширина — 0,9-1 м). С обеих сторон вымостка на 0,2-0,3 м выходила за пределы помещения, под кольцевую кладку. Это позволяет предположить, что кладка (и предполагаемый алтарь) были сооружены над вымосткой позже. В юго-восточной части вымостки, на плоских камнях in situ лежали две половинки нижней челюсти лошади, обращенные к северо-западу (Рис. 2). Эти явные следы ритуальных действий подтверждают небытовой, сакральный характер сооружения № 230 в целом.

Косвенно об этом свидетельствуют и другие находки. Так, среди каменно-щебенчатой наброски, перекрывавшей весь комплекс, оказались два дисковидных камня, диаметром 0,2-0,3 м, которые могли использоваться в качестве алтариков. Среди потенциально ритуальных вещей — лепной светильник, «асинхоронные» вещи из грунта заполнения, реликты каменного века — фрагментированное кремневое орудие, кремневый отщеп; ножка гераклейской амфоры, относящаяся к другой (по отношению ко времени функционирования святилища) исторической эпохе — второй половине IV — началу III вв. до н. э.; «вневременные», но не случайные в данном археологическом контексте, — астрагал, обломки гранита.

Следами совершавшихся здесь ритуальных действий являются довольно многочисленные кости животных: лошади, коровы, овцы, козы и свиньи. Единичные фрагменты человеческих останков из верхнего слоя засыпки, скорее всего, оказались здесь случайно. Однако в 2014 г. в непосредственной близости от ритуального комплекса № 230 С. Л. Смекаловым была произведена магниторазведка участка с возможными грунтовыми погребальными сооружениями [Смекалов, 2014, с. 184], результаты которой будут учтены при планировании и проведении дальнейших археологических работ.

Остальной вещевой материал, найденный в ходе раскопок, особенно датирующий, весьма немногочисленный. В основном это профильные фрагменты амфор. К самым ранним из них, синхронным времени сооружения и первоначального использования ритуального комплекса, относятся ручка розовоглиняной амфоры III в. н. э., стенки амфор с желобками по тулову, нижней хронологической границей которых является конец III в. н. э., хотя, как и ручки других красноглиняных амфор, они могут принадлежать и к позднеантичному времени, и даже к средневековью. Найденные в грунте заполнения уплощенные ручки светло-глиняных амфор с одним валиком на верхней плоскости относятся к Типу 1. 1 по Сазанову и датируются уже — IV — первой половиной V в. н. э. [Сазанов, 1993, с. 16, рис. 3].

Среди кружальной керамики, обнаруженной при исследовании ритуального сооружения № 230, большинство фрагментов красноглиняной и краснолаковой могут лишь широко датироваться III-IV вв. н. э. Однако, наряду с этим (преимущественно в верхних слоях), встречались и фрагменты стенок сероглиняного горшка с линейно-зональным орнаментом, сделанного на медленном круге и лепного венчика с вдавленным орнаментом, характерных для салтовской культуры. Средневековый материал свидетельствует о вторичном использовании (своеобразной «перемаркировке») этого позднеантичного ритуального сооружения (как и многих других на Илуратском плато) в VIII-IX вв.

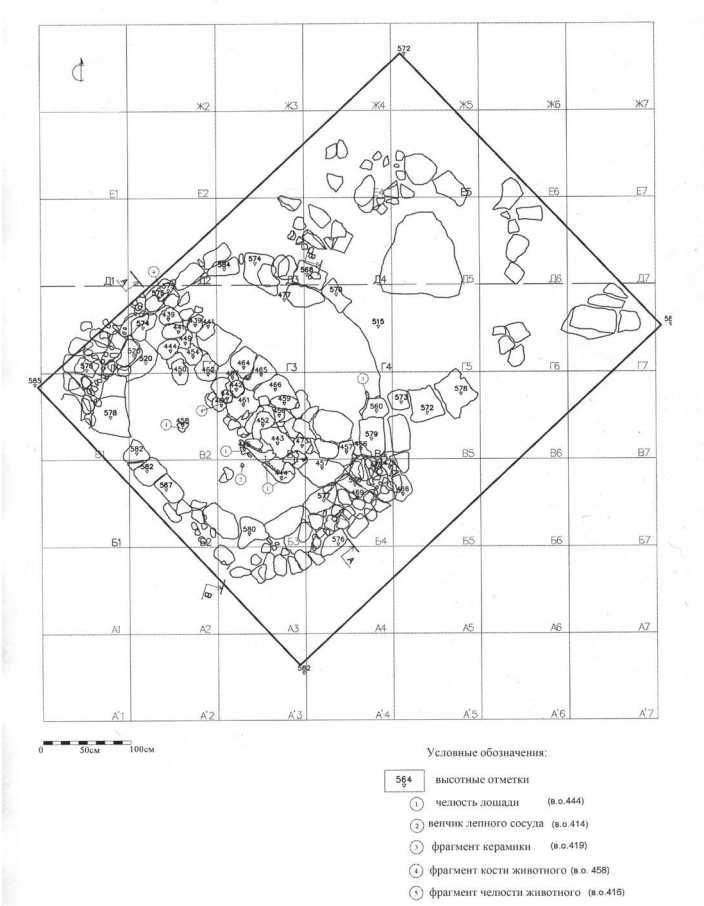

Рис. 1. Ритуальный комплекс № 230. План

Рис. 2. Ритуальный комплекс № 230. Вид с юго-запада

Похожие по форме, довольно многочисленные круглые сооружения на Илуратском плато замечали, фиксировали и по-своему интерпретировали почти все исследователи этого памятника, начиная с Поля Дюбрюкса. Возможно, они были среди небольших «башен» и сооружений разного диаметра,

упоминаемых в его «Описании развалин и следов древних городов и укреплений…» и обозначенных на «Плане поселения или города, примыкающего к акрополю Кермеш-Келечика…» [Дюбрюкс, 2010, т. 1, с. 309-310; т. 2, с. 219, рис. 510 сл]. Часть из них сам Дюбрюкс интерпретировал как башни внешней оборонительной стен.

Рис. 3."Круги-святилища" на Илуратском плато

Уже В. Ф. Гайдукевичу интерпретация этих башен, как части фортификационной системы, казалась сомнительной. Он отмечал, что «круги» на плане Дюбрюкса имеются как внутри огражденной территории, так и вне нее. К тому же, эти многочисленные круги, диаметром от 2-3 до 30м, отмеченные и не отмеченные на плане Дюбрюксом, «не производят впечатления каких-либо монументальных сооружений, могущих иметь военно-оборонительную роль» и скорее были похожи на примитивные ограждения, сделанные из подручного материала [Гайдукевич, 1950, с. 188].

Мысль о возможном культовом назначении (кромлехи?), по крайней мере, части этих сооружений Гайдукевичем была высказана. Он обратил внимание на то, что один из «кругов» в южной части плато находится вблизи катакомбного могильника, открытого Дюбрюксом. Однако, не обнаружив после разведочных раскопок в двух таких же «кругах» могил, он склоняется к другой версии. Культурный слой, обнаруженный внутри исследованных «кругов» (зольные отложения, кости животных, фрагменты керамики и кусок каменного жернова), по его мнению, относится к III-IV вв. или еще более позднему времени, и, таким образом, эти конструкции уже не связаны с античным городом Илуратом. Раскопки В. Ф. Гайдукевичем илуратского зольника, на вершине которого находились два больших каменных круга, обозначенных еще на плане Дюбрюкса, подтвердили, что «круги» имеют позднее происхождение, «лежат на культурных отложениях III в. н. э. и раньше этого времени возникнуть не могли». Гайдукевичем было высказано предположение, что «круги», скорее всего, представляют собой «…остатки какого-то значительно более позднего кочевнического стойбища [Гайдукевич, 1950, с. 188], возможно, ограждения загонов для скота или обрамления юрт раннесредневекового (VIII-IX вв.) времени [Гайдукевич, 1958, с. 137-138].

Интерпретация «кругов» П. Дюбрюксом и В. Ф. Гайдукевичем во многом была предопределена их представлениями о том, что находилось на этой территории — в 0,6-0,7 км к югу и юго-востоку от стен городища. Первый размещал здесь селение, окруженное еще одной внешней крепостной стеной.

Второй — городскую свалку из золы и мусора, на которой после прекращения ее функционирования и появляются «круги». Археологический контекст «кругов» начал меняться после того, как в 1947 на северо-восточном краю илуратского плато М. М. Кублановым был открыт склеп №1 и, соответственно, «верхний» некрополь. То, что «круги» теперь оказываются на территории некрополя, Гайдукевичем было отмечено [Гайдукевич, 1958, с. 139]. Но, считая, что они относятся к разным эпохам, он никак не связывал их между собой.

М. М. Кубланов в 1968 г. провел разведочные работы внутри одного из «кругов» в северо-восточной части Илуратского плато, но обнаружив в ходе раскопок позднеантичный и раннесредневековый материал, прекратил их, так как этот памятник хронологически выходил за рамки исследования некрополя Илурата. Позже, в 1970-72 гг., им был исследован один из «кругов» в противоположной — юго-западной части плато. Этот «круг» уже был удостоен предварительного рабочего названия — «святилище». Время его сооружения и первоначального использования М. М. Кубланов определил III-IV вв., что совпадало с нижней хронологической границей «кругов», исследованных В. Ф. Гайдукевичем [Кубланов, 1983, с. 122, прим. 17]. При перестройке и вторичном использовании на скальном полу был вырезан крестовидный знак, ориентированный (с небольшим отклонением) по оси восток-запад. Этот «христианский» этап функционирования «святилища» может датироваться V-VI вв. н. э. Самые поздние материалы в этом комплексе относились (так же как и в «кругах», исследованных В. Ф. Гайдукевичем) к хазарскому времени.

За последние 30 лет (с 1984 по 2013 г.) в восточной части Илуратского плато были открыты и исследованы еще 7 близких по форме, размерам и, предположительно, функциональному назначению конструкций: 6 «кругов» (№№ 67, 102, 103, 161, 229 и 230) и одно сооружение прямоугольной формы (№ 162). Последний — восьмой — «круг» (доследованный в 1984 году В. А. Горончаровским и не получивший порядкового номера) находился на севере, примерно в 185 м к югу от южной угловой башни городища (Рис. 3). Собранный материал позволил предложить для открытых и исследованных конструкций новую версию их функционального назначения и уточнить хронологические рамки их существования [Хршановский, 1988, с. 16-27; Хршановский, 1999, с. 52-57; Ханутина, Хршановский, 2003, с. 315-328; Khrshanovskiy, 2010, p. 401-404]. При этом, окончательное суждение о назначении «каменных кругов» Илуратского плато, разработка типологии и хронологии будут возможны только после полного завершения их археологического исследования.

Исследованные к настоящему времени сооружения имеют некоторые общие черты, позволяющие рассматривать их, в целом, как единое (и, возможно, единовременное) археологическое явление. У них отсутствовали какие бы то ни были следы перекрытий. Все они после последнего использования были забросаны камнями. Обнаруженные в ходе раскопок алтарные конструкции, жертвенные ямы, следы огня и жертвоприношений животных, отдельные веши, которые могли использоваться в ходе ритуальных действий (жернова, керамические светильники, железный лябрис) позволяют предположить, что это были своеобразные святилища — «тризницы».

Хронология «кругов-святилищ» затрудняется скудностью вещевого материала, потенциально синхронного времени их сооружения и наличием «асинхронного» — как заведомо более раннего, так и более позднего. В трех случаях были зафиксированы бесспорные следы вторичного использования «кругов». Один был перепланирован дважды или трижды, и в последний (!) раз, возможно, в VII-VIII вв. [Кубланов, 1983, с. 122, прим. 17]. В другом (№ 67) было обнаружено впускное погребение, датируемое по комплексу материалов, включая монету — малый медный номинал императора Аркадия — 395-408 гг, первой половиной V в. [Хрша-

новский, 1988, с. 20-27]. В третьем, ближайшем к городищу (исследованным В. А. Горончаровским), наряду с античным материалом, были обнаружены следы вторичного использования — выгородки, сделанные средневековой кладкой — “елочкой”, дающие terminus ante quem его сооружения.

Единственный, более или менее надежный, хронологический ориентир из датирующих находок — профильные фрагменты розовоглиняных, красноглиняных с реберчатым туловом и поздних светлоглиняных амфор. Они датируются концом III-V в. н. э. Насколько можно судить, большинство кружальной керамики (красноглиняной, краснолаковой, сероглиняной) относятся к тому же времени. Фрагменты керамики хазарского времени (сделанной на «медленном круге» с линейно-зональным орнаментом, лепной, салтовского типа и средневековой поливной) также встречаются, но не преобладают.

Таким образом, по совокупности всех имеющихся на сегодня данных, с учетом исследований В. Ф. Гайдукевича и М. М. Кубланова, «круги-святилища» на Илуратском плато появляются не ранее конца III в. н. э. и функционируют в своем первоначальном качестве до начала V в. н. э. В пользу их «постилуратского» происхождения говорит не только хронология, но и топография: они разбросаны по всей территории плато без видимого порядка и вне связи с известными на сегодня местами концентрации погребально-поминальных комплексов.

Вопрос об этнокультурной принадлежности ритуальных комплексов этого времени на Илуратском плато пока остается открытым. Можно лишь предположить, что круглые святилища конца III-IV вв. связаны с поздними сарматам и аланами. Примерно в это же время присутствие алан фиксируется в других поселениях Европейского Боспора, например, на городище Белинское [Зубарев, 2009, с. 177-178] и, возможно, в позднеантичном грунтовом некрополе возле Китея [Хршановский, 2015. В печати].

---

1. Гайдукевич. В. Ф. Боспорский город Илурат. // Советская археология XIII, М-Л, 1950, с. 171-204.

2. Гайдукевич. В. Ф. Илурат// Боспорские города II. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА) № 85. М-Л, 1958. С . 9-148.

3. Дюбрюкс. П. Собрания сочинений. Т I-II, СПб., 2010. Т.I 726 с.; Т.2 310 с.

4. Зубарев В.Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III-IV вв. н. э.// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Сб. научных материалов X Боспорских чтений. Керчь, 2009, с. 175-181.

5. Кубланов М.М. Раскопки некрополя Илурата: Итоги и проблемы// Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. научных трудов. Л., 1983, с. 96-129.

6. Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор//Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. Вып. 3, Симферополь, 1993, с. 16.

7. Смекалов С.Л. Магниторазведка на Илуратском плато// Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914-1998). СПб, 2014, с. 183-185.

8. Ханутина З.В., Хршановский В.А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата// Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003. С. 315-328.

9. Хршановский В.А. Позднеантичные погребенияя на некропроле Илурата// Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. научных трудов. Л., 1988. С. 16-27.

10. Хршановский В.А «Башни», «круги», «святилища»//Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научнрй конференции. СПб, 1999. С. 52-57.

11. Хршановский В.А. Юго-западный участок некрополя китея (итоги исследований 1992-2013 гг.) // Труды Гос. Эрмитажа. СПб, 2015. В печати.

12. Khrshanovskiy V. Ritual Construction in The Necropolis Of Small Cimmerian Bosporus Towns Of Kytaia And Iluraton// Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki, 2010. P. 399-415.

This publication is dedicate to the new ritual construction with ring-masonry № 230, excavated in the Ilouration plateau in 2011-2013, which confirm the sacral function «rock-circle — sacral monuments», opened here earlier, and there date — IV- beginning V A.D.

Key words: *sanctuary; ceremonial; sacrifice; chronology; ethnocultural attribution.*

УДК 94(37).08

С. В. Ярцев

Римская стратегия в Северном Причерноморье в конце III — первой половине IV в. н. э.[1]

Статья посвящена римской стратегии в Северном Причерноморье в конце III — первой половине IV в. н.э. По мнению автора, после трагических событий второй половины III в. н.э., римляне пытались вернуться к старой стратегии и восстановить в Северном Причерноморье буферную зону, не учитывая изменившуюся ситуацию в регионе.

Ключевые слова: *Римская империя; Северное Причерноморье; буферная зона; Боспорское царство; стратегия.*

Несмотря на то, что тема большой римской стратегии пользуется повышенным интересом среди ученых [Luttwak, 1976; Mann, 1979. P. 175-183; Isaac, 1990; Whittaker, 1994; Heather, 2001. p. 15-68], Северное Причерноморье позднеантичного времени еще не являлось объектом специального исследования в этом контексте. Особенно сложным здесь является период конца III — первой половины IV в. н. э., насыщенный бурными событиями и потрясениями, когда совсем не просто восстановить логику римского стратегического мышления. Очевидно, чтобы разобраться в данной проблеме, необходимо обратиться к военно-политической ситуации в регионе предшествующего времени.

Известно, что в период правления Септимия Севера буферная зона в Северном Причерноморье окончательно сложилась в виде глубоко эшелонированной системы обороны дальних подступов к империи. Ее ядром, как и раньше, являлись античные государства с прилегающими территориями, занятыми варварским зависимым населением. Однако функцию первого пояса обороны взяли на себя союзные сарматские орды, кочевавшие в междуречье Дона —

[1] Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ №2014/389 (НИР №1799).

Волги и не пропускавшие враждебных варваров из аланского племенного союза в причерноморские степи. При этом, координация военных действий с сарматскими союзниками осуществлялась через общину танаитов [Ярцев, 2014а, с. 494-503].

Трагические события второй половины III в. н. э. наглядно продемонстрировали, что наиболее уязвимым местом эшелонированной системы обороны рубежей Римской империи являлись морские коммуникации, чем варвары, в конечном итоге, и воспользовались. В Северном Причерноморье только у Боспора имелось достаточное количество кораблей, при помощи которых можно было обойти все препятствия буферной зоны и укрепления лимеса и быстро оказаться в центре неукрепленной римской территории. Варвары хорошо осознали данный недостаток римской обороны и со знанием дела использовали его в своих целях. Следовательно, самым слабым местом буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморья был Боспор. Скорее всего, именно это обстоятельство стало одной из главных причин изменения римской политики по отношению к указанному государству в позднеантичный период.

Очевидно, что уже император Аврелиан (270-275 гг.) имел какие-то цели по отношению к Северному Причерноморью, раз стал налаживать отношения с меотийцами, стараясь привлечь их на свою сторону. Возможно, это было связано с планами по переселению варваров из стратегически важного места на территорию провинций Малой Азии с целью ослабления антиримских сил на Боспоре. Однако рецидив враждебной Риму политики в этом государстве после убийства императора потребовал от преемников Аврелиана более решительных действий по отношению к боспорским варварам. Наиболее последовательным в этом плане стал активный продолжатель дела убитого правителя — новый император Проб, который, так же как и Аврелиан, был не только твердым солдатом, но и искусным политиком. Еще в самом начале своего правления силой воинских подразделений Херсонеса и окрестных варваров он привел к власти на Боспоре своего ставленника Тейрана. Новый царь буквально разорил крепости и поселения Крымского Приазовья, где незадолго до этих событий Савроматом IV были расселены меотийские варвары, которые являлись главной опорой его противника. Так как основные силы меотийцев находились в это время в Малой Азии, скорее всего, в основном пострадали их семьи (женщины и дети), многие из них, судя по археологическим данным [Зубарев, Пономарев, Ефименок, 2014, с. 250], погибли.

Проб, после того, как укрепил рейнско-дунайскую границу, отправился в Малую Азию возвращать под власть империи отошедшие от нее территории. Все это спровоцировало массовое возвращение меотийцев на Боспор и их ожесточенную войну с римским ставленником Тейраном в 280 — 285 гг. н. э. Не исключено, что она также была разорительна для боспорских городов и поселений [Ярцев, 2008, с. 69-85].

Достойным же продолжателем дела, намеченного Аврелианом и Пробом, стал император Диоклетиан (284-305 гг.). Он, бесспорно, являлся сторонником той же самой политики по отношению к Северному Причерноморью, что и его предшественники. Так, на фоне масштабных мероприятий по укреплению лимеса [Ван Берхем, 2005, с. 154], взаимоотношения с варварами император старался выстраивать исключительно с позиции силы [Голдсуорти, 2014, с. 264-265, 275-277]. Если же Диоклетиан и привлекал какие — либо племена к обороне границ империи, то делал это только с теми варварами, которые в ходе заключенного договора [Банников, 2013, с. 11] полностью переходили на сторону Рима. Войсковые же соединения при Диоклетиане, скорее всего, были равномерно распределены по четырем регионам империи и сосредоточены на границах [Мехамадиев, 2012, с. 15-16]. Именно поэтому, несмотря на старый спор по поводу времени создания особых поле-

вых армий [Mommsen, 1889, s. 195-279; Nischer, 1923, p. 1-55; Глушанин, 1987, с. 54-73], отметим, что существование таких подразделений при Диоклетиане мало соответствовало внешней политике, проводимой этим императором.

Теми же методами действовал Диоклетиан и на Боспоре, где уже длительное время шла война с меотийцами, возможно, осложненная борьбой за власть внутри боспорской элиты [Ярцев, 2008, с. 69-85]. Однако кризис античного мира постепенно сходил на нет, и это обстоятельство не учитывали антиримские силы на Боспоре. Тем более, не смогли они предусмотреть, что в ходе нормализации обстановки перед императорами, так или иначе, возникнет проблема скорейшего восстановления утраченного господства в Северном Причерноморье. Конечно о возведении буферной зоны в том виде, как она функционировала еще недавно, не могло быть и речи. Тира и Ольвия погибли, огромные Северо-Западные территории оказались захвачены готами, а степные районы к востоку контролировались враждебными аланами, лишь в исключительных случаях идущими на контакт. Правда, в тяжелое для античных центров время, по-видимому, именно союз с аланами защитил Херсонес и Боспор от нападения враждебных к античному миру варваров. Возможно, римляне именно за это, силами херсонитов и союзных варваров, оказали помощь в борьбе за боспорский трон проримски настроенным представителям аланских кланов. Последний такой римский ставленник — Фофорс, которого привел к власти Диоклетиан, расселил своих сородичей в Предгорном Крыму, стараясь тем самым удержать возвращенные ему императором территории. Здесь же, на вновь возрожденной границе с Херсонесом на Южном берегу Крыма, видимо, при Фофорсе, заступил на римскую службу боспорский варварский гарнизон, оставивший могильник на склоне горы Чатыр-даг [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 185]. Все это соответствует политике императора, который выстраивал отношения только с теми варварами, которые были согласны на переселение в районы, подконтрольные римской администрации, в качестве военных поселенцев.

Таким образом, исходя из подтверждения боспорских прав на территорию Предгорного Крыма, очевидно, что у Диоклетиана явно отсутствовала большая стратегия по отношению к Северному Причерноморью. Вся политика императора в регионе строилась исключительно на стремлении вернуть римское господство в Таврике и, возможно, ближайших территориях, с опорой на Херсонес и Боспор. Именно с этим и были связаны действия императора по усилению херсонесского гарнизона и приведению к власти на Боспоре своего ставленника Фофорса. Данным обстоятельством вполне можно объяснить чрезмерное усиление влияния Рима на Боспоре в период царствования этого боспорского царя.

Такая политика лишь отчасти напоминала римскую стратегию по организации буферной зоны в регионе в первой половине II в. н. э. Напомним, что тогда главный акцент делался на античное население и возведение укреплений с развитой сетью воинских гарнизонов. Варварский мир оказался в тот период резко дифференцирован на зависимое от античной цивилизации население и откровенно враждебные племена, разговор с которыми, если и происходил, то только с позиции силы. Союзы с воинственными и достаточно независимыми варварами в эту стратегию не входили [Ярцев, 2014б, с. 113-118]. Теперь же, в связи с беспрецедентными по своему масштабу морскими походами варваров, предпринятыми ими с боспорской территории и на боспорских судах, вряд ли это государство могло рассчитывать на равное с Херсонесом положение в отношениях с Римом. Очевидно, что Диоклетиану, занятому восстановлением римского господства в Таврике, было пока не до анализа недавних трагических событий. Однако не вызывает сомнений, что римляне, если не сразу, то в перспективе, должны были или полно-

стью уничтожить Боспорское государство, или экономически ослабить его до максимально возможной зависимости от империи. Это не позволило бы содержать здесь большой флот и, следовательно, вновь использовать его против римского государства. Меотийская же группировка варваров, учитывая свои «заслуги» перед империей, вряд ли тоже могла рассчитывать на какие-либо взаимовыгодные отношения с Римом. В планах римлян однозначно она должна быть полностью уничтожена, а варвары, в лучшем случае, расселены в качестве зависимого населения в приграничных районах античных государств.

При Константине ситуация в Северном Причерноморье стала существенно меняться. Определенным рубежом в этой связи представляются драматические события конца второго десятилетия IV в. н. э., когда продолжало сохраняться противостояние Константина и Лициния, в котором августы активно использовали различные племена. Поэтому не удивительно, что грабительский поход на Римскую империю варваров с берегов Меотиды во главе с Равсимодом, оказался непосредственным отражением этой борьбы.

Период противостояния Константина с Лицинием оказал огромное влияние на исторический процесс в Северном Причерноморье. Судя по использованию Константином во время войны с Равсимодом тактики полевых армий, очевидно, что император уже в это время строил планы и формировал свою стратегию, в том числе и по отношению к варварскому миру севернее Дуная и собственно Северного Причерноморья. Боспор же, со своим флотом, как самое слабое место бывшей северо-причерноморской системы обороны дальних подступов к империи, не мог теперь рассчитывать на достойное место в ней. Его правители из-за принципиальной поддержки проигравшего в итоге Лициния полностью потеряли расположение Константина. Более того, ситуация здесь усугублялась еще и тем, что варвары, похоже, опять постарались прорвать оборону империи, используя боспорский флот. Было очевидно, что устранить вероятность нового масштабного морского нападения варваров с этого направления можно было только при экономическом ослаблении Боспора и ликвидации у него мощного флота. Не исключено даже, что в рамках стратегии Константина решено было, в перспективе, совсем ликвидировать боспорскую государственность.

Стратегия Константина в Северном Причерноморье подразумевала традиционные для имперской внешней политики военно-политические методы, а также организацию экономической и культурной экспансии по отношению к народам и государствам, вновь попавшим в зону имперского влияния. Так, еще в самом начале своего единоличного правления в 325 году, Константин отправил римскую когорту в Крым для силовой поддержки проведения отчуждения у Боспора Предгорного Крыма. При помощи римского отряда, а также воинства херсонитов и, возможно, антибоспорски настроенных варваров — аланских сторонников прошлого царя Радамсада, Константину удалось аннексировать значительную часть ранее принадлежавшей Боспору территории. Поводом для дальнейших действий против ставленника Лициния -боспорского царя Рескупорида VI — стал военный инцидент на новой херсонесско-боспорской границе, произошедший, по нашим расчетам, в 328-329 гг. Судя по тому, что данная пограничная стычка была выгодна в первую очередь херсонитам и даже самому Константину, можно предположить, что по отношению к Боспору это была специально организованная провокация. Несмотря на то, что данный конфликт известен только из позднего сочинения Константина Багрянородного, его причинно-следственные связи вполне находят объяснение в рамках развития римской стратегии в регионе в эпоху Константина [Ярцев, 2013, с. 25-43].

Отчетливей стратегические ориентиры Константина в Северном При-

черноморье стали проявляться после принятия императором решения о переносе столицы на восток, в район черноморских проливов, на место городка Византия. Сразу же стало очевидно, что нестабильность во взаимоотношениях с готами, сохранение на Боспоре антиримских настроений и достаточного большого флота, а в его ближайшей округе — враждебного варварского населения, являются главными угрозами второму Риму. Именно поэтому указанные обстоятельства вызывали необходимость срочного восстановления, в той или иной форме, буферной зоны в Северном Причерноморье. Только в этом случае степной коридор мог быть полностью перекрыт для прохода враждебных племен к границам империи, и гарантирована безопасность новой столицы империи со стороны сухопутных путей. Угроза же со стороны моря должна была блокироваться имперским флотом, размещенным в бухте новой столицы, а также ликвидацией боспорских кораблей, использование которых против империи в последнее время стало уже характерной варварской традицией. Даже само расположение новой столицы, преграждающей варварам морской путь в Средиземное море, свидетельствует о чрезвычайной важности именно этого направления деятельности в стратегии Константина. Однако было очевидно, что для устранения вероятности нового морского нападения варваров требовалось ослабить или даже совсем уничтожить боспорскую государственность, вместе с ее флотом, а жителям античных городов ввести строжайший запрет на передачу варварам секретов кораблестроения.

Дальнейшим важным шагом в рамках намеченной стратегии Константина представляется договор императора с готами 332 года. Именно благодаря этому соглашению произошло фактическое восстановление буферной зоны с опорой на готов, которые полностью закрывали подходы к дунайскому лимесу со стороны степей и лесостепей и превращались в защитников возрожденных античных центров Тиры и Ольвии. Тем самым, они брали на себя функцию бывшего окрестного населения этих городов, став главной частью ядра новой оборонительной системы дальних подступов к империи. В качестве подобного примера для Северного Причерноморья недавнего времени можно привести варваров из окрестностей Херсонеса, которые уже давно являлись своеобразным живым щитом этого древнего города.

Трудно сказать, на основе какого договора император выстраивал свои отношения с частью готов, отказавшихся от заключения с римлянами договора и ушедших из районов дунайского лимеса на восток. Однако заметим, что возглавивший эту группировку Геберих в 333-335 гг., похоже, даже развязал войну на Боспоре [Ярцев, 2013, с. 38-39], так как требовал от Константина каких-то особых условий для взаимоотношений со своим народом. Судя по тому, что именно эти люди, позднее известные как грейтунги, и стали в итоге контролировать возрожденные Тиру и Ольвию — император явно пошел на уступки готскому вождю.

Не вызывает сомнений, что Константин, восстанавливая буферную зону, ориентировался на самый жесткий вариант этой системы, функционирующий еще в эпоху Адриана. Основой ее в то время были исключительно античные центры с зависимым окрестным варварским населением и сложная система укреплений, усиленная римскими гарнизонами. Однако буферная зона эпохи Константина лишь отдаленно напоминала указанную систему Адриана. Дело в том, что теперь, при восстановлении римского господства в Северном Причерноморье, Константину приходилось учитывать серьезные этнические и политические изменения в регионе, сильно корректирующие возведение подобной системы в новых условиях.

В первую очередь, необходимо отметить новые подходы императора к военной доктрине государства. Они наметились у Константина, по-видимому, еще задолго до заключения договора с

готами. Главное, на что здесь необходимо обратить внимание, это создание мобильных или полевых армий. Представляется, что курс императора на формирование таких особых воинских подразделений, готовых моментально перенести войну на варварскую территорию, помимо ряда других, в том числе и внутренних причин, скорее всего, был тесно связан с мероприятиями по формированию буферной зоны в изменившихся исторических условиях. Такая полевая армия (comitatus), в случае непредвиденных ситуаций, должна была не только остановить и отбросить варваров от римской границы, но и активно действовать на их собственной территории [Ван Берхем, 2005, с. 156, 159-170]. Таким образом, отпадала необходимость содержания постоянных римских гарнизонов в указанной буферной зоне, которые, как все еще помнили, в кризисный момент или были вынуждены покинуть места дислокации, или оказались мало эффективны против организованного натиска варваров.

Заметим, что в отличие от зависимых земледельцев периода позднего принципата, римляне имели дело уже с другим, достаточно воинственным народом, являющимся устойчивым источником опасности для империи. Особенно это касалось их возможного объединения и создания единого политического центра власти. Тем не менее, именно с готами теперь приходилось выстраивать серьезные и ответственные отношения, и именно от них в новых условиях зависела вся конструкция вновь возводимой сложной системы обороны дальних подступов имперских рубежей. Хорошо осознавая эту опасность, Константин сделал все, чтобы усилить наметившийся раскол в среде готской знати, которая в итоге, не без помощи Рима, возглавила различные военно-политические объединения. Вероятно, это являлось тем необходимым условием вхождения тервингов и грейтунгов в состав буферной зоны Северного Причерноморья. Посредством такого разделения был заложен необходимый фундамент успешной нейтрализации готов в будущем.

Еще одной особенностью стратегии Константина являлось его отношение к античным центрам. Римским форпостом новой буферной зоны, безусловно, представлялся только Херсонес. Функции же остальных центров Тиры и Ольвии вряд ли выходили за рамки своеобразных каналов, по которым осуществлялась экономическая и культурная экспансия по отношению к окрестным варварам. Судя по всему, подобная же роль была определена и Боспору. Такой вывод выходит из расселения большей части меотийцев на его границах, вероятно, в ходе изменений отношений с варварами в рамках договора 332 г., а также из возможной подготовки территории этого государства к полной аннексии. По планам императора, Боспор, скорее всего, должен был войти в царство Ганнибалиана после победоносной войны с Персией [Моммзен, 1949, с. 268]. Однако такое приниженное по отношению к Херсонесу положение Боспора, явно закладывало серьезное противоречие в возводимой Константином конструкции.

С одной стороны, действительно экономически слабое Боспорское государство, лишенное самостоятельности и мощного флота, не представляло теперь никакой серьезной опасности для империи и ее новой столицы. С другой стороны, именно по этим же причинам, в Северо-Восточном Причерноморье невозможно было восстановить первую линию буферной зоны, которая в период позднего принципата состояла из союзных орд, не пропускающих враждебных варваров к античным центрам Северного Причерноморья и далее — к дунайским границам империи. Координация действий с такими союзниками, как и проведение против них экономической и культурной экспансии, осуществлялись именно через боспорские города, и в первую очередь, через Танаис. Если сейчас имперские стратеги мало обращали на это внимание, будучи занятые, в основном, обеспечением

безопасности столицы, то в недалеком будущем данное обстоятельство, являясь самым слабым звеном новой буферной зоны, могло превратиться в ее самую серьезную угрозу.

Отметим также и то обстоятельство, что восстановленная Константином за предельно короткий срок буферная зона Северного Причерноморья, безусловно, явилась возвращением римского государства на свой традиционный путь развития в направлении экспансии и дальнейшего расширения границ, вплоть до своих естественных природных рубежей. С одной стороны, такая система, нацеленная на защиту собственно территории империи, имела ярко выраженную оборонительную тенденцию [Ярцев, 2014, с. 231]. Однако несмотря на действия римлян, которые, на первый взгляд, были подчинены только задачам обеспечения безопасности новой столицы, заключить их в рамки исключительно оборонительной стратегии чрезвычайно трудно. Во всех мероприятиях Константина совершенно неприкрыто просматриваются элементы экономической и культурной экспансии на государства и народы создаваемой буферной зоны, при помощи которых обычно и совершалась подготовка относительно мирного вхождения данной территории в состав Римского государства [Ярцев, 2014, с. 250-251]. В этой связи вряд ли можно утверждать, что в IV в. н. э. римляне и речи не вели о присоединении новых земель [Банников, 2011, с. 35].

Констанций II, безусловно, продолжал следовать в Северном Причерноморье предыдущей стратегии и именно ему, в конечном итоге, удалось добиться полной потери суверенитета Боспора. Государство, по всей видимости, было подчинено Херсонесу, возможно, в качестве автономной области. Такое решение, бесспорно, укрепило Херсонес в статусе главного форпоста Римской империи в Северном Причерноморье [Ярцев, 2014в, с. 102-117]. Однако сложившаяся ситуация с Боспорским царством все сильнее стала обострять проблему, впервые возникшую еще при Константине. Из-за отсутствия здесь мощного государственного образования империя теперь не могла взять под контроль обширные Северо-Восточные районы Причерноморья и, таким образом, восстановить здесь первый пояс буферной зоны, близкий к тому, каким он функционировал в период позднего принципата. А ведь именно глубоко эшелонированная система того времени, несмотря на некоторые слабые места, считалась наиболее эффективной в плане обороны дальних подступов границ империи. Теперь же, по мере неуклонного возрастания военной мощи алан и процессов урбанизации аланского общества во второй половине IV в. н. э., этот недостаток новой буферной зоны становился все отчетливей.

Трудности для римлян в Северном Причерноморье в период правления Констанция II не ограничивались только указанными проблемами. Напряженная ситуация продолжала сохраняться и в Северо-Западных районах Причерноморья, и это несмотря на действие договора 332 г. Как мы уже говорили выше, буферная зона для Римской империи никогда не играла роли только барьера, способного перекрыть подходы к границам империи. В первую очередь, она являлась плацдармом для дальнейшей экспансии, от которой Рим в принципе не отказывался никогда. Главные же направления этой экспансии — экономическое и культурное — в полной мере теперь применялись к готам, что не могло, в конечном итоге, не дестабилизировать всю ситуацию в регионе. Так, втянутые в экономические отношения с империей, они все более становились уязвимыми от возможного введения с римской стороны односторонних торговых ограничений. При этом, развращение варварского общества достигалось не только за счет широкого импорта вина, украшений и других предметов роскоши. Культурная экспансия против варваров осуществлялась, в первую очередь, существованием института заложничества и многолетней службы в имперской армии. Тем не менее, попытка христианизации готов, предпринятая при Констанции II, была,

в конечном итоге, жестко пресечена Атанарихом. Именно необходимостью противодействия разрушительным для варварского общества процессам была обусловлена борьба, которую повел Атанарих против христианизации своего населения. По всей видимости, экономическую и культурную экспансию по отношению к тервингам и грейтунгам римлянам нельзя было проводить по шаблону, без учета специфики этих воинственных объединений.

Таким образом, к концу правления Констанция II в Северном Причерноморье накопился серьезный круг противоречий, вызванный, по большей мере, попытками римлян вернуться, в той или иной степени, к старой имперской стратегии, мало учитывающую изменившуюся ситуацию в регионе.

1. Банников А. В. Позднеримская военная система (изменение традиционной структуры и выработка новых форм организации). Автореф. дис. … док. ист. наук. СПб., 2011.

2. Банников А. В. Формирование ранневизантийской военной системы (IV-V вв.). СПб., 2013.

3. Ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.

4. Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. №2, с. 51-73.

5. Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., 2014.

6. Зубарев В. Г., Пономарев Д.Ю., Ефименок В. А. Новый склеп с полуциркулярным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XXX, с. 248-269.

7. Мехамадиев Е. А. Византийская армия в IV — начале V вв. (проблемы организационной структуры). Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2012.

8. Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. 5.

9. Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.

10. Ярцев С. В. Последний морской поход меотийских варваров // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. XXII, с. 69-85.

11. Ярцев С. В. Херсонес и Боспор в эпоху Константина Великого // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2013. №1, с. 25-43.

12. Ярцев С. В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014.

13. Ярцев С. В. К вопросу о появлении общины танаитов на Боспоре во второй половине II в. н.э. // Политика и общество. 2014а. № 5, с. 494-503.

14. Ярцев С. В. Римская стратегия в Северном Причерноморье при императоре Адриане // Университет XXI века: исследования в рамках научных школ: материалы науч. конф.науч.-пед.работников, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н.Толстого. Тула, 2014б, с. 113-118.

15. Ярцев С. В. Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2014в. №1, с. 102-117.

16. Heather P. The Late Roman Art of Client Management and the Grand Strategy Debate // The Transformation of Frontiers from Late Antiquity to the Carolingians. Proceedings of the Second Plenary Conference, European Science Foundation Transformation of the Roman World Project. Leiden, 2001. Vol.12. P. 15-68.

17. Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford, 1990.

18. Luttwak E.N. The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third. Baltimore, 1976.

19. Mann J. C. Power, force and the frontiers of the Empire // Journal of Roman Studies. 1979. Vol. 69. P. 175-183.

20. Mommsen Th. Das römische Militärwesen seit Diokletian // Hermes. 1889. Bd. 24. S. 195-279.

21. Nischer E. von. The Army Reforms of Diocletian and Constantine and Their Modifications up to the Time of Notitia Dignitatum // Journal of Roman Studies. London, 1923. Vol. 13. P. 1-55.

22. Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire. A Social and Economic Study. Baltimore, 1994.

The article deals with the Roman strategy in the Northern area near the Black Sea in the end of the 3rd — the first half of the 4th century AD. According to the author, Romans tried to return to the previous strategy after the tragic events of the second half of the 3rd century, aiming to restore the buffer zone in the Northern area near the Black Sea, though they did not take into account the fact that the situation in the region had already changed.

Key words: *Roman Empire; the Northern area near the Black Sea; buffer zone; Bosporus; strategy.*

УДК 94(100)

Н. И. Сударев, Г. П. Гарбузов

К вопросу о колонизации Боспора

В статье рассматривается вопрос о колонизации Западного Закубанья. Данные последних исследований заставили несколько по иному взглянуть на проблему освоения греками данной территории. В настоящее время выявлено несколько крупных городищ и несколько десятков усадеб и поселений. Они возникают во второй половине VI в. до н.э., существуют до IV-III в. до н.э. Один из путей расселения греков проходил по территории современного Анапского района последовательно посредством продвижения по берегу пра-Кизилташского лимана (или соответствующего морского залива) с юга на север. По пути греки осваивали все наиболее пригодные для устройства поселений лиманы и устья рек, вступая в торговые отношения с местным аборигенным населением. В дальнейшем они осваивали прилегающую территорию либо образованием новых поселений, либо вселяясь и эллинизируя уже существующие. Крайним пунктом на пути такого продвижения стала долина реки Чекон, где было образовано самое крупное поселение — «Семибратнее городище». Вероятно, что одновременно был освоен и Ахтанизовский лиман, а возможно и северный берег Кизилташского лимана. Утверждение, что в этот период существовал морской пролив из Черного в Азовское море представляется преждевременным. Семибратнее же городище, видимо, возникло как конечный пункт на пути морской торговли, где товары продавались окрестному аборигенному населению — либо на месте, либо где-то на варварских торжищах выше по Кубани. Позже (в пределах второй половины V-IV в. до н.э.) греки начинают осваивать прилегающую долину Кубани.

Ключевые слова: *Боспор; река Чекон; Семибратнее городище; Кубань; греки.*

До сравнительно недавнего времени под понятием Азиатский Боспор подразумевался Таманский полуостров. Территории к югу и востоку от Тамани рассматривались как «варварские», на которых расположен греческий «анклав» — Горгиппия[1]. Предполагалось, что первые колонии были выведены на территорию Боспора в 580-560 гг. до н. э. [Кошеленко, Кузнецов, 1992, с. 19; 2010, с. 414; Кузнецов, 1991, с. 33-34, Паромов, 2006]. Причем, колонизированы были одновременно обе стороны Боспора Киммерийского. В качестве главной причины колонизации Боспора называется земельная или аграрная [см. разбор разных точек зрения: Кошеленко, Кузнецов, 2010, с. 412-418], плюс отсутствие на этих землях местного оседлого населения [Кошеленко, Кузнецов, 2010, с. 417].

Вопрос о колонизации Западного Закубанья авторами практически не рассматривался, затрагивался вскользь [Кошеленко, Кузнецов, 2010, с. 414; Новичихин, 2003, с. 134; 2006, с. 82]. Наи-

[1] С точки зрения природных условий (рельеф, почвенный и растительный покров, климат) степная равнинная часть этих территорий, идущая широкой полосой по левому высокому берегу черноморского русла Кубани от округи Горгиппии приблизительно до Семибратнего городища, составляет с Таманским полуостровом единую своеобразную область, подробнее см.: [Гарбузов, 2013].

более подробно на этом вопросе остановилась Е. М. Алексеева, которая отнесла освоение греками данного региона к середине VI в. до н. э., то есть к «третьему, завершающему, этапу ионийской колонизации» [Алексеева, 1991, с. 36], а появление греческой хоры — к IV в. до н. э. [Алексеева, 2000, с. 160]. Причиной такой ситуации называлось то, что территория современного Таманского полуострова была к началу греческой колонизации не была заселена или слабо заселена редким кочевым населением, в то время как территория Синдики — современного анапского региона — наоборот заселена довольно воинственным варварским населением[2].

Однако данные последних исследований заставили нас несколько по иному взглянуть на эту проблему. Уже в 1993 г. А. П. Абрамов и Я. М. Паромов высказывают предположение, что территория Таманского полуострова к моменту появления греков не была абсолютно пустой от населения [Абрамов, Паромов, 1993, с. 70; Паромов, 2006]. Кроме того, они выделяют 33 наиболее ранних (с середины VI в. до н. э.) поселений, из которых 12 расположены на берегах Керченского пролива, а остальные — в глубине — на лиманах и старом русле Кубани. Впрочем они объясняют данную ситуацию тем, что «процесс расселения шел свободно, не испытывая давления или ограничения какими–то рамками» [Абрамов, Паромов, 1993, с. 75; Паромов, 2006].

Исследования, проведенные в рамках совместного российско-германского археологического Таманского проекта показали, что, вероятно, существовал еще один вариант расселения греков и освоения ими тех территорий, которые в настоящее время определяются как «глубинные». По их мнению, освоение греками восточных (в том числе юго- и северо-восточных) частей Таманского полуострова велось не только со стороны современного Керченского пролива, но и через исчезнувший к позднеэллинистическому (позднеантичному?) времени т. н. «Кубанский» [Журавлев, Кельтербаум, Поротов, Шлоцгауер, 2011] или Синдский [Суриков, 2013]

[2] Вариантом последнего мнения следует считать теорию, что данная территория была свободна от оседлого населения из-за регулярных перекочевок скифов из Европы в Азию [Виноградов, 2005, 150; 2009, с.67-70]. Отметим, что регулярность таких перекочевок сильно преувеличена современными комментаторами известного сообщения Геродота (IV.28). Сама возможность ледовых переправ через Керченский пролив не подлежит сомнению, но это не значит, что переправы были доступны каждую зиму. Подходящие условия для надежных переправ создаются только в суровые зимы, которые случаются по многолетним наблюдениям (учтен период 1884–2005 гг.) в среднем раз в пять лет [Гарбузов, 2013, с. 122], причем ледовый режим пролива в течение зимы в любом случае нестабилен. Нет никаких серьезных свидетельств в пользу того, что в раннеантичное время частота суровых зим была существенно выше и пролив покрывался сплошным льдом каждый год. Напротив, у Теофраста есть относящееся ко времени не позже IV в. до н.э. описание растительности в округе Пантикапея, в котором упоминаются растущие в изобилии смоковницы (IV.5.3). Эти растения хорошо себя чувствуют в климате, близком к субтропическому, что говорит о господстве на Боспоре в тот период мягких зим с относительно высокими средними температурами. Если же признать случайность возникновения пригодного для переправ льда, то само предположение о регулярных сезонных перекочевках на зимние пастбища через Керченский пролив подвергается большому сомнению. Весьма вероятно, что перейдя по льду на всю зиму через пролив, обратной переправы придется ждать среди этих пастбищ не один год. Причину скифских переправ следует искать не в хозяйственных циклах, а в другом — в греческом тексте отрывка Геродота о ледовых переправах использовано слово στρατεύοντα, связанное с военным походом, см. перевод данного текста в работе [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982] (ср. с английским переводом: «Scythians living on this side of the trench lead armies over the ice», пер. A. D. Godley. Cambridge. Harvard University Press. 1920). Далее у Геродота прямо говорится, куда скифы двигались, переправляясь: «на ту сторону до земли синдов» (пер. Г. А. Стратановского). Учитывая все обстоятельства, логичнее видеть в этом описании указание на случавшиеся при подходящих погодных условиях кратковременные зимние военные набеги скифов на Синдику. Неясно, что территориально подразумевалось в тексте под «землею синдов», но скорее всего и Таманский полуостров, и Синдика в более узком смысле слова (левобережье черноморского русла Кубани) были в сходном положении по отношению к возможным скифским экспедициям, т.к. и Кубань, и лиманы дельты, и плавни в суровые зимы гарантировано замерзают. Важно, что сам факт таких набегов подразумевал наличие на азиатском берегу освоенных и населенных земель.

морской пролив. В своих построениях авторы опираются, в первую очередь, на материалы разведок Я. М. Паромова, подкрепляя их материалами своих раскопок на поселениях «Голубицкая 2» и «Стрелка 2», а также материалами раскопок Г. А. Ломтадзе на поселении Ахтанизовская 4 [Ломтадзе, 2013, Ломтадзе, Камелина, 2008], а также данными геологического бурения [Журавлев, Шлоцгауер, Кельтербаум, Поротов, 2009][3]. В качестве дополнительного аргумента они ссылаются на наши исследования в Анапском регионе [Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011] и на случайную находку фрагмента родосско-ионийского килика с изображением птички с так называемого «Алексеевского поселения» [Новичихин, 1993, с. 28].

До недавнего времени о территории западного Закубанья и побережья Черного моря в этом регионе было известно очень немного. В XIX в. и в начале XX в. раскопано некоторое количество курганов. Во второй половине столетия исследовалось небольшое количество некрополей местного населения и еще меньшее количество греческих усадеб, возникших в IV в. до н. э. но и они не были в полной мере введены в научный оборот. Основное внимание исследователей сосредоточено на наиболее важных памятниках современного Анапского района — Горгиппии (совр. Анапа) и Семибратнем городище.

Разведки на этой территории проводились неоднократно[4], открыто несколько греческих усадеб, некрополей местного поселения [Алексеева, 1980, с. 18-50; 1991; 1997; Население архаической Синдики. 2010, Новичихин, 2006; Крушкол, 1971]. Однако, систематизация этих данных не проводилась[5], территории к востоку от Анапского района практически не исследовались[6]. В результате, складывалось мнение, что перед нами варварские территории, на которых в IV в. до н. э. появляются отдельные греческие усадьбы, которые входят в ближнюю и дальнюю хору Горгиппии.

Начиная с 2009 г., на данной территории начались системные разведки и раскопки Восточно-Боспорской АЭ ИА РАН. Уже в 2010 г. выявлено большое количество поселений, возникших в VI в. до н. э. и существовавших до IV-III вв. до н. э. [Чевелев, Кашаев, Су-

---

[3] Следует отметить, что указанный пролив воспринимается частью исследователей уже как совершенно доказанный факт. Однако, в этом вопросе еще много неясного. К сожалению, объявление об «открытии» пролива последовало раньше, чем были представлены какие-то весомые доказательства. Из тех материалов, что уже опубликованы, на самом деле вовсе не следует обязательность указанного пролива в античное время в том буквальном смысле, который пытаются ему придать сторонники данной гипотезы. Бурения нескольких скважин в пойме Кубани (по крайней мере, опубликованное число скважин очень невелико) явно недостаточно для окончательных выводов о палеогеографии столь обширной части дельты, история развития которой, скорее всего, не проста и не прямолинейна. Некоторые же аргументы в пользу морского пролива, повторяемые из работы в работу и подаваемые как неотразимые, таковыми вовсе не являются. Так, наличие старых, высоких, частично заросших береговых обрывов почему-то считается верным признаком того, что здесь в былые времена не обошлось без абразионного воздействия моря [Журавлев и др., 2009, с. 123]. Однако это совсем необязательно. Например, на южном высоком (до 20 м) обрывистом берегу Ахтанизовского лимана расположены остатки хорошо известной «батарейки» (поселение Старотитаровская 14), которая по всем описаниям в середине — второй половине XIX в. очень активно разрушалась абразией. К. К. Гёрц пишет про это место, что Ахтанизовский лиман «ежегодно обрывает огромные массы берегового материка» [Гёрц, 1898. с. 158]. В настоящее время лиман напротив поселения заполнился наносами, абразия прекратилась, береговой обрыв зарос древесной растительностью. Как мы видим, древний «морской» клиф вполне может быть образован обычным таманским лиманом.

[4] К сожалению, в подавляющем большинстве материалы разведок не опубликованы. Среди наиболее значимых необходимо отметить материалы археологической карты С. Ф. Войцеховского (1927), материалы разведок экспедиции А. А. Миллера (1931), разведки Анапской АЭ ИА АН СССР под руководством Е. М. Алексеевой и российско-итальянский проект под руководством Ю. М. Горлова.

[5] Как, например, в соседнем Темрюкском районе [Паромов, 1992, 1992а].

[6] Практически не исследовались» — означает, что не проводилось системного изучения данного района.

дарев, 2011, с. 403-411]. В настоящее время выявлено несколько крупных городищ и несколько десятков усадеб и поселений. Крайне интересна хронология большинства из них. Они возникают во второй половине VI в. до н. э., существуют до IV-III в. до н. э. На многих из них обнаружены следы мощных пожаров. Интересен и тот момент, что уже в V в. до н. э. на этих поселениях существует каменное домостроение, собственное производство черепицы. Собственно говоря, данная территория уже в V веке до н. э. представляет собой сельскохозяйственную территорию по многим показателям более «греческую», более эллинского облика, чем некоторые области Таманского полуострова. Одновременно исследовано несколько поселений местного населения, со своими некрополями, на которых видны следы сосуществования греков и варваров, приведшего к столь сильной эллинизации, что к IV, а в отдельных случаях уже к V в. до н. э. мы не можем с уверенностью говорить, что перед нами — эллинское поселение, возникшее на месте более раннего варварского, смешанное греко-варварское или варварское, подвергшееся сильнейшему греческому влиянию.

Ревизия имеющихся данных и первичное изучение новых позволило нам откорректировать взгляды на причины и на пути освоения греками региона, известного у древних авторов под именем «Синдика».

Представляется, что колонизация велась с юга на север, последовательно, при этом вначале возникали греческие поселения в устьях лиманов и рек; через эти поселения вначале велась торговля с внутренними варварскими территориями, а позднее часть варварских поселений эллинизировалась, в том числе и через физическое вселение в них эллинов, и возникали новые, чисто греческие усадьбы.

Наиболее ранние следы пребывания греков в анапском регионе в настоящее время известны в устье реки Анапка, у Анапских плавней, которые, скорее всего, образовались в результате позднейшего заиления глубоко вдававшегося вглубь территории лимана, однотипного лиманам Кубанской дельты. До недавнего времени там, на т. н. «Алексеевском поселении»[7], был известен единичный фрагмент родосско-ионийского килика с изображением птички с [Новичихин, 1993, с. 28]. Про Алексеевское поселение нам известно очень немного. В 1980-1981 гг., на юго-восточной окраине Анапы А. И. Саловым было обследовано несколько пятен с подъемным материалом [Салов, 1986, с. 188-195]. По мнению автора сборов, ряд фрагментов должен датироваться первой половиной VI в. до н. э., а само поселение — VI — концом первой четверти V в. до н. э. Позднее, в 1987 г., на этой территории провел исследования Н. Д. Нестеренко и А. М. Новичихин. Ими были доследованы два погребения конца VI- начала V в. до н. э. в небольших плитовых могилах без перекрытия близких погребениям некрополя у хут. Рассвет. Кроме того, исследователями, вслед за А. И. Саловым, было отмечено значительное количество лепной керамики, при малом количестве гончарной столовой и кухонной. Но, наиболее интересной находкой стало обнаружение на данном месте фрагмента килика с изображением птицы, хранящийся в анапском археологическом музее [Журавлёв, Шлотцауер, 2011, с. 93-95]. Данный фрагмент датируется концом VII- началом VI в. до н. э.

В результате исследований 2013-2014 г., в непосредственной близости от данного места, в пределах прямой видимости, на расстоянии около 5,5 км от Алексеевского поселения, на склоне горы у пос. Су-Псех было обнаружено более десятка фрагментов ранней кера-

[7] Данное поселение представляло собой пункты сбора керамики архаического времени. Раскопанные поблизости погребальные комплексы позволяют предполагать, что фрагмент мог относиться к одному из погребений местного населения.

мики. На поселении, при исследовании усадьбы IV в. до н. э., обнаружен ряд фрагментов расписной керамики Милетского и Северо-Ионийского производства, которые датируются от конца VII в. до н. э., до рубежа первой и второй четвертей VI в. до н. э. К сожалению, в связи с перепланировками IV в. до н. э., выяснить взаимосвязь поселения и данной керамики оказалось невозможным. Можно только констатировать, что на данном участке встречены остатки каменных ящиков, фрагменты и целые формы местной лепной посуды, бронзовые браслеты и булавки.

На берегах указанного выше древнего лимана и вверх по руслу реки Анапка известно еще несколько пунктов находок ранней греческой керамики. Это, прежде всего, синдский некрополь у хут. Рассвет. Наиболее ранние погребения данного некрополя датируются первой половиной VI в. до н. э. [Новичихин 2006, с. 16; 2010, с. 252], самый ранний импортный материал — второй половиной столетия. Еще более ранние материалы мы встречаем на находящемся неподалеку синдском некрополе у ОПХ «Анапа». Так, встреченная в погребении 9[8] амфора «круга Клазомен» датируется в пределах первой половины VI в. до н. э.[9]

Говоря о варварских поселениях и некрополях бассейна р. Анапка, мы должны упомянуть еще о нескольких пунктах. Так, на археологическом комплексе «Усатова Балка» раскопками 2011[10] выявлен ранний синдский некрополь VIII-VI в. до н. э., а уже к концу VI столетия относится наиболее ранний амфорный материал [Кузнецова, 2013, с. 154-164]. С рубежа VI –V вв. до н. э. мы видим на этом месте сильно эллинизированное поселение, в котором с определенного периода явно присутствовали греки[11].

На еще одной небольшой речке и балке Куматырь, впадавшей в несуществующий ныне лиман с севера, с последней четверти VI в. до н. э. расположено поселение Курбатское 1[12]. Выше по речке разведками выявлено еще несколько поселений и усадеб, жизнь на которых существовала уже в конце VI-начале V в. до н. э. (Куматырь 6, 8, 12, и, возможно, Куматырь 14 и Гастагаевская 32). Наиболее исследовано поселение «Урочище Самойленко 1», расположенное на глубокой балке — одном из притоков р. Куматырь. На этом поселении наряду с синдской керамикой предшествующего периода встречено большое количество импортной греческой керамики, датирующейся второй половиной VI в. до н. э., сосуществующей с синхронной лепной варварской керамикой.

Мы столь подробно остановились на истории освоения греками данного древнего лимана, так как на этом примере можно увидеть некоторые закономерности. В конце VII в. до н. э. на берегах древнего лимана появляется греческий эмпорий[13], через который ведется торговля с местным синдским населением. Варварские поселения и некрополи сохраняют свой облик, однако среди археологического материала присутствуют греческие привозные изделия. Следующий этап — со

---

[8] В диссертации А. П. Абрамова [Абрамов, 2010, с. 89] и книге С. Ю. Монахова [Монахов, 2003, с.55] данная амфора отнесена к погребению 7, однако в книге Е. М. Алексеевой [Алексеева, 1991, с. 65] амфора относится к погребению 9.

[9] Данный тип амфор датируется автором широко — в пределах конца VII-первой половины VI в. до н.э., но по морфологическим признакам он склонен относить ее к поздней разновидности первой половины VI в. до н.э.

[10] Авторы раскопок А. А. Крайнева и М. В. Коваленко.

[11] В пользу этого говорит, в частности, наличие на поселении фрагментов греческих надписей.

[12] Автор раскопок А. Е. Безматерных.

[13] Предполагаю, что на роль такового может претендовать поселение на месте современной Анапы, хотя слои этого времени на нем пока и не выявлены. Восточнее него располагалось Алексеевское поселение практически неисследованное, но давшее подъемный материал как конца VII в. до н.э., так и первой половины VI. Оно расположено во внутренней акватории древнего лимана (ныне плавни) на пути к глубинным поселениям и некрополям.

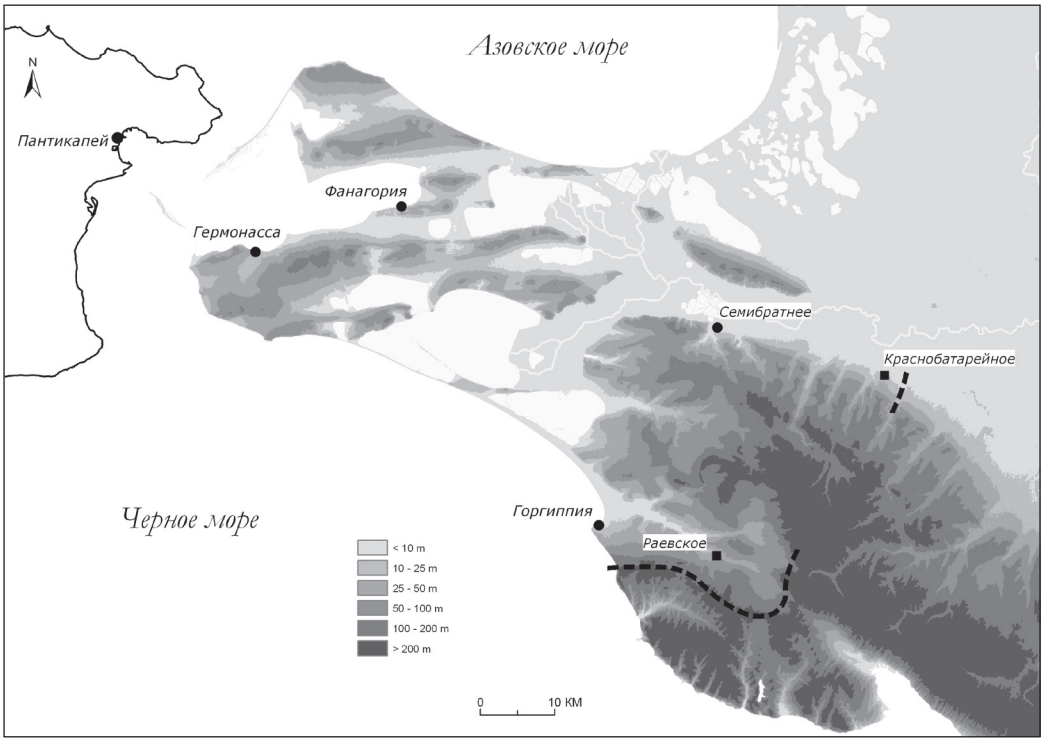

Рис.1. Общая ситуационная схема с выделением рельефа.

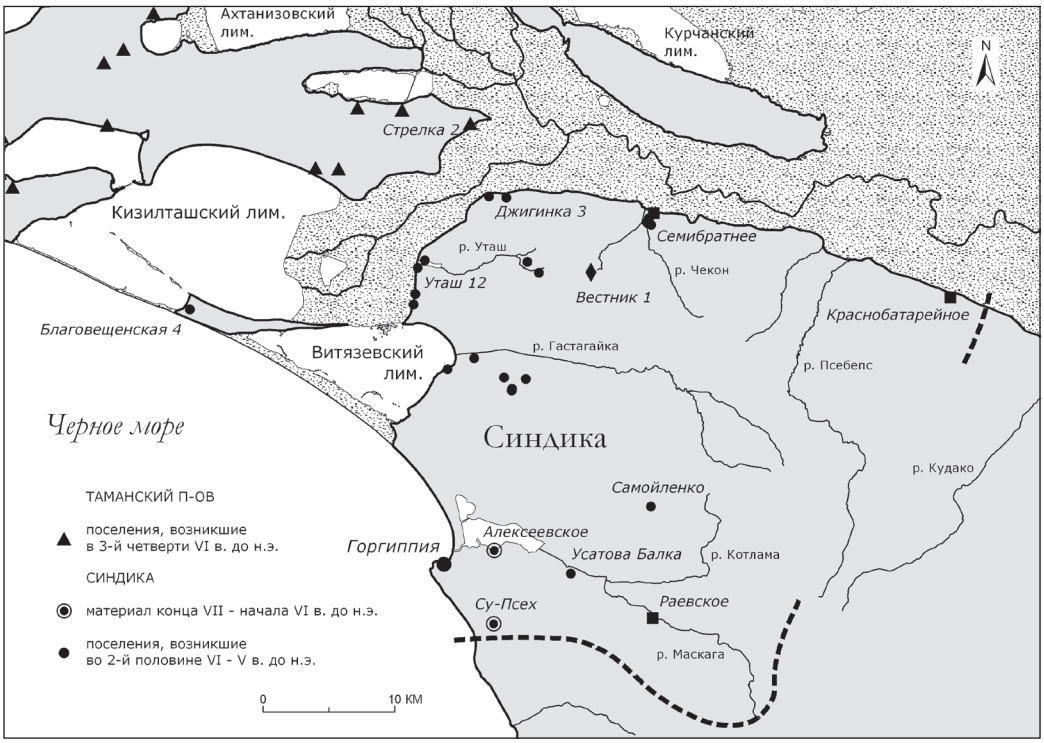

Рис.2. Расположенные в Синдике поселения с ранним материалом. Раннеантичные поселения на Таманском полуострове обозначены согласно [Завойкин, Гарбузов, 2010, рис. 1].

второй половины VI в. до н. э. — характеризуется активным проникновением греков во внутренние регионы (в первую очередь, через торговлю). Варварские поселения и некрополи сохраняют свой облик, однако количество привозной керамики резко возрастает. Уже на рубеже VI-V вв. до н. э. возникают новые поселения и заметно эллинизируются варварские.

Вероятно, это связано не только с торговлей, но и с физическим проникновением греческого населения. Кроме того, можно предполагать, что в это время, если не раньше, начинает активно осваиваться сельскохозяйственная территория и производится, по-видимому, большое количество зерна (важная роль земледелия подчеркнута изображением хлебных зерновок на так называемых «синдских» монетах). С середины V в. до н. э. степень эллинизации достигает такого уровня, что без масштабных раскопок говорить о том, что перед нами эллинизированное варварское, смешанное греко-варварское или чисто греческое поселение, мы не можем. Интересна и верхняя дата этих поселений. Большинство из них прекращают существование в конце IV-самом начале III в. до н. э., некоторые существуют и в III в. до н. э., однако к более позднему периоду относятся лишь единицы.

Близкую картину мы наблюдаем в устье и долине реки Гастагайки (отчасти, в устье Цибановой балке), впадающей в Витязевский лиман. Там нам не известен материал VII в. до н. э., но на варварских некрополях у хут. Воскресенский, Красный Курган и Красная Скала представлен материал второй половины VI — первой половины V в. до н. э., тогда же появляется и серия поселений — поселения Благовещенская 4[14], Капустин 4, Гастагаевское 16, Гастагаевское — Западное, городище Гастагаевское 17, в пределах V в. до н. э. — группа усадеб в районе пос. Воскресенский, Красный Курган и на Благовещенском останце. В IV в. до н. э. количество усадеб превышает 80 [Алексеева, 1991, с. 56]. Большинство из них прекращает свое существование в пределах III в. до н. э., дальнейшая жизнь продолжается лишь на некоторых.

Следующим заметным пунктом является устье современной балки и небольшой речки Уташ. В настоящее время данный водоток впадает и теряется в плавнях старого русла Кубани, в древности несомненно имевший выход к морю. Во время разведок на данной территории нами выявлено большое городище «Уташ 12», существовавшее, как минимум, со второй половины VI в. до н. э. и прекратившее свое существование приблизительно в IV-III в. до н. э. Судя по подъемному материалу, оно и расположенная рядом усадьба «Уташ 14» погибли в сильном пожаре. Вокруг — на берегу бывшего залива и вверх по балке — расположено большое количество усадеб и поселений, возникших не позже конца I в. до н. э.: «Уташ 13-17», «Верхний Ханчакрак 1», «Нижний Ханчакрак 1», «Роза Люксембург 2».

Продвигаясь далее на северо-восток по коренному берегу старой Кубани, мы видим еще одну группу памятников в районе пос. Джигинка. Данная группа представлена, в основном, усадьбами (более 10), возникшими в конце VI в. до н. э. Наиболее крупным укрепленным поселением, возникшим во второй половине VI в. до н. э., является городище «Джигинка 3», расположенное напротив городища «Стрелка 2» и поселений «Белый 1», «Белый 2» и «Белый Юго-Восточный». Исследователи уже неоднократно отмечали связки из двух-трех ранних поселений, возникших на разных сторонах устьев лиманов. В первую очередь, это касается пары укрепленных поселений Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2 (и городища Пересыпь) [Журавлев, Шлотцауер, 2011, с. 74-77; 2014, с. 159; Паромов, 2006, с. 371]. Мнение, что поселения могли «контролировать» древние проливы [Паромов, 2006, с. 371], является явной модернизацией — в архаическое время у поселенцев не было ни технических средств, ни возможности «контролировать» пролив. Мнение Г. А. Ломтадзе [Ломтадзе Г. А. 2013, с. 226-227], что эти поселения находились на переправах, выгля-

[14] К сожалению, поселение частично разрушено морем, но наиболее вероятно, что оно могло быть первичным в районе устья р. Гастагайка и Витязевском лимане.

дит, безусловно, более взвешенным. Причем, вероятно, речь идет не о военном контроле за переправой, а, скорее, об удобном (выгодном?) месте для торговли. В пользу версии о переправе говорит и расположение поселений «Белый Юго-Восточный» и «Белый 2». Оба поселения расположены по краям и на дне глубокой балки, полого поднимающейся от современной поймы Кубани вверх, почти напротив поселения «Джигинка 3». На поселении «Белый Юго-Восточный» исследованы каменные колодцы, некоторые из которых датируются в пределах первой половины V в. до н. э. Подъем в районе поселения «Стрелка 2» также возможен, но затруднителен.

Далее, вплоть до Семибратнего городища, разведки практически не проводились, хотя там нам известно несколько поселений. Следует отметить, что в районе балки Малый Разнокол известны 2 поселения («Малый Раазнокол 1 и 2»), представляющие собой сельские поселения V-III вв. до н. э.

Следующей большой долиной (самой крупной на данной территории) является долина реки Чекон. На ней расположено крупнейшее в регионе Семибратнее городище, а также большое количество усадеб и поселений, большинство из которых датируется от рубежа VI-V вв. до н. э. («Чекон 17», «Вестник 2-5», «Чекон 2» и т. д.) В верховьях долины расположено поселение «Вестник 1». На нём в конце VI- начале V в. до н. э. строится монументальное здание, которое мы склонны считать храмом элевсинских богинь [Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011, с. 403-411], аналогичным храму богине Деметры на о. Наксос [Gruben, 1966, s. 340, abb. 283; s. 78–177, abb. 1; Lamprinoudakēs, Gruben, etc. 2003, s. 387-400, abb. 2-7, 13-14]. Существует и иная точка зрения, что это был не храм, а «банкетные залы», гестиатории, находившиеся при многих святилищах греческого мира и служившие для проведения жертвенных трапез, приуроченных к религиозным праздникам» [Чистов, Ильина, 2012, с. 36-38; Börker, 1983]. Однако, в изучении исследуемого вопроса разница в интерпретации не является принципиальной. В любом случае, мы имеем дело с греческим культовым зданием, связанным со святилищем[15]. Как уже отмечалось, строительство здания датируется нами рубежом VI-V вв. до н. э. Известные аналогии также говорят в пользу ранней датировки комплекса. Данное здание возникло на уже существующем поселении, некоторые камни фундамента положены на культурный слой, более того, под стенами комплекса выявлены и исследованы две ямы. Характерной особенностью этих ям являлось полное отсутствие в материале заполнения кружальной керамики, при наличии значительного количества лепной посуды. Вторым важным моментом, на котором стоило бы остановиться, является обилие местной лепной керамики в слоях и комплексах, исследованных на данном поселении. Причем, ее процент на всем протяжении времени существования поселения превалирует над всеми видами керамики, кроме тарной. Нам хорошо известна меотская и протомеотская керамика Прикубанья VII-IV вв. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2012; 2013, с. 44-57]. Данная керамика близка меотской, хотя и имеет местные локальные особенности. И третье, на чем стоит остановиться при изучении данного памятника, — это наличие в непосредственной близости от исследованного комплекса некрополя, принадлежащего местному населению. В настоящий момент исследовано 10 погребений VI-V вв. до н. э.

Далее к востоку подобные группы памятников нами не обнаружены. На расположенном напротив Семибратнего городища острове Кандаур (Темрюкско-Курчанской гряде) материалов

[15] Культовый характер сооружения подчеркивается его продуманной ориентацией — натурные наблюдения и расчеты показывают, что входная, фасадная, сторона здания ориентирована на точку захода солнца в момент зимнего солнцестояния.

ранее IV в. до н. э. практически неизвестно[16]. На крупном укрепленном городище «Красный Октябрь», который заманчиво было бы рассматривать как «пару» «Семибратнему», также до настоящего времени материалов ранее IV в. до н. э. не выявлены. Несмотря на разведки, специально посвященные поиску ранних поселений на Кандауре, не обнаружены ранние усадьбы, группирующиеся вокруг этого памятника. Нет никаких ранних памятников и на мысу, между Саротитаровским и Ахтанизовским лиманом, в районе ур. Дубовый Рынок. Следующая группа ранних памятников расположена уже по берегам Ахтанизовского лимана.

Из сказанного следует сделать вывод о том, что один из путей расселения греков проходил по территории современного Анапского района последовательно посредством продвижения по берегу пра-Кизилташского лимана (или соответствующего морского залива) с юга на север. По пути греки осваивали все наиболее пригодные для устройства поселений лиманы и устья рек, вступая в торговые отношения с местным аборигенным населением. В дальнейшем они осваивали прилегающую территорию образовывая новые поселения, либо вселяясь и эллинизируя уже существующие. На местах благоприятных для переправ создавались своего рода «пары» (или «тройки») поселений. Крайним пунктом на пути такого продвижения стала долина реки Чекон, где основано самое крупное поселение — «Семибратнее городище». Вероятно, что одновременно был освоен и Ахтанизовский лиман, а возможно и северный берег Кизилташского лимана. Однако утверждать, что в этот период существовал настоящий морской пролив из Черного в Азовское море на основании имеющихся археологических данных представляется преждевременным (см. ссылку выше). Семибратнее же городище, видимо, возникло как конечный пункт на пути морской торговли, где товары продавались окрестному аборигенному населению на месте, либо где-то на варварских торжищах выше по Кубани. Позже (в пределах второй половины V-IV в. до н. э.) греки начинают осваивать прилегающую долину Кубани, основав серию памятников на острове Кандаур, а также Краснобатарейное городище, как вероятный восточный предел их экспансии.

В связи со сказанным, следует упомянуть о трех ранних варварских памятниках, расположенных в глубине территории, выше по течению, которые пунктиром отмечают пути торговли с варварским населением внутренних территорий. Это поселение «Красное». Небольшое неукрепленное поселение «Красное 1» находится в 0,75 км к востоку от восточной окраины хут. Красный, на восточном склоне водораздела рек Кудако и Русской, в 32 километрах к востоку-юго-востоку от «Семибратнего» и в 12,7 километрах к юго-востоку от Краснобатарейного городища. Наиболее ранний материал при его раскопках датировался в рамках второй половины VI в. до н. э., более точная датировка — в пределах последней четверти VI в. до н. э. Чуть более поздним временем (в пределах начала V в. до н. э.) датируется поселение «Ударное», расположенное практически в плавнях реки Кубани в 6 км к востоку от Краснобатарейного городища и 28,6 км к юго-востоку от «Семибратнего»; а также поселение «Кувичинское», расположенное в 53 км на восток-северо-восток от Семибратнего городища и в 31 км от Краснобатарейного городища, практически в пойме Кубани на северной оконечности Варнавинского водохранилища.

Но история варварских поселений, расположенных по руслу Кубани, и история взаимоотношений с ними греков — это уже другая история.

---

[16] Следует отметить, что на острове Кандаур материалы VI-V веков известны, но они расположены не на Южном (обращенном к устью Кубани) склоне.

1. Абрамов А. П., Паромов Я. М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. 2. М., 1993.
2. Абрамов А. П. Амфоры VI-V вв. до н. э. в Северном Причерноморье. М., 2010.
3. Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-западного Кавказа. М., 1991.
4. Виноградов Ю. А., Боспор Киммерийский//Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005
5. Виноградов Ю. А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского//Боспорские исследования. Т. XXII. Симферополь-Керчь, 2009.
6. Гарбузов Г. П. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // Древности Боспора. Т. 17. 2013. С. 110-131.
7. Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова. Собрание сочинений. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1898.
8. Журавлев Д. В., Шлоцгауер У., Кельтербаум Д., Поротов А. В. Новые данные о греческой колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
9. Журавлев Д. В., Кельтербаум Д., Поротов А. В., Шлотцауер У. Боспор Кубанский // Боспор Киммерийский и варварский мир. Боспорские чтения XII. Керчь, 2011.
10. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Греки и варвары на берегах Боспора Кубанского // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПБ., 2011.
11. Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д. Греки на Таманском полуострове: из истории колонизации // Россия и Германия. 1(5). 2013.
12. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014.
13. Завойкин А. А., Гарбузов Г. П. О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 14. 2010. С. 184-219.
14. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
15. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т1. М., 2010.
16. Кузнецов В. Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА, 204. 1991.
17. Кузнецова Е. В. Экономические связи ранних поселений Азиатского Боспора VI-III вв. до н. э. Саратов, 2013.
18. Ломтадзе Г. А. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // ДБ. Т. 17. М., 2013.
19. Ломтадзе Г. А., Камелина Г. А. Первые итоги исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова — Ахтанизовская 4 // ДБ. Т. 12. II. М. 2008.
20. Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья (Том 3). А. А. Малышев (ред.) М., 270 с.
21. Новичихин А. М. Население Западного Закубанья. Краснодар, 2003.
22. Новичихин А. М. Исследования архаических памятников у поселка Алексевка. // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993.
23. Паромов Я. М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI-V вв. до н. э.) // Древности Боспора 10. М., 2006.
24. Суриков И. Е. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // ВДИ 1. 2013.
25. Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения. Керчь, 2011.

Article covers the issue of the Western Trans-Kuban region colonization. Recent surveys determined somewhat new look at an issue of the Greek invasion on the mentioned territories. Nowadays several big towns and several dozens of villas and settlements are known. They occur in the second half of VI c. B.C and existed up to IV-III c. BC. One of the ways of the Greek colonization passed through the territory of the modern Anapa district by gradual expansion along the shore of Kiziltashsky great estuary (or the corresponding bay) from south to north . On their way Greeks explored every lagoon and estuary suitable for living and developed trade relations with local communities. Later they brought new lands under control either by establishing new settlements or Hellenizing the existing ones. The extreme point on the path of such exploration was the River Valley Chekon, where the largest settlement — «Seven Brothers settlement.» was established. Apparently Ahtanizovsky estuary and probably even the northern shore of the Kiziltashsky estuary were also explored at the same time. Statement of existence at that time of the Strait connecting the Black sea and the Sea of Azov may be considered premature. Seven Brothers settlement probably was established as the final destination on a sea trade route where goods could be sold to the locals either directly on the spot or somewhere on a market place located higher up the river Kuban. Later (about second half of the V-IV c. B.C.) Greeks started to explore the surrounding valley of the Kuban river.

Key words: *Bosporus; Chekon river; Seven Brothers settlement; Kuban; Greeks.*

Сведения об авторах

Авсенёва Светлана Николаевна — кафедра истории древнего мира и средних веков ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

Адаксина Светлана Борисовна — к. и. н., Государственный Эрмитаж.

Бейлин Денис Владиславович — ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», ГБНУ РК «Институт археологии Крыма».

Вахонеев Виктор Васильевич — к. и. н., ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований».

Вахтина Марина Юрьевна — к. и. н., Институт Истории материальной культуры РАН.

Виноградов Юрий Алексеевич — д. и. н., Институт истории материальной культуры РАН.

Винокуров Николай Игоревич — д. и. н., Московский педагогический государственный университет.

Гарбузов Геннадий Павлович — к. и. н., Южный научный центр РАН.

Жилина Наталья Викторовна — д. и. н., Институт археологии РАН.

Зубарев Виктор Геннадьевич — д. и. н., Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.

Ланцов Сергей Борисович — к. и. н., ГБНУ РК «Институт археологии Крыма».

Кропотов Виктор Валерьевич — к. и. н., ГБНУ РК «Институт археологии Крыма».

Лейбенсон Юлия Тарасовна — аспирант ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

Михайлов Арсений Михайлович — н. с. ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник».

Мыц Виктор Леонидович — к. и. н., Государственный Эрмитаж.

Никитаев Алексей Викторович — Керченское отделение ГБУЗ РК «Крымское Республиканское Бюро судебно-медицинской экспертизы».

Павлов Евгений Сергеевич — Московский государственный областной университет.

Пономарев Денис Юрьевич — Керченское отделение ГБУЗ РК «Крымское Республиканское Бюро судебно-медицинской экспертизы».

Пономарев Леонид Юрьевич — исследователь, археолог.

Прохорова Татьяна Александровна — к. и. н., ГБУК ГС Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Смекалов Сергей Львович — к. и. н., Тульский государственный педагогически университет им. Л. Н. Толстого.

Столяренко Павел Геннадьевич — ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ».

Строкин Владимир Леонидович — Независимый исследователь, г. Темрюк.

Струкова Екатерина Валериевна — ГБУК ГС Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Сударев Николай Игоревич — к. и. н., Институт археологии РАН.

Супренков Александр Анатольевич — Институт Археологии РАН.

Терещенко Андрей Евгеньевич — к. и. н., Государственный Русский музей.

Умрихина Татьяна Викторовна — к. ф. н., ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник».

Ушаков Сергей Владимирович — к. и. н., ГБНУ РК «Институт археологии Крыма».

Федосеев Николай Федорович — к. и. н., ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник».

Хршановский Владимир Андреевич — к. ф. н., Институт археологии РАН.

Ярцев Сергей Владимирович — к. и. н., ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого».

СОДЕРЖАНИЕ

Т. В. Умрихина
Дорогой читатель! 4

С. Н. Авсенёва
География керченского полуострова
в сочинениях путешественников по Крыму
конца XVIII — первой половины XIX в. 6

С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц
Формирование малых городов Генуэзской Газарии
(на примере фактории в Чембало: 1345-1475 гг.) 12

Д. В. Бейлин
Поселение Тархан I в Восточном Крыму
(по результатам разведок 2009-2012 гг.) 19

В. В. Вахонеев
Опыт проведения глубоководных
археологических исследований
средневековых кораблекрушений в акватории Крыма 28

М. Ю. Вахтина
О гробницах 1 и 6 некрополя Нимфея 34

Ю. А. Виноградов
Об открытии молотильного тока
на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров) 43

Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарев
Салтово-маяцкие комплексы
городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) 46

Н. В. Жилина
Пальчатые фибулы местных и причерноморских форм
в Поднепровье: сравнительный типологический
и стилистический анализ 54

В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов, С. Б. Ланцов
Исследование
античных грунтовых некрополей Крыма в 2014 г. 61

В. В. Кропотов
Два комплекса
позднеэллинистического времени
на западной окраине Боспорского царства 68

Ю. Т. Лейбенсон
«Союз тоги и меча» на берегах Боспора 74

О. Н. Мельников
Кесария и Агриппия на Боспоре.
Локализация по данным нумизматики и эпиграфики 79

Е. С. Павлов
Добыча строительного камня в Каллатисе 86

Д. Ю. Пономарев, А. В. Никитаев
Болезнь скотоводов.
Заболевание бруцеллез у жителей среднего Боспора 91

Т. А. Прохорова
Несостоявшаяся поездка
Иоганна Кристиана фон Струве в Керчь в 1792 г.
(к вопросу изучения полуострова в конце XVIII века) 97

П. Г. Столяренко, А. М. Михайлов
К топографии некрополя Парфения 103

В. Л. Строкин
Несколько штрихов к нумизматике Пантикапея IV в. до н.э. ...109

А. А. Супренков
Эллинистическое поселение Стройгородок 1
на востоке Керчи 116

А. Е. Терещенко
К вопросу датировки
новой разновидности пантикапейской меди IV в. до н. э. 121

С. В. Ушаков, Е. В. Струкова
Лепная керамика позднеантичного Херсонеса
в контексте античных памятников
Северного Причерноморья 126

Н. Ф. Федосеев
Археологические исследования
в районе Царского кургана в Керчи 133

В. А. Хршановский
Круглые святилища на илуратском плато.
Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности 142

С. В. Ярцев
Римская стратегия в Северном Причерноморье
в конце III — первой половине IV в. н. э. 148

Н. И. Сударев, Г. П. Гарбузов
К вопросу о колонизации Боспора 156

Сведения об авторах 166

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

Исторические науки

№ 7 (2015)

Редактор *Г. Н. Гржибовская*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. В. Климашонок*

Подписано к печати 24.07.2015
Формат 189x283
Гарнитура Times New Roman
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел.: +79780219280, +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru